

ТЭД УИЛЬЯМС

БАШНЯ ЗЕЛЕНОГО АНГЕЛА

ТОМ 1

ПАМЯТЬ,
СКОРБЬ
И ШИП
КНИГА ТРЕТЬЯ

fanzon

Остен Ард

Тэд Уильямс

Башня Зеленого Ангела. Том 1

«ЭКСМО»

1993

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Башня Зеленого Ангела. Том 1 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
1993 — (Остен Ард)

ISBN 978-5-04-190068-7

Первый том романа «Башня Зеленого Ангела». Новый полный перевод третьего романа трилогии, сделавшей Тэда Уильямса звездой эпического фэнтези. Продолжение «Скалы прощания», завершение масштабной истории «Память, Скорбь и Шип». Роман разделен на два тома. Финалист премии «Локус». Бессмертные ситхи, распространяющие зло по всему миру, готовятся погрузить короля Элиаса еще глубже в кошмарное темное колдовство Инелуки. Сила Короля Бурь растет. Границы времени стираются. Тем временем верные союзники принца Джошуа собирают свои силы у Скалы Прощания. Саймон и оставшиеся в живых члены Ордена Манускрипта предпринимают отчаянные попытки разгадать тайны забытого прошлого, зашифрованные в древних текстах. Текстах, которые содержат секрет, с помощью которого Джошуа со своей малочисленной армией сможет нанести поражение непобедимому врагу. «Те читатели, которым нравится теряться в многогранных историях эпического фэнтези, почувствуют себя в своей стихии». — Locus «Грандиозная фантазия, по масштабам ближе всего к «Властелину колец» Толкина». — Cincinnati Post «Один из самых моих любимых фэнтези-циклов, вдохновивший меня на собственный сериал». — Джордж Мартин, автор «Игры Престолов» «Новаторский подход... меняющий представление о жанре и открывающий путь множеству новых книг в жанре фэнтези. Включая мои». — Патрик Ротфусс, автор «Имени ветра» ««Память, Скорбь и Шип» — один из величайших фэнтезийных эпосов всех времён». — Кристофер Паолини, автор бестселлера «Эрагон»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-190068-7

© Уильямс Т., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Заметки автора	7
Краткое содержание «Трона из Костей Дракона»	8
Краткое содержание «Скалы Прощания»	11
Вступление	15
Часть первая. Скала ждет	19
1. Под чужим небом	19
2. Разные цепи	33
3. Восток мира	49
4. Безмолвное дитя	71
5. Пустоши снов	89
6. Морская могила	106
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Тэд Уильямс

Башня Зеленого Ангела. Том 1

Tad Williams
TO GREEN ANGEL TOWER

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод а русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Эта серия посвящена моей матери, Барбаре Джин Эванс, которая научила меня искать другие миры и делиться тем, что я в них нахожусь.

Последнюю книгу трилогии, «Башня Зеленого ангела», являющейся целым миром, полным душевной боли и радости, я с огромной-огромной любовью посвящаю Нэнси Деминг-Уильямс.

Заметки автора

*И смерть свою утратит власть.
И мертвые тела сольются с западной луной и тем,
Кого скрывает ветер;
Когда, свой выждав срок, их кости обретут
родство с ничем,
В оправе локтя и ступни родится свет звезды;
Сошедшие с ума, они свой разум найдут,
Проглоченные волной, восстанут из океанских пут,
Влюбленных гибель вызовет любовь;
И смерть свою утратит власть.*

Дилан Томас (из «И смерть свою утратит власть»¹)

*Скажи всю правду, но не в лоб —
обиняком коснись.
Излишне резко заблестит
ее святой сюрприз.*

*О вспышке молнии дите
предупреждают так.
Пусть в силу исподволь войдет,
Не то ослепнет всяк².*

Многие помогали мне с этими книгами, начиная с предложений и моральной поддержки до серьезных логистических советов. Эва Камминг, Нэнси Деминг-Уильямс, Артур Росс Эванс, Эндрю Харрис, Пол Хадспет, Питер Стэмпфель, Дуг Вернер, Майкл Велан, милые сотрудники «Дау букс» и все мои друзья на «Джи Эни» вошли в маленький (но важный) список тех, благодаря кому я сумел закончить Историю, которая поглотила мою жизнь.

Моя особая благодарность за помощь в работе над последним томом Раздутого эпоса принадлежит Мэри Фрей, которая потратила невероятное количество сил и времени на чтение — за неимением лучшего слова — и анализ моего чудовищного манускрипта. Она с потрясающей энергией толкала меня вперед, когда я особенно в этом нуждался.

И, разумеется, вклад моих редакторов, Шейлы Гилберт и Бетси Волхейм, совершенно бесценен. Их главное преступление состоит в слишком хорошем отношении, и вот заслуженное наказание.

Тем, кого я перечислил, и всем моим друзьям и сторонникам, которых не упомянул, что вовсе не означает, будто я их забыл, моя самая сердечная признательность.

¹ Дилан Томас (перевод П. Руминова).

² Эмили Дикинсон (перевод А. Пустогарова).

Краткое содержание «Трона из Костей Дракона»

Миллиарды лет Хейхолт принадлежал бессмертным ситхи, но они бежали из огромного замка под напором людей, которые после этого долго правили величайшей крепостью, а также Светлым Ардом. *Престер Джон*, Верховный король смертных, является его последним хозяином; в ранней молодости он одержал множество побед, обрел славу и теперь, сидя на Троне из Костей Дракона, правит страной несколько мирных десятилетий.

Саймон – неуклюжий четырнадцатилетний парень, один из кухонных работников Хейхолта. Его родители умерли, и единственной семьей стали горничные и их суровая командирша, прозванная *Рейчел Дракониха*. Если Саймону удастся улизнуть из кухни, он пробирается в захламленные апартаменты доктора *Моргенеса*, эксцентричного ученого, живущего в замке. Когда старик предлагает Саймону стать его учеником, юношу переполняет ликование – пока он не обнаруживает, что Моргенес намерен учить его чтению и письму, а вовсе не магии.

Скоро старый король Джон умрет, и *Элиас*, старший из его сыновей, готовится занять трон. *Джошуа*, серьезный брат Элиаса, прозванный Одноруким из-за того, что лишился руки во время сражения, тем не менее ожесточенно спорит с будущим королем по поводу *Прайрата*, священника в красных одеяниях, пользующегося дурной репутацией и являющегося самым доверенным советником Элиаса. Вражда братьев нависает над замком и всей страной, точно предвестник беды.

Правление Элиаса начинается хорошо, но приходит засуха, чума свирепствует в нескольких районах Светлого Арда, вскоре на дорогах появляются разбойники, а из дальних деревень исчезают люди. Нарушается привычный порядок вещей, подданные короля теряют уверенность в своем правителе, но складывается впечатление, что ни Элиаса, ни его друзей происходящее совершенно не беспокоит. Джошуа неожиданно пропадает – чтобы подготовить восстание, как говорят некоторые.

Правление Элиаса огорчает многих, включая герцога *Изгримнура* из Риммерсгарда и графа *Золейра*, посла из страны под названием Эрнистир, находящейся на западе. Даже родная дочь Элиаса *Мириамель* заметно встревожена, особенно из-за Прайрата.

Тем временем Саймон продолжает помогать Моргенесу, и они быстро становятся друзьями, несмотря на мечтательную натуру Саймона и категорический отказ доктора учить его чему-либо, даже отдаленно похожему на магию. Однажды, когда он в очередной раз бродит по секретным, с множеством запутанных лабиринтов, коридорам Хейхолта, Саймон обнаруживает секретный проход, и его там чуть не ловит Прайрат. Спасаясь от священника, он попадает в никому не известную подземную комнату и находит Джошуа, которого там держат, чтобы использовать для жуткого ритуала, задуманного Прайратом. Саймон возвращается к Моргенесу, вдвоем они освобождают Джошуа и приводят в апартаменты доктора, и тот указывает ему путь наверх по одному из тоннелей, расположенных под древним замком. Затем, когда Моргенес отправляет почтовых птиц к своим таинственным друзьям, сообщая им, что произошло, приходят Прайрат и королевские стражники, чтобы арестовать доктора и Саймона. Моргенес погибает, сражаясь с Прайратом, но его жертва помогает Саймону сбежать в тоннель.

Почти обезумевший Саймон бродит по темным коридорам под замком и оказывается среди руин древнего дворца ситхи. Он выбирается на поверхность на кладбище за городскими стенами, видит огонь и направляется в его сторону, где становится свидетелем странной сцены: Прайрат и король Элиас участвуют в ритуале вместе с белолицыми существами в черных плащах. Они передают Элиасу необычный серый меч по имени *Скорбь*, наделенный пугающей силой, и Саймон спасается бегством.

Жизнь в дикой местности на границе огромного леса Альдхорт оказывается невероятно тяжелой, и спустя несколько недель Саймон уже едва жив от голода и усталости, однако север-

ная крепость Наглимунд, принадлежащая Джошуа, все еще очень далеко. Он направляется к хижине лесника, чтобы попросить еды, по дороге находит диковинное существо, оказавшееся в ловушке, и понимает, что перед ним ситхи, которых все считают мифическим народом или, по крайней мере, давно исчезнувшим. Возвращается лесник, но прежде чем он успевает расправиться со своим беспомощным пленником, Саймон наносит удар, и убийца падает на землю. Ситхи, оказавшись на свободе, задерживаются всего на мгновение, чтобы отправить в сторону Саймона белую стрелу, а затем скрывается из вида. Незнакомый голос велит Саймону взять стрелу, потому что она является даром ситхи.

Маленький незнакомец оказывается троллем по имени *Бинабик*, который путешествует верхом на огромном волке. Он говорит Саймону, что проезжал мимо, но теперь намерен сопровождать его в Наглимунд. По дороге на долю Саймона и Бинабика выпадает множество приключений и невероятных событий: они начинают понимать, что им грозит более серьезная опасность, чем гнев короля и его советника, лишившихся своего пленника. Наконец, когда их начинают преследовать противоестественные белые гончие, помеченные знаком Стормспайка, пользующейся дурной славой горы на дальнем севере, они вынуждены направиться в лесную хижину *Джелой*, где рассчитывают укрыться, прихватив с собой двух путников, спасенных от гончих. Джелой, суровая женщина, живущая в лесу и имеющая репутацию ведьмы, выслушав их, соглашается, что древние норны, ожесточенные родственники ситхи, имеют какое-то отношение к нынешней судьбе королевства Престера Джона.

Самые разные враги, люди и не только, угрожают им на пути в Наглимунд. После того как Бинабика ранили стрелой, Саймон и одна из спасенных ими девушек, служанка из замка, вынуждены пробираться через лес. На них нападает лохматый гигант, но тут появляется охотничий отряд Джошуа и выручает их.

Принц отвозит их в Наглимунд, где ранами Бинабика занимается лекарь, и выясняется, что Саймон случайно оказался в самом центре жутких событий. Вскоре приходит Элиас и осаждает замок Джошуа. Спутница Саймона оказывается вовсе не служанкой, а переодетой принцессой Мириамель, сбежавшей от отца, который, как она опасается, сошел с ума под влиянием Прайрата. Со всего севера и других мест в Наглимунде к Джошуа, которого считают последней защитой от безумного короля, стекаются испуганные люди.

Затем, когда принц и его сторонники обсуждают предстоящее сражение, в зале советов появляется странный старый риммер по имени *Ярнауга*. Он член *Ордена Манускрипта*, объединяющего ученых. Моргенес и наставник Бинабика также в него входили. Ярнауга сообщает мрачные новости. Он говорит, что их враг не только Элиас, ему помогает Король Бурь Инелуки, который когда-то был принцем ситхи, – он мертв вот уже пять веков, однако его бестелесный дух правит норнами горы Стормспайк, бледными родичами отделившихся ситхи.

Жуткая магия серого меча по имени *Скорбь* стала причиной смерти Инелуки, а также нападения смертных на ситхи. Орден Манускрипта считает, что меч передан Элиасу как первый шаг какого-то непонятного плана мести, который приведет к тому, что весь мир окажется во власти Короля Бурь. Единственную надежду дает пророческое стихотворение, где, предположительно, говорится о том, что «три меча» могут остановить могучую магию Инелуки.

Один из них, серый меч по имени *Скорбь*, принадлежащий Королю Бурь, сейчас в руках их врага, короля Элиаса. Другой, риммергардский клинок *Миннеяр*, также прежде находился в Хейхолте, но где он теперь – неизвестно. Третий – *Шип*, черный меч величайшего рыцаря короля Джона *сэра Камариса*. Ярнауга и другие члены Ордена пришли к выводу, что он спрятан где-то на замерзшем севере. Несмотря на слабую надежду на успех, Джошуа отправляет Бинабика, Саймона и нескольких солдат на поиски Шипа, в то время как Наглимунд готовится к осаде.

Надвигающийся кризис действует и на остальных. Принцессу Мириамель невероятно раздражают попытки дяди ее защитить, она переодевается монахом и сбегает из Наглимунда

в сопровождении таинственного монаха по имени *Кадрах*. Мириамель рассчитывает добраться до южного Наббана и убедить своих родственников помочь Джошуа. Старый герцог Изгри-мнур по просьбе Джошуа также меняет свой довольно узнаваемый облик и отправляется на ее поиски. *Тиамак*, живущий в болотах Вранна ученый, получает странное послание от своего прежнего наставника Моргенеса, в котором тот пишет о приближении тяжелых времен и намекает на то, что Тиамаку предназначено сыграть в них определенную роль. *Мегвин*, дочь короля Эрнистира, беспомощно наблюдает за тем, как ее семью и страну затягивает водоворот войны из-за предательства Верховного короля Элиаса.

Саймон и Бинабик вместе со своим отрядом попадают в засаду, устроенную *Ингеном Джеггером*, Охотником из Стормспайка, и его слугами. Их спасает появление ситхи *Джирики*, которого Саймон вызволил из ловушки лесника. Когда Джирики узнает о цели их путешествия, он принимает решение отправиться вместе с ними на поиски Шипа к горе Урмшейм, легендарному месту обитания одного из великих драконов.

К тому моменту, когда они добираются до горы, король Элиас начинает осаду замка Джошуа в Наглимунде, и, хотя защитникам удастся отразить первые атаки, они несут серьезные потери. Создается впечатление, что армия Элиаса отступает и отказывается от своих планов, но, прежде чем обитатели крепости начинают праздновать победу, на северном горизонте зарождается необычная буря, которая направляется в сторону Наглимунда. Она служит прикрытием для наводящей ужас армии Инелуки, состоящей из норнов и гигантов, и, когда *Красная Рука*, отряд отборных слуг Короля Бурь, разбивает ворота Наглимунда, начинается безжалостная бойня. Джошуа и нескольким его соратникам удается бежать из разрушенной крепости, но перед этим принц Джошуа проклинает Элиаса за бессовестную сделку, заключенную с Королем Бурь, и обещает забрать у него корону отца.

В поисках Дерева Удун, огромного замерзшего водопада, Саймон и его спутники, встретив на своем пути множество жутких опасностей, взбираются на Урмшейм. Там в похожей на склеп пещере они находят Шип. Но, прежде чем им удастся забрать меч, снова появляется Инген Джеггер и атакует их со своим отрядом. Сражение будит Игьярдук, белого дракона, спавшего многие годы подо льдом. Обе стороны несут серьезные потери. Саймон остается в полном одиночестве на краю утеса, а когда к нему начинает приближаться Игьярдук, поднимает Шип и замахивается. Его заливают черная кровь дракона.

Саймон приходит в себя в пещере горы Иканук в стране троллей. Джирики и *Эйстан*, солдат-эркинландер, выхаживают его. Они забрали Шип с Урмшейма, но Бинабика собственные соплеменники держат в плену вместе с риммером *Слудигом*, и им грозит смерть. У Саймона остались шрамы от крови дракона, а широкая прядь волос стала белой. Джирики называет его Снежная Прядь и сообщает Саймону, что хорошо это или плохо, но он теперь навсегда отмечен.

Краткое содержание «Скалы Прощания»

Саймон, ситхи *Джирики* и солдат *Эйстан* стали почетными гостями в городе на вершине горы в стране кануков – троллей, отличающихся невысоким ростом. Но со *Слудигом* – чей народ, риммеры, является древним врагом кануков – и другом Саймона, *Бинабиком*, обращаются совсем не так хорошо: родители Бинабика держат их в заточении и им грозит смертная казнь. На аудиенции с Пастухом и Охотницей, правителями кануков, выясняется, что Бинабика обвиняют не только в том, что он покинул свое племя, но также и не сдержал брачную клятву, данную *Сискви*, младшей дочери правящей семьи. Саймон умоляет Джирики помочь, но у ситхи имеются обязательства перед своей семьей, и он не собирается ни при каких обстоятельствах вмешиваться в правосудие кануков. Незадолго до дня казни Джирики отправляется домой.

И хотя Сискви сердита на Бинабика за нарушение клятвы, она не может вынести мысль о его смерти. Вместе с Саймоном и Эйстаном она организует побег двух пленников, но, когда они ищут в пещере наставника Бинабика манускрипт, который обеспечит их необходимой информацией, как найти место под названием Скала Прощания – Саймон узнал о нем в одном из своих видений, – их снова ловят охваченные яростью вожди кануков. Но в своем посмертном письме наставник Бинабика подтверждает его слова о причине отсутствия, а содержащиеся в нем предупреждения наконец убеждают правителей, что опасность для всех земель действительно существует. Пленников прощают. Саймону и его спутникам разрешают покинуть Иканук, а также отнести могучий меч *Шип* находящемуся в изгнании принцу *Джошуа*. Сискви и отряд троллей сопровождают их до подножия горы.

Тем временем Джошуа и маленький отряд его сторонников спасаются из разрушенного Наглимунда и скитаются по лесу Альдхорт. Их преследуют норны Короля Бурь. Им приходится защищаться не только от стрел и копий, но и от темной магии, однако они встречаются с *Джелой*, женщиной, живущей в лесу, и *Лелет*, молчаливой девочкой, которую Саймон спас от жутких псов из Стормспайка. Необычная пара ведет отряд Джошуа через лес к месту, когда-то принадлежавшему ситхи, куда норны не осмеливаются заходить, чтобы не нарушить древнее соглашение, заключенное между разделившимися родственными кланами. Джелой говорит, что им следует идти к еще более священной для ситхи Скале Прощания, куда она направила Саймона, послав ему видение.

Мириамель, дочь Верховного короля *Элиаса* и племянница Джошуа, отправляется в путь в надежде найти для Джошуа союзников среди своей родни при дворе Наббана; ее сопровождает беспутный монах по имени *Кадрах*. Их захватывает хитрый и алчный граф *Стриве* из Пердруина, который говорит Мириамель, что намерен отправить ее к некоему человеку, чтобы расплатиться с долгом перед ним. К радости Мириамель, оказывается, что это священник *Диниван*, секретарь ликтора *Ранессина*, главы Матери Церкви. Диниван является тайным членом Ордена Манускрипта и надеется, что Мириамель удастся убедить ликтора отлучить Элиаса и его советника, священника-рenegата *Прайрата*, от Церкви.

Мать Церковь также страдает не только от Элиаса, требующего, чтобы она не вмешивалась в его дела, но и от *Огненных танцоров*, религиозных фанатиков, утверждающих, что Король Бурь посещает их во сне. Ранессин выслушивает Мириамель, и его охватывает сильная тревога.

Когда Саймон и его спутники спускаются с высоких гор, на них нападают снежные гиганты, в результате погибают солдат Эйстан и множество троллей. Позже Саймон размышляет о несправедливости жизни и смерти, нечаянно будит зеркало ситхи, которое ему дал Джирики для заклинания призыва, и оказывается на Дороге Снов, где сначала встречается с Матриархом ситхи *Амерасу*, а затем с ужасной Королевой норнов, *Утук'ку*. Амерасу пытается

понять, что задумали Утук'ку и Король Бурь, и путешествует по Дорогам Снов в поисках мудрости и союзников.

Джошуа и остатки его отряда наконец выходят из леса и оказываются на луговых землях Высоких тритингов, где их практически сразу захватывает странствующий клан, во главе которого стоит марк-тан *Фиколмий*, отец любовницы Джошуа *Воршевы*. Обозленный на Джошуа за то, что лишился дочери, Фиколмий приказывает жестоко его избить, а затем назначает поединок, рассчитывая, что Джошуа погибнет. Но план Фиколмия не срабатывает, Джошуа остается в живых, Фиколмию приходится заплатить за поражение, и он отдает отряду Джошуа лошадей. На Джошуа производит огромное впечатление то, что Воршева испытывает стыд, снова оказавшись среди своих соплеменников, и он женится на ней в присутствии Фиколмия и всего клана. Когда отец Воршевы радостно сообщает, что солдаты Элиаса скачут по лугам, чтобы их схватить, принц и его спутники поспешно покидают лагерь и направляются на восток, в сторону Скалы Прощания.

В далеком Эрнистире *Мегвин* остается последней в своем роду. Ее отец король и брат погибли, сражаясь с пешкой Элиаса *Скали*, и она уводит свой народ в пещеры горы Грианспог. Мегвин посещают странные сны, и ее будто притягивают старые шахты и пещеры под Грианспогом. Граф *Эoleyр*, самый доверенный подданный отца Мегвин, отправляется ее искать, и вместе они оказываются в огромном подземном городе Мезуту'а. Мегвин уверена, что в нем живут ситхи и они придут на выручку эрнистирийцам, как уже случилось в прошлом, но выясняется, что единственными живыми существами в городе являются *дварры*, странная группа робких делверов, имеющих отдаленное родство с бессмертными. Дварры, мастера работы с металлом и камнем, сообщают им, что меч *Миннеяр*, который ищет Джошуа, на самом деле известен под именем *Сияющий Коготь* и похоронен вместе с *Престером Джоном*, отцом Джошуа и Элиаса.

На Мегвин их слова не производят ни малейшего впечатления, она совершенно сломлена тем, что ее сны оказались бесполезными для народа Эрнистира. Кроме того, ее сильно беспокоит глупая любовь к Эoleyру – по крайней мере, так она считает. Поэтому она придумывает для него поручение – доставить Джошуа и тем, кто спасся вместе с ним из Наглимунда, новость про Миннеяр, а также карты раскопок дварров, на которых изображены тоннели, в том числе те, что проходят под замком Элиаса, Хейхолтом. Эoleyр озадачен и рассержен тем, что она его отсылает, но уезжает.

Саймон, Бинабик и Слудиг оставляют Сискви и отряд троллей у подножия горы и дальше идут по огромным ледяным пространствам Белой Пустоши. На северной границе огромного леса они обнаруживают старое аббатство, где живут дети и девушка по имени *Скоди*, которая о них заботится. Путники остаются там на ночь, радуясь, что им не придется снова мерзнуть, но выясняется, что Скоди совсем не та, кем кажется; с помощью колдовства она заманивает всех троих в ловушку, затем приступает к ритуалу, чтобы призвать Короля Бурь и рассказать ему, что ей удалось захватить меч Шип. Появляется кто-то из призрачных членов *Красной Руки*, но маленький мальчик разрушает заклинание, и из-под земли выбирается целая туча копателей. Скоди и ребенок погибают, Саймону и его спутникам удается спастись, главным образом благодаря яростной волчице Бинабика, *Кантаке*.

Практически обезумевший после прикосновения к его мыслям члена Красной Руки, Саймон скачет прочь от своих спутников, по пути налетает на дерево, теряет сознание и скатывается в овраг, Бинабик со Слудигом не могут его найти. Наконец, полные раскаяния, они берут меч Шип и отправляются к Скале Прощания без Саймона.

Кроме Мириамель и Кадраха, во дворец ликтора в Наббане прибыло еще несколько человек. Один из них – союзник Джошуа герцог *Изгримнур*, который ищет Мириамель. Другой – Прайрат, явившийся, чтобы передать Ранессину ультиматум короля. Ликтор возмуща-

ется и отлучает от Церкви Прайрата и Элиаса; посланник короля клянется ему отомстить и покидает банкетный зал.

Ночью Прайрат использует заклинание, которое ему дали слуги Короля Бурь, превращается в существо тени и убивает Динивана, жестоко расправляется с ликтором и поджигает несколько залов, чтобы бросить подозрение на Огненных танцоров. Кадрах отчаянно боится Прайрата, всю ночь уговаривает Мириамель бежать вместе с ним из дворца и в конце концов бьет ее по голове, а когда она теряет сознание, уносит на плече. Изгримнур находит умирающего Динивана, и тот передает ему знак Ордена Манускрипта, чтобы он вручил его вранну по имени *Тиамак*, а также просит отправиться в город Кванитупул на краю болот Наббана и найти там постоянный двор «Чаша Пелиппы».

А в это время Тиамак уже получил более раннее послание Динивана и направляется в Кванитупул, хотя его путешествие чуть не заканчивается, когда на него нападает крокодил. Раненый, страдающий от жестокой лихорадки, он наконец находит «Чашу Пелиппы», но там его не слишком сердечно встречает новая хозяйка.

Мириамель приходит в себя и обнаруживает, что Кадрах незаметно пронес ее в трюм корабля. Пока пьяный монах спит, корабль поднимает паруса. Их быстро находит *Ган Итаи*, ниски, чья задача состоит в том, чтобы защищать корабль от злобных морских существ – *килта*. И хотя «зайцы» ей нравятся, она рассказывает о них владельцу корабля *Аспитису Превесу*, молодому аристократу из Наббана.

Далеко на севере просыпается Саймон, во сне он снова слышит женщину ситхи Аме-расу и узнает, что Инелуки, Король Бурь, – ее сын. Саймон теперь совсем один, он заблудился в заснеженном лесу Альдхорт, где нет даже тропинок. Он пытается оживить зеркало Джирики, чтобы попросить помощи, но никто не отвечает на его мольбы. Наконец он выбирает направление, которое кажется ему правильным, хотя понимает, что у него мало шансов пройти много лиг по зимнему лесу и остаться в живых. Он перебивается жуками и травой и размышляет, что случится раньше – он окончательно сойдет с ума или умрет от голода. В конце концов его спасает появление сестры Джирики, *Адиту*, нашедшей его в ответ на призыв зеркала. Она творит какую-то особую дорожную магию, превращающую зиму в лето, а когда заканчивается ее действие, они с Саймоном входят в скрытую от посторонних глаз крепость ситхи Джао э-Тинукай'и, место фантастической красоты, где не властно время. Саймон счастлив, когда его приветствует Джирики, но всего несколько мгновений спустя, когда его приводят к *Ликимейе* и *Шима'онари*, родителям Джирики и Адиту, его радость превращается в ужас. Правители ситхи сообщают ему, что, поскольку ни один смертный не знает секрета Джао э-Тинукай'и, он останется там навсегда.

Спасаясь от очередных преследователей, Джошуа и его отряд выходят на северные луговые земли, но, когда они собираются оказать сопротивление врагу, видят, что это не солдаты Элиаса, а тритинги, бежавшие из клана Фиколмия, чтобы присоединиться к принцу. Следуя за Джелой, они наконец добираются до Сесуад'ры, Скалы Прощания, огромного холма, стоящего в самом центре широкой долины. Здесь было заключено соглашение между ситхи и норнами и произошло разделение двух родственных кланов. Измученный скитаниями и невзгодами отряд Джошуа радуется, что они нашли мирный приют – пусть и на короткое время. Они также надеются, что теперь им удастся узнать, каким образом три Великих меча позволят им победить Элиаса и Короля Бурь, как обещало древнее стихотворение *Ниссеса*.

Безумие Элиаса, который находится в Хейхолте, становится все сильнее, и граф *Гутвульф*, прежде бывший фаворитом короля, начинает сомневаться в его способности править страной. Когда Элиас заставляет его прикоснуться к серому мечу *Скорбь*, Гутвульфа практически поглощает необычная внутренняя магия меча, и он перестает быть прежним. *Рейчел Дракониха*, командирша горничных, живет в Хейхолте, и ее также возмущает то, что происходит вокруг. Она узнает, что Прайрат виновен в смерти Саймона (она думает, что он погиб),

и решает действовать. Когда Прайрат возвращается из Наббана, она нападает на него с ножом в руках, однако могущество священника так велико, что он получает лишь незначительную царапину, но, когда поворачивается, собираясь с помощью огненной магии расправиться с Рейчел, вмешивается Гутвульф, и заклинание его ослепляет, а Рейчел в суматохе удается сбежать.

Мириамель и Кадрах говорят владельцу корабля Аспитису, что она дочь мелкого аристократа, Аспитис оказывает им гостеприимство, особенно Мириамель. Кадрах становится все мрачнее, а когда пытается сбежать с корабля, Аспитис приказывает заковать его в кандалы. Мириамель чувствует себя беспомощной и одинокой в ловушке на корабле, и в конце концов Аспитис ее соблазняет.

Тем временем Изгримнур проделывает долгий путь и оказывается в Кванитупуле. Там он выясняет, что Тиамак находится на постоялом дворе, но ему не удается обнаружить никаких следов Мириамель. Его разочарование мгновенно сменяется потрясением, когда он узнает в старом простачке привратнике, охраняющем ворота, сэра *Камариса*, величайшего рыцаря времен короля Престера Джона, того самого воина, которому когда-то принадлежал меч Шип. Все думали, что Камарис умер сорок лет назад, но что произошло на самом деле, остается тайной, потому что старый рыцарь практически лишился рассудка и стал подобен пятилетнему ребенку.

Бинабик и Слудиг несут меч Шип и спасаются от преследования снежных гигантов, построив плот, чтобы переплывать огромное беспокойное озеро, бывшее прежде долиной, на которой стояла Скала Прощания.

Заключение Саймона в Джао э-Тинукай'и скорее наводит на него скуку, чем пугает, но он испытывает сильное беспокойство за подвергающихся опасностям друзей. Его вызывает Первая Бабушка ситхи Амерасу, и Джирики отводит его в ее необычный дом. Она изучает воспоминания Саймона в попытке найти в них то, что поможет ей понять намерения Короля Бурь, а затем отправляет его.

Через несколько дней Саймона приглашают на сбор всех ситхи. Амерасу обещает рассказать им, что ей удалось узнать про Инелуки, но сначала она отчитывает свой народ за нежелание сражаться и нездоровые, навязчивые размышления о прошлом и в конечном итоге о смерти. Она достает одного из Свидетелей, который, как и зеркало Джирики, позволяет попасть на Дорогу Снов. Амерасу уже собирается показать Саймону и собравшимся ситхи, чем занимаются Король Бурь и Королева норнов, но в зеркале возникает сама Утук'ку и обвиняет Амерасу в том, что та слишком любит смертных и вмешивается не в свое дело. В следующее мгновение появляется один из членов отряда Красная Рука, и, пока Джирики и остальные ситхи сражаются с пылающим духом, *Инген Джеггер*, смертный Охотник Королевы норнов, врывается в Джао э-Тинукай'и и убивает Амерасу, заставив ее замолчать до того, как она успевает сказать соплеменникам то, что собиралась.

Инген убит, а дух из Красной Руки изгнан, но трагедия уже произошла. Когда ситхи погружаются в скорбь, родители Джирики пересматривают свой приговор и отпускают Саймона из Джао э-Тинукай'и, отправив с ним в роли проводника Адиту. Когда Саймон уходит, он замечает, что вечное лето, царившее в убежище ситхи, становится немного холоднее.

На границе леса Адиту сажает его в лодку и отдает послание от Амерасу, которое он должен передать Джошуа. Саймон плывет по озеру дождевой воды к Скале Прощания, где встречается с друзьями. Некоторое время Саймон и все остальные будут находиться в безопасности перед надвигающейся бурей.

Вступление

Гутвульф, граф Утаниата, водил пальцами по покрытому глубокими царапинами дереву Большого стола Престера Джона, охваченный беспокойством из-за царившего вокруг него молчания. Если не считать громкого дыхания виночерпия короля Элиаса и стука ложек по чашам, зал наполняло безмолвие – совсем не так должно быть, когда за столом собралось почти двадцать человек. Тишина казалась вдвойне угнетающей для слепого Гутвульфа, хотя в ней не было ничего удивительного – теперь совсем немногие ели вместе с Элиасом, а те, кто оказывались в его присутствии, старались как можно быстрее сбежать, чтобы не искушать судьбу рискованными разговорами.

Несколько недель назад капитан-наемник по имени Алгарт, из Луговых тритингов, совершил ошибку, пошутив насчет слишком свободного поведения женщин Наббана. Такое расхожее мнение бытовало среди тритингов, которые не могли понять женщин, пользовавшихся косметикой и бесстыдно демонстрировавших окружающим слишком много обнаженных частей тела – по мнению жителей фургонов. Грубая шутка Алгарта осталась бы незамеченной в другой компании, а поскольку в Хейхолте было мало женщин, за столом Элиаса сидели только мужчины. Но наемник забыл – или не знал, – что жена Верховного короля, погибшая от стрелы тритинга, была родом из аристократической семьи Наббана. К тому времени когда подали сладкое в завершение ужина, голова Алгарта уже висела на роге седла стражника-эркинландера, который направлялся к воротам Нирулаг, чтобы насадить ее на один из кольев, где она стала угощением для дворовых воронов.

Гутвульф подумал, что прошло уже много времени с тех пор, как разговоры за обеденным столом Хейхолта напоминали праздничный фейерверк. Теперь все ели почти в похоронном молчании, которое нарушали лишь вздохи потевших слуг – им приходилось выполнять двойную работу за исчезнувших куда-то товарищей – и редкие нервные комплименты аристократов и служащих замка, не сумевших отказаться от приглашения короля.

Гутвульф услышал, как кто-то тихо заговорил, и узнал голос сэра Флуирена, который что-то прошептал королю. Древний рыцарь только что вернулся из своего родного Наббана, где выступал в роли посла к герцогу Бенигарису, и сегодня ему выпало сидеть на почетном месте по правую руку короля. Старик рассказал Гутвульфу, что его дневная встреча с королем прошла самым обычным образом, но тем не менее складывалось впечатление, что во время ужина Элиаса что-то беспокоило. Гутвульф не мог этого видеть, но десятилетия, проведенные рядом с ним, создавали картинку вокруг каждого звука и странных слов короля. Кроме того, слух, обоняние и осязание, обострившиеся после того, как он ослеп, становились еще более яркими в присутствии жуткого меча Скорбь.

С тех пор как король заставил Гутвульфа к нему прикоснуться, графу стало казаться, что серый клинок почти наделен собственной жизнью, знает его и спокойно, но напряженно ждет, точно вышедшее на охоту животное, уловившее запах добычи. От одного его присутствия тело Гутвульфа покрывалось мурашками, и он чувствовал, как до предела напряжены его нервы и сухожилия. Иногда посреди ночи граф Утаниата лежал без сна, и ему казалось, будто он слышит меч сквозь толщу камня крепости, отделявшего его спальню от покоев короля, а серое сердце меча ритмично бьется, хотя слышит его только он.

Неожиданно Элиас резко встал, и скрип дерева по камню заставил всех замолчать. Гутвульф представил, как ложки и кубки замерли в воздухе и вино пролилось на стол.

– Будь ты проклят, старик, – прорычал король. – Ты кому служишь, мне или щенку Бенигарису?

– Я всего лишь сообщил вам, что сказал герцог, ваше величество, – дрожащим голосом пролепетал сэр Флуирен. – Но я считаю, что он не намеревался показать вам неуважение. Трининги устраивают ему проблемы на границах, а вранны оказались весьма неговорчивыми...

– А какое мне до всех них дело?! – Гутвульф почти видел, как Элиас прищурился, ведь он столько раз являлся свидетелем того, как менялось в гневе бледное лицо короля, становилось землистым и слегка влажным. Гутвульф слышал разговоры слуг о том, что в последнее время король невероятно похудел. – Я помог ему занять трон, да проклянет его Эйдон! И дал ликтора, который не будет вмешиваться в его дела!

Сказав это, Элиас замолчал, и только Гутвульф из всех, кто находился за столом, услышал, как резко втянул в себя воздух Прайрат, сидевший напротив слепого графа. Элиас, который будто почувствовал, что зашел слишком далеко, слабо махнул рукой и вернулся к тихой беседе с Флуиреном.

Гутвульф несколько мгновений не мог справиться с потрясением, потом быстро схватил ложку и принялся есть, постаравшись скрыть неожиданно возникший страх. Ему стало любопытно, как он выглядит со стороны. Может быть, сейчас все на него смотрят – заметил ли кто-то, что он неожиданно покраснел? Слова короля о ликторе и вздох Прайрата засели у него в голове. Остальные, вне всякого сомнения, решили, что Элиас повлиял на выбор послушного эскритера Веллигиса, который сменил Ранессина на посту ликтора, однако у Гутвульфа имелись сомнения на сей счет. Беспокойство Прайрата, когда создалось впечатление, что король собирается сказать лишнее, подтвердило подозрения Гутвульфа: именно Прайрат организовал смерть Ранессина. А теперь Гутвульф уже не сомневался, что Элиас тоже это знал – возможно, даже приказал его убить. Король и его советник заключили сделку с демонами и отняли жизнь у Главного священника Бога.

В этот момент, сидя в небольшой компании, собравшейся за столом, Гутвульф почувствовал страшное одиночество, совсем как человек, оказавшийся на продуваемой ветрами вершине горы. Он больше не мог выносить груз обманов и страха и понял, что пора бежать. Лучше стать слепым нищим на самой ужасной помойке Наббана, чем еще хоть на мгновение остаться в проклятой, полной привидений крепости.

Гутвульф распахнул дверь своей комнаты и помедлил на пороге, позволяя воздуху из коридора остудить лицо. Была полночь. Даже если бы он не слышал печальные ноты колокола на Башне Зеленого ангела, он узнал бы более глубокое, холодное прикосновение к щекам и глазам, резкое дыхание ночи, когда солнце находится в своем далеком убежище.

Он испытал диковинное ощущение, когда понял, что теперь его глаза превратились в один из органов осязания и помогают «видеть», что происходит вокруг. Прайрат отнял у него зрение, и они стали самой чувствительной частью его тела, улавливали даже слабые перемены ветра и погоды лучше, чем кончики пальцев. Однако хотя слепые глаза оказались настолько полезными, ему было странно использовать их таким образом. Несколько ночей подряд Гутвульф просыпался, не в силах сделать вдох, в поту. Ему снилось, что он превратился в ползающее по земле бесформенное существо с мясистыми стеблями, растущими на лице, а ставшие бесполезными глаза шевелятся, точно рога улитки. В своих снах он все видел; осознание того, что он смотрит на самого себя, вырывало его из сна, он начинал задыхаться, снова и снова возвращаясь к настоящей темноте, ставшей его постоянным домом.

Гутвульф вышел в замковый коридор, продолжая удивляться тому, что остается в темноте, переходя из одного помещения в другое. Когда он закрыл свою дверь, оставив за ней тлеющие угли в жаровне, холод стал сильнее. Через открытое окно до него доносился приглушенный звон доспехов стражников на стене. Он прислушался к набиравшему силу ветру, печальная песня которого поглотила скрип их обмундирования. Внизу, в городе, залаяла собака. Где-то за несколькими поворотами коридора тихо открылась и закрылась дверь.

Гутвульф, покачиваясь, несколько мгновений стоял в нерешительности, затем сделал еще пару шагов от своей двери. Он сказал себе, что если собирается покинуть замок, то должен сделать это сейчас – и нет никакого смысла торчать в коридоре. Гутвульф знал, что ему следовало спешить и воспользоваться преимуществами, которые давал ему поздний час: когда весь мир ослеплен ночью и он снова с ним почти на равных. Что еще ему оставалось? Он больше не мог переносить то, во что превратился его король. Но уйти требовалось тайно. Несмотря на то что Элиасу сейчас не было никакой пользы от Руки Верховного короля Гутвульфа, граф сомневался, что бывший друг спокойно его отпустит. То, что слепой захочет покинуть замок, где он жил и его кормили, решится бежать от старого товарища, очень сильно пахло предательством – по крайней мере, для того, кто сидит на Троне из Костей Дракона.

Гутвульф долго размышлял, прежде чем принял это решение, даже составил маршрут. Он спустится в Эрчестер и переночует в соборе Святого Сутрина, который практически опустел, и монахи с радостью принимали всех, кто осмеливался остаться на ночь в городских стенах. Утром он смешается с толпой людей, покидающих город по Старой Лесной дороге и направляющихся на восток, в сторону долины Асу. А оттуда... кто знает? Может быть, дальше в луговые земли, где, по слухам, Джошуа собирает армию повстанцев. Возможно, в аббатство в Стэншире или какое-то другое место, где он укроется, по крайней мере, до тех пор, пока невероятная игра Элиаса не уничтожит весь мир.

Все, хватит предаваться раздумьям. Ночь скроет его от любопытных глаз, а днем он спрячется в соборе Святого Сутрина. Пора уходить.

Но в тот момент, когда Гутвульф сделал несколько шагов по коридору, он почувствовал легкое, точно перышко, присутствие – дыхание, неопределенное ощущение, что рядом *кто-то есть*. Он повернулся и выставил перед собой руку. Неужели кто-то пришел, чтобы его остановить?

– Кто?..

Никого. Или, если рядом кто-то и находился, он стоял очень тихо, насмехаясь над его слепотой. Гутвульф ощутил странную потерю равновесия, как будто пол у него под ногами резко стал наклонным, сделал еще шаг и вдруг почувствовал могучее присутствие серого меча, и его со всех сторон окружила необычная сила. На мгновение он подумал, что стены расступились, колющий ветер промчался над ним и внутри него, но тут же исчез.

Что за безумие такое?

Слепой и напуганный. Он едва не заплакал. Потом выругался.

Гутвульф взял себя в руки и пошел дальше, оставив за спиной безопасность своей комнаты, однако его преследовало необычное чувство дезориентации, когда он пробирался по бесконечным коридорам Хейхолта. Его пальцы натыкались на странные предметы, изящную мебель, гладко отполированные, диковинной формы перила, непохожие на те, что остались у него в памяти. Дверь комнаты, в которой прежде жили горничные, была не заперта и раскачивалась на петлях, и хотя он знал, что внутри никого нет – Рейчел тайно вывела девушек из замка перед тем, как напасть на Прайрата, – он слышал где-то в глубине едва различимый шепот. Гутвульф вздрогнул, но не стал останавливаться; еще до того как он лишился зрения, Гутвульф понял, что Хейхолт стал странно переменчивым и непостоянным местом.

Гутвульф продолжал считать шаги. За предыдущие недели он несколько раз прошел по этому маршруту и знал, что до того места, где коридор поворачивает, тридцать пять шагов, еще две дюжины до главной лестничной площадки, затем он окажется в узком, продуваемом ветрами Виноградном саду. Еще полсотни шагов, и он снова под крышей и дальше пойдет по Прогулочному коридору капеллана.

Неожиданно стена под его пальцами стала теплой, а в следующее мгновение обжигающе горячей. Граф отдернул руку, тихонько вскрикнув от боли и удивления. По коридору пронесся слабый крик:

«...т'си э-иси'ха ас-иригу!...»

Гутвульф снова дотронулся дрожащей рукой до стены и почувствовал только камень, холодный и сырой. Ветер трепал его одежду – ветер или бесплотная, что-то бормотавшая толпа. Ощущение присутствия серого меча было невероятно сильным.

Гутвульф поспешил вперед по замковым коридорам, едва касаясь пальцами пугающе менявшихся стен. У него появилось поразительное ощущение, что он единственное живое существо в коридорах замка. А диковинные звуки и прикосновения, легкие, точно дым или крылышки мотыльков, фантомы, убеждал он себя, его не остановят. Ведь они лишь тени магического вмешательства Прайрата. Он не позволит им помешать ему бежать из замка и не намерен оставаться пленником этого развращенного места.

Граф коснулся грубого дерева двери и, к своей огромной радости, понял, что рассчитал все правильно, с трудом сдержав возглас ликования и облегчения. Он добрался до маленькой дверцы Большой Южной двери. За ней – свежий воздух и помещения, обслуживавшие внутренний двор.

Но, когда он ее толкнул и шагнул наружу, вместо резкого холодного воздуха, как он ожидал, Гутвульф почувствовал горячий ветер и жар огня на коже. Незнакомые голоса, испуганные и наполненные болью, бормотали что-то непонятное.

Матерь Божья! Неужели Хейхолт загорелся!

Гутвульф шагнул назад, но не смог найти дверь, его пальцы скребли по камню, становившемуся все горячее под его руками. Бормотание медленно превращалось в говор множества взволнованных голосов, тихих и одновременно пронзительных, подобных жужжанию потревоженного улья. Вскоре его ноги заскользили по сырой земле общего двора, но одновременно каблучки стучали по гладким плиткам. Невидимый замок подхватило какое-то жуткое течение, он горел и содрогался, а потом вдруг становился холодным и прочным, и все это в полной тишине, его обитатели спали, не ведая о том, что в нем творилось.

Сон и реальность, казалось, полностью слились воедино, собственный мрак Гутвульфа наполняли призраки, которые что-то шептали, мешая ему считать, однако он продолжал идти вперед, полный мрачной решимости, что провела его через множество страшных кампаний, когда он служил капитаном в армии Элиаса. Гутвульф медленно шел в сторону Среднего двора и, наконец, остановился ненадолго отдохнуть около – по его подсчетам – места, где прежде находилось жилище замкового доктора. Он уловил кислый запах обгоревших бревен, вытянул перед собой руку и почувствовал, как от его прикосновения что-то рассыпалось, превратившись в гнилую пыль. Гутвульф рассеянно подумал про пожар, убивший Моргенеса и еще нескольких человек. И вдруг, словно в ответ на воспоминания, его окружило трескучее пламя. Оно не могло быть иллюзией – Гутвульф чувствовал смертоносный жар, точно могучий кулак, преграждавший ему дорогу, куда бы он ни поворачивал. Он начал задыхаться и в отчаянии закричал. Он в ловушке, в ловушке! И сторит заживо!

«*Руакха, руакха Асу'а!*» – звучали призрачные голоса из-за стены огня. Присутствие серого меча уже проникло внутрь него, оно было везде. Гутвульфу казалось, что он слышит дикое пение Скорби и более тихие голоса его противоестественных братьев. Три меча. Три дьявольских меча. Они знали его.

Он услышал шорох, будто от множества крыльев, и вдруг почувствовал, что перед ним появился проход, пустое пространство в стене пламени – дверь, в которую вливался прохладный воздух. У него не было другой дороги, поэтому он накинуд на голову плащ и неуверенно шагнул в коридор, где царили тихие, холодные тени.

Часть первая. Скала ждет

1. Под чужим небом

Саймон, прищурившись, посмотрел на звезды, которые парили в ночном небе. Ему становилось все труднее сражаться со сном. Уставшие глаза обратились к самому яркому созвездию, неровному кругу огоньков, паривших, казалось, всего на расстоянии ладони над разрушенным, похожим на скорлупу разбитого яйца, краем купола.

Вон там... Это ведь Вращающееся колесо? Созвездие действительно имело необычные овальные очертания – как будто небо, на котором висели звезды, вытянулось и обрело незнакомую форму – но если это не Вращающееся колесо, тогда что еще может сиять на такой высоте в середине осени? Заяц? У Зайца есть маленькая шишковатая звезда – Хвост. К тому же Заяц совсем не такое большое созвездие.

Острый коготь ветра пробрался в полуразрушенное здание. Джелой назвала зал, в котором Саймон находился, Обсерваторией, и он решил, что это еще одна ее сдержанная шутка. Только прошедшие долгие века сумели открыть белый каменный купол небу, а потому Саймон был уверен, что здесь не могла размещаться обсерватория. Даже загадочным ситхи не дано наблюдать за звездами сквозь потолок из прочного камня.

Ветер снова ворвался внутрь, на сей раз более пронзительный, и принес с собой облако снежинок. И хотя Саймон дрожал, он обрадовался: холод немного прогнал сон. Он не мог позволить себе уснуть – только не в эту ночь из всех ночей.

Итак, я стал мужчиной, – подумал он. – Ну, почти. Я почти мужчина.

Саймон задрал рукав рубашки, посмотрел на руку, попытался напрячь мускулы и нахмурился – результат ему совсем не понравился. Тогда он провел пальцами по волоскам на предплечье и нащупал жесткие шрамы в местах, где прежде были не слишком глубокие раны: следы черных когтей гюне, многочисленные порезы и царапины, которые он получил, когда поскользнулся и ударился о камень на склоне Сиккихока. Неужели ты становишься взрослым, когда у тебя появляются шрамы? Он считал, что раны учат и наделяют опытом, – но какие уроки он мог извлечь из того, что происходило с ним за последний год?

Не допускай гибели друзей, – мрачно подумал Саймон. – Это во-первых. Не болтайся по миру, где тебя могут преследовать чудовища и безумцы. Не заводи врагов.

Но это лишь слова, которые люди с удовольствием повторяют, снова и снова. Никакие решения не бывают легкими, хотя именно такими кажутся в проповедях отца Дреосана, где людям всегда предоставлен понятный выбор между Путем Зла и Путем Эйдона. Последний опыт Саймона говорил, что их приходится принимать, рассматривая одну неприятную возможность или другую, и все они имеют лишь слабое отношение к добру или злу.

Ветер, проникавший внутрь сквозь дыру в куполе, стал еще пронзительнее, и Саймон так замерз, что у него начали стучать зубы. Несмотря на красоту замысловатых стен, которые испускали жемчужное сияние, Саймону это место не нравилось. Углы казались какими-то странными, а пропорции явно должны были радовать чуждые глаза. Как и другие творения

бессмертных архитекторов, Обсерватория полностью принадлежала ситхи, и смертные никогда не будут чувствовать себя здесь уютно.

Саймон нервничал, принялся ходить взад и вперед, ветер заглушал тихое эхо его шагов. Он решил, что одной из интересных деталей большого круглого зала были каменные полы, от которых ситхи давно отказались. Он пошевелил пальцами в сапоге, вспоминая теплые, заросшие травой луга Джао-э-Тинукай'и. Он разгуливал всюду босиком, ведь там всегда царило лето. Саймон обхватил себя руками, пытаясь хоть как-то согреться.

Пол Обсерватории был выложен изысканно обработанными и подогнанными друг к другу плитками, но цилиндрическая стена казалась единым целым и, возможно, являлась частью самой Скалы Прощания. Саймон задумался: другие строения здесь также не имели заметных швов и соединений. Если ситхи вырубали самые разные строения, стоявшие на земле, из скалистых костей горы и таким же образом использовали Сесуад'ру – казалось, будто весь камень пронизан тоннелями, – как они узнавали, что пора остановиться? Неужели не боялись проделывать лишнюю дыру, и тогда камень просто развалился бы на части? Эти вопросы завораживали Саймона не меньше любой другой магии ситхи, которую он видел и о которой слышал, недоступной смертным, – например, знание о том, когда следует прекратить работу.

Я хочу забраться наверх. Хочу взглянуть на луну.

Саймон прошел по гладкому каменному полу к одной из длинных винтовых лестниц, которая поднималась вверх, охватывая спиралью комнаты, и начал подниматься, считая шаги. Он уже делал так несколько раз в течение этой долгой ночи. На сотой ступеньке он сел. Алмазное сияние выбранной им звезды, раньше находившейся на полпути вдоль неглубокой зазубрины в разрушенном куполе, когда он приходил сюда в прошлый раз, теперь озаряло ее край. Скоро она скроется из вида за остатками купола.

Хорошо. Значит, какое-то время все-таки прошло. Ночь была длинной, а звезды безумно странными, но, по крайней мере, время продолжало свой бег.

Саймон встал на ноги и, легко преодолевая ступеньки, продолжил подниматься по лестнице, и хотя у него немного кружилась голова, он не сомневался, что долгий сон вернет все на свои места. Саймон добрался до верхней площадки, похожей на каменный воротник, который поддерживали колонны, прежде шедшей вдоль всего здания. Она давно разрушилась, и большая часть обломков упала вниз, остался лишь небольшой кусок пола, соединенный с лестницей. Верхняя часть высокой внешней стены находилась как раз над головой Саймона. Он сделал несколько осторожных шагов вдоль площадки к месту, где дыра в куполе сползла вниз и оказалась почти прямо над его макушкой. Саймон нашел надежную опору для пальцев, подтянулся наверх, спустил одну ногу со стены, и она повисла в пустоте.

Луна, словно рана на разорванном ветром покрывале из туч, светила достаточно ярко, и бледные развалины внизу сияли. Саймон выбрал прекрасное место для наблюдения. Обсерватория, единственное сооружение за внешней стеной Сесуад'ры, по высоте не уступало самым стенам, превращая все вокруг в одно низкое огромное здание. В отличие от других оставленных ситхи поселений, которые Саймон видел, тут не было высоких башен и шпилей, словно дух строителей Сесуад'ры отдыхал или как если бы они возводили здесь строения по какой-то утилитарной причине, а не гордясь своим мастерством.

Нельзя сказать, что руины выглядели ужасно: белый камень испускал собственный искрившийся свет, а дома за стеной подчинялись какому-то дикому, но очень логичному геометрическому рисунку. И хотя все здесь было меньше, чем в Да'ай Чикизе или Энки-э-Шао'сэй, скромные размеры и одинаковая архитектура наделяли поселение простой красотой, отличавшейся от великолепия других мест.

Вокруг Обсерватории и остальных важных зданий, вроде Дома Прощания и Дома Воды – их имена назвала ему Джелой, но Саймон не знал, связаны ли они как-то с тем, для чего их изначально построили, – вились тропинки и стояли сооружения поменьше, точнее руины, чьи

переплетавшиеся детали были сделаны так искусно и казались настолько естественными, что напоминали лепестки цветов. Вокруг почти все заросло деревьями, но даже в них Саймон видел остатки порядка, так зеленая трава внутри ведьминога круга показывала, откуда начали расти грибы.

В центре бывшего когда-то потрясающе красивым поселения находилась необычная, выложенная плиткой плоская площадка, сейчас практически заросшая вездесущей травой, но даже в свете луны Саймон сумел разглядеть следы невероятно сложного, изящного рисунка. Джелой назвала площадку Огненным садом. Саймон, который был знаком только с творениями человеческих рук, решил, что здесь находился рынок.

За Огненным садом, по другую сторону Дома Прощания, Саймон видел неподвижные конические очертания белого цвета – палатки отряда Джошуа, заметно увеличившегося благодаря новым воинам, приходившим сюда вот уже целую неделю. Свободного места почти не осталось даже на широкой, точно обеденный стол, вершине. Некоторые из недавно прибывших устроились в пещерах под горой.

Саймон сидел, глядя на мерцание костров, пока не начал чувствовать себя ужасно одиноким. Луна казалась ему невероятно далекой, холодной и равнодушной.

Он не знал, как долго смотрел в темную пустоту. На мгновение ему показалось, что он уснул и ему снится сон, но он не сомневался, что странное ощущение невесомости реально – настоящее и пугающее. Он принялся сопротивляться, но его руки и ноги стали какими-то далекими, и он их не чувствовал. Казалось, у него остались только глаза. Его мысли сияли ярко, точно звезды на небе – когда *были* небо и звезды и что-то еще, кроме бескрайнего мрака. Саймона наполнил ужас.

Да спасет меня Усирис, неужели пришел Король Бурь и теперь в мире будет царить вечная темнота? Господи, пожалуйста, верни свет!

И, словно в ответ на его молитву, в глубокой темноте начали зажигаться огоньки. Не звезды, как ему сначала показалось, а факелы – крошечные точки света, которые постепенно становились все больше, как будто приближались к нему издалека. Сияющее облако, подобное стае светлячков, превратилось в реку, а та в линию, вращавшуюся медленными спиралями. Саймон понял, что сотни факелов поднимались по извивавшейся по склону горы тропинке к Сесуад'ре тем же путем, которым он сам пришел сюда из Джао э-Тинукайи.

Саймон уже видел фигуры в плащах с капюшонами, молчаливую процессию, двигавшуюся с ритуальной точностью.

Я на Дороге Снов, – неожиданно понял он. – Амерасу говорила, что я ближе к ней, чем многие другие.

Но что он видит?

Строй факельщиков добрался до ровной площадки и остановился, образовав сверкавший в темноте веер, и свет залил оба склона горы. Они поднялись на Сесуад'ру, но в сиянии факелов Саймон видел, что это не та Сесуад'ра, которую он знал. Руины исчезли, колонны и стены были целыми и невредимыми. Неужели его глазам предстало прошлое, прежняя Скала Прощания или диковинное будущее – что, возможно, наступит, когда Король Бурь подчинит себе весь Светлый Ард?

Огромный отряд направился вперед, к плоской площадке, в которой Саймон узнал Огненный сад. Фигуры в плащах вставили факелы в отверстия между плитками или на каменные пьедесталы, и расцвел огненный сад, превратившись в поле, залитое мерцавшим переливавшимся светом. Пламя танцевало на ветру, и Саймону показалось, что рассыпавшихся искр гораздо больше, чем звезд на небе.

Он почувствовал, что его неожиданно повлекло за толпой вперед и вниз, в сторону Дома Прощания. Словно лишившись плоти, он промчался сквозь залитую светом ночь и каменные

стены и оказался в залитом ярким сиянием зале. Там царила тишина, лишь громко шумело у Саймона в ушах. Вблизи образы, на которые он смотрел, казалось, переливались и обретали расплывчатые очертания по бокам, как будто мир частично лишился своей естественной формы. Охваченный беспокойством Саймон попытался закрыть глаза, но обнаружил, что его двойник на Дороге Снов не может избавиться от видений и ему остается только беспомощно за ними наблюдать.

Таинственные фигуры окружили стол, шары в альковах испускали холодный свет, и их голубое, ярко-оранжевое и желтое сияние отбрасывало длинные тени на украшенные резьбой стены. Еще больше глубоких теней рождалось от установленного на столе сооружения из концентрических сфер, похожих на большую астролябию, которую Саймон часто протирал по просьбе доктора Моргенеса, – но вместо латуни и дерева сфера состояла из теплого света, как будто кто-то нарисовал жидким огнем в воздухе диковинные картины. Двигавшиеся вокруг фигуры были расплывчатыми, но Саймон совершенно точно знал, что смотрит на ситхи. Такой гордой осанкой и текучей грацией не обладал больше никто.

Женщина ситхи в небесно-голубом платье наклонилась к столу и изящными огненными пальцами добавила собственный рисунок к сиявшей сфере. Ее волосы были чернее теней, чернее ночного неба над Сесуад'рой и окутывали ее голову и плечи облаком поразительной красоты. На мгновение Саймону показалось, будто он смотрит на молодую Амерасу, но хотя женщина обладала огромным сходством с Первой Бабушкой, какой он ее запомнил, он не мог не видеть различий.

Рядом с ней стоял мужчина с белой бородой в развевавшемся красном одеянии. Очертания бледных рогов украшали его лоб, и Саймону стало не по себе – он уже видел нечто подобное в других, более пугающих снах. Бородатый мужчина наклонился вперед и заговорил с женщиной, она повернулась и прибавила новые огненные линии к картине над столом.

И хотя Саймон не видел лица темноволосой женщины, он точно знал, кто стоял напротив нее – лицо пряталось под серебряной маской, тело скрывало снежно-белое одеяние. Словно в ответ черноволосой женщине, Королева норнов подняла руку и перечеркнула линией тусклого огня ее картину, потом снова махнула рукой и накинула слегка дымившуюся алую сеть на сферу, находившуюся с краю. Мужчина рядом с ней спокойно наблюдал за каждым ее движением. Высокий, крепкий, в черных, точно обсидиан, доспехах с шипами – он не прятал лицо под маской или еще как-то, однако Саймон почти не различал его черты.

Что они делают? Неужели заключают Договор о Расставании, о котором Саймон уже слышал, – потому что, вне всякого сомнения, он видел собравшихся на Сесуад'ре ситхи и норнов.

Смутные фигуры заговорили более оживленно. Пересекавшиеся огненные петли летели в воздух над сферами и замирали в пустоте, яркие, точно образ промчавшейся мимо огненной стрелы. Саймону показалось, что разговор перешел на более резкие тона: многие из призрачных наблюдателей сердито – такого гнева Саймон никогда не видел у знакомых ему бессмертных – подошли к столу и окружили главную четверку, однако Саймон по-прежнему ничего не слышал, только глухой рев, как у яростно воющего ветра или мчащейся воды. В самый разгар спора огненные шары вспыхнули и принялись метаться, словно языки пламени в костре.

Саймон жалел, что не может подобраться ближе, чтобы лучше все видеть. Неужели ему предстало прошлое? Может быть, оно просочилось из волшебного камня? Или это всего лишь сон, навеянный долгой ночью и песнями, которые он слышал в Джао э-Тинукай'и? Почему-то он был уверен, что перед ним не иллюзия, – происходящее казалось таким реальным, что ему представлялось, будто он может протянуть руку... протянуть руку... и *прикоснуться*...

Звуки начали стихать, свет факелов и сфер потускнел.

Саймон задрожал и очнулся. Он сидел наверху, на самом краю полуразрушенной Обсерватории. Ситхи пропали. Исчезли факелы в Огненном саду. И ни единого живого существа не было на вершине Сесуад'ры, если не считать двух стражей возле костра внизу, рядом с палаточ-

ным городком. Озадаченный Саймон еще немного посидел, глядя на далекий огонь и пытаясь понять, что же он видел. Может быть, это что-то значит? Или всего лишь следы, не имеющие смысла, имя, нацарапанное путником на стене, оставшееся после того, как он ушел?

Саймон начал медленно спускаться по лестнице из Обсерватории и снова направился к своему одеялу. От попыток понять, что означало видение, у него заболела голова, и с каждым проходившим часом ему становилось все труднее думать.

Завернувшись поплотнее в плащ – одежда под ним была не слишком теплой, – Саймон сделал большой глоток из своего меха. Вода одного из источников Сесуад'ры была сладкой и холодной, он выпил еще, наслаждаясь послевкусием травы и призрачных цветов, и принялся постукивать пальцами по каменным плиткам. Ему следовало забыть про сны и думать о вещах, о которых говорил Деорнот. В начале ночи Саймон повторял их в уме снова и снова столько раз, что в конце концов они стали казаться ему чепухой. Сейчас, когда он попытался сосредоточиться, он обнаружил, что литания, столь старательно внушаемая ему Деорнотом, вылетела у него из головы, а слова ускользали, точно рыба в мелком пруду. Мысли разбегались, и он принялся вспоминать обо всем, что с ним произошло с тех пор, как он сбежал из Хейхолта.

Какие были времена! Сколько всего он видел! Саймон не знал, можно ли это назвать приключением – ведь приключения всегда заканчивались благополучно. Он сомневался, что у его истории конец будет хорошим, к тому же много людей погибло, а потому слово «благополучно» казалось ему не слишком подходящим... И все же он столько пережил... Кухонный мальчишка даже в самых смелых мечтах не мог такого представить. Саймон Олух встречался с существами из легенд, участвовал в сражениях и даже убивал людей. Конечно, все оказалось труднее, чем он раньше думал, когда представлял себя капитаном королевской армии; и на самом деле намного печальнее.

Саймона преследовали демоны, колдуны стали его врагами, он подружился с аристократами, оказавшимися не хуже и не лучше кухонных работников, и жил в качестве гостя – пусть и против своей воли – в городе бессмертных ситхи. Если не считать безопасности и теплых постелей, единственное, чего совсем не было в его приключениях, так это красивых девушек. Впрочем, он познакомился с принцессой, которая очень ему нравилась даже в те времена, когда выдавала себя за обычную девушку, но она давно исчезла из его жизни, и только Эйдон знал, где она сейчас. С тех пор он практически не общался с женщинами – кроме Адиту, сестры Джирики, но она находилась далеко за гранью его понимания. Адиту походила на леопарда: красивая, но пугающая. Саймону не хватало кого-то вроде него самого, только, разумеется, заметно привлекательнее. Он прикоснулся к начавшей расти бороде, потом пощупал длинный нос. *Она должна быть намного симпатичнее, чем он.* Он нуждался в том, с кем мог поговорить – кто любил бы его и понимал, как никогда не сможет друг тролль Бинабик, кто разделял бы с ним мысли и переживания...

Тот, кто поймет все про дракона, – неожиданно подумал он.

Саймон почувствовал, как его зазнобило, и на сей раз вовсе не из-за ветра. Одно дело – видение про древних ситхи, и неважно, что оно было невероятно ярким. Многих посещают самые разные сны – он слышал, как безумцы на Площади сражений в Эрчестере громко рассказывали о них друг другу, к тому же Саймон подозревал, что рядом с Сесуад'рой такое происходило очень часто. Но он встретился с драконом, а мало кто мог сказать такое про себя. Он стоял перед Игьярдук, Ледяным Червем, и не отступил. Он взмахнул своим мечом – ну, *мечом*: назвать Шип *своим* было бы невероятной наглостью с его стороны, – и дракон пал. Действительно потрясающее деяние, ведь никто из людей, кроме Престера Джона, не совершил такой подвиг, а Джон являлся величайшим из всех людей, Верховным королем.

Ну, да, Джон убил своего дракона, а я не верю, что Игьярдук умер, и чем больше о нем думаю, тем больше у меня сомнений. Вряд ли его кровь заставила бы меня чувствовать себя

так, как тогда, если бы он не остался в живых. И вряд ли мне хватило бы сил его прикончить, даже с помощью Шипа.

Но, хотя Саймон в подробностях рассказал всем, что произошло на Урмшейме, и поделился с ними своими сомнениями, некоторые из тех, кто поселился на Скале Прощания, называли его Убийца Дракона, улыбались и махали руками, когда он проходил мимо. Саймон пытался не обращать внимания на это имя, но люди принимали его сдержанность за скромность. Он даже слышал, как одна женщина из новых переселенцев из Гадринсетта рассказывала своим детям невероятную историю с яркими подробностями о том, что мощный удар Саймона полностью отсек дракону голову.

Он понимал, что скоро наступит момент, когда то, что произошло на самом деле, не будет иметь ни малейшего значения. Те, кто хорошо к нему относились – точнее, к истории про дракона, – будут говорить, что он в одиночку прикончил чудовище. А те, кому до него нет дела, скажут, что это вранье.

Мысль, что какие-то люди рассказывают фальшивые истории о его жизни, злила Саймона. Ему казалось, будто они отнимают у того, что с ним произошло, значимость. Не столько воображаемые скептики – *им* никогда не удастся отобрать у него мгновение пронзительной тишины и неподвижности, когда он стоял на вершине Урмшейма, – сколько другие, те, кто преувеличивал или, наоборот, упрощал его деяние, сочиняя истории о спокойной храбрости придуманного Саймона, убивавшего драконов просто потому, что он мог, или из-за того, что они представляли собой зло. Они пачкали грязными пальцами незапятнанную часть его души. То, что тогда случилось, было гораздо важнее. Ему так много открыли бледные, равнодушные глаза чудовища, его собственный героизм и одновременно растерянность... а еще обжигающая боль, когда черная кровь... показавшая ему мир... мир...

Саймон выпрямился, сообразив, что снова начал клевать носом. О господи, сон такой коварный враг. С ним нельзя встретиться лицом к лицу и сразиться; он дожидается, когда ты отвернешься, и тихонько к тебе подкрадывается. Но Саймон дал слово, а теперь, когда готов стать мужчиной, его обещание должно быть священным обязательством, которое нельзя нарушить. Поэтому он ни за что *не* уснет. Сегодня особенная ночь.

Воины сна вынудили его принять решительные меры к тому времени, как начался рассвет, но им не удалось одержать над ним верх. Когда в Обсерваторию со свечой в руке вошел Джеремиа, напряженный от осознания важности своей миссии, он обнаружил, что Саймон сидит скрестив ноги в луже быстро замерзавшей воды, мокрые рыжие волосы свисают на глаза, белая прядь напоминает сосульку. Но лицо Саймона сияло от триумфа.

– Я вылил всю воду из меха на голову, – сказал он с гордостью, но у него так отчаянно стучали зубы, что Джеремиа пришлось попросить его повторить. – Я вылил воду себе на голову. Чтобы не уснуть. Что ты здесь делаешь?

– Пора, – ответил Джеремиа. – Рассвет уже почти наступил. Пришло время уходить.

– А-а-а, – дрожавшим голосом протянул Саймон. – Я не спал, Джеремиа, ни одного мгновения.

Джеремиа кивнул и осторожно улыбнулся.

– Это хорошо, Саймон. Идем. В доме Стрэнгъярда разожгли огонь в камине.

Саймон чувствовал себя совсем замерзшим и слабее, чем он думал, и ему пришлось положить руку на худое плечо Джеремиа, чтобы не упасть. Тот стал таким тощим, что Саймон с трудом вспоминал, каким его друг был раньше – толстым, с тройным подбородком, учеником свечника, который вечно пыхтел и потел. Если забыть о страхе, время от времени появлявшемся в темных глазах, Джеремиа превратился в красивого молодого сквайра.

– Огонь? – Саймон, у которого кружилась голова, наконец понял, что сказал его друг. – Хороший огонь? А еда там есть?

– Огонь замечательный, – серьезно ответил Джереми. – В кузнице... под землей я многому научился, и среди прочего – хорошо разводить огонь. – Он медленно покачал головой, затем посмотрел Саймону в глаза. В его взгляде промелькнула тень, подобная зайцу, прячущемуся от охотника в траве, но уже через мгновение появилась опасливая улыбка. – А насчет еды... нет, разумеется. Еще не сейчас, ты и сам знаешь. Но не волнуйся, свин, сегодня вечером тебе обязательно достанется кусок хлеба или еще что-нибудь.

– Пес, – сказал Саймон, ухмыльнувшись, и специально навалился на Джеремию так, что тот споткнулся под его весом.

Только благодаря ругани и взаимным оскорблениям им удалось не свалиться на холодные каменные плитки. Вместе, спотыкаясь, они вышли из двери Обсерватории под серо-фиолетовое небо. Свет с восточного горизонта проливался на вершину Скалы Прощания, но птицы еще не пели.

Джереми сказал правду. Огонь, пылавший в комнате с палаточным потолком, в которой жил отец Стрэнгъярд, оказался обжигающе горячим – что обрадовало Саймона, он сбросил одежду и забрался в деревянную лохань. Оглядываясь по сторонам, он увидел белые каменные стены, украшенные резными ползучими растениями и крохотными цветами, огонь отбрасывал на них яркие отблески, и казалось, будто они шевелятся под розово-оранжевой водой.

Отец Стрэнгъярд поднял очередной кувшин и вылил воду Саймону на голову и плечи. В отличие от вынужденного, но добровольного купания, эту воду, по крайней мере, подогрели, и, когда она стекала по его замерзшему телу, Саймон подумал, что она напоминает кровь.

– ...Пусть эта... пусть вода смоет грехи и сомнения. – Стрэнгъярд замолчал, чтобы поправить повязку на глазу, другой его глаз окружили морщинки, когда он попытался вспомнить следующие слова молитвы. Саймон знал, что священник нервничал, а вовсе не забыл нужные строчки. Стрэнгъярд провел большую часть вчерашнего дня, читая и перечитывая, и повторяя короткую церемонию. – Пусть... и пусть мужчина, омытый и не боящийся встать передо Мной, чтобы я заглянул в зеркало его души и увидел там твердость его сущности, праведность клятвы... праведность... клятвы... – Священник снова в отчаянии прищурился. – О!..

Саймон наслаждался теплом огня, чувствовал себя глупым и будто лишившимся всех костей, но ему эти ощущения нравились. Он был уверен, что будет нервничать, даже испытает ужас, но бессонная ночь прогнала все страхи.

Стрэнгъярд провел рукой по остаткам волос, наконец вспомнил последние слова церемонии и быстро добрался до конца, словно боялся, что память снова его подведет. Потом он помог Джереми вытереть Саймона мягкими тряпицами, и они вернули ему его белое одеяние, на сей раз добавив к нему широкий кожаный ремень. А когда Саймон надел тапки, в дверном проеме появилась маленькая тень.

– Он готов? – спросил Бинабик.

Голос тролля прозвучал очень тихо и торжественно, как и всегда, с уважением к чужим ритуалам. Саймон посмотрел на Бинабика и вдруг почувствовал, как сильно его любит. Перед ним стоял настоящий друг, остававшийся с ним рядом во время всех трудностей и опасностей.

– Да, Бинабик, я готов.

Троль вывел Саймона наружу, Стрэнгъярд и Джереми следовали за ними. Небо у них над головами было скорее серым, а не голубым, с тучами тут и там. Они шли в утреннем свете и старались приноровиться к неуверенным шагам ошеломленного Саймона.

Вдоль тропинки, что вела к палатке Джошуа, выстроились зрители, примерно двести человек, по большей части тритинги Хотвига и новые поселенцы из Гадринсетта. Какого-то из них Саймон узнал, но близкие друзья ждали его впереди, вместе с Джошуа. Некоторые дети махали ему руками, родители одергивали их и что-то строго шептали, опасаясь нарушить тор-

жественность момента. Однако Саймон улыбался и махал в ответ. Утренний воздух приятно охлаждал лицо, у него снова немного закружилась голова, и пришлось подавить желание громко засмеяться. Кто вообще мог о таком подумать? Он повернулся к Джереми, но лицо друга застыло, а глаза были опущены – в молитве или медитации.

Когда они добрались до открытого участка перед палаткой Джошуа, Джереми и Стрэнгъярд отстали и заняли места в неровном полукруге зрителей. Слудиг, который подровнял и заплел в косу светлую бороду, сиял, глядя на Саймона, точно гордый отец. Темноволосый Деорнот в рыцарских доспехах стоял рядом с ним, арфист Санфугол, сын герцога Изорн и старый шут Тайгер расположились неподалеку – шут, кутавшийся в тяжелый плащ, на что-то тихо жаловался риммеру. Рядом с входом в палатку Саймон увидел герцогиню Гутрун и юную Лелет. И Джелой. Лесная женщина держалась как старый солдат, вынужденный прекратить бессмысленную инспекцию, но, когда Саймон поймал взгляд ее желтых глаз, она коротко кивнула, словно признавала, что работа завершена.

На дальнем конце полукруга стоял Хотвиг со своими воинами, и их высокие копья напоминали лес деревьев с тонкими стволами. Белый утренний свет проливался сквозь собравшиеся тучи, диковинным образом озаряя их браслеты и наконечники копий. Саймон попытался не думать о других – Эйстане и Моргенесе, которым также следовало здесь присутствовать.

Между двумя группами находилась палатка с серыми, красными и белыми полосами, а перед ней стоял принц Джошуа – меч Найдел в ножнах на боку, тонкая серебряная полоска-венец на голове. Воршева замерла рядом с ним, распущенные темные волосы роскошным облаком окутывали ее плечи, а ветер играл локонами.

– Кто стоит передо мной? – спросил Джошуа, голос которого прозвучал медленно и размеренно, но он мимолетно улыбнулся Саймону, словно хотел смягчить свой суровый тон.

– Тот, кто будет произведен в рыцари, принц, ваш слуга и Бога. Сеоман, сын Эльференда и Сюзанны, – старательно выговаривая слова, произнес Бинабик.

– Кто выступает от его имени и клянется, что его слова правда?

– Я Бинбиникгабеник из Иканука, и я клянусь, что мои слова – правда. – Бинабик поклонился, и его знак вежливости вызвал легкие смешки в толпе собравшихся.

– Он совершил ночное бдение и исповедался?

– Да! – поспешно ответил Стрэнгъярд. – Он, да... я хочу сказать, да, он все исполнил.

Джошуа попытался спрятать еще одну улыбку.

– Тогда пусть Сеоман выступит вперед.

Почувствовав легкое прикосновение маленькой руки Бинабика к плечу, Саймон сделал несколько шагов в сторону принца и опустился на одно колено в густой, волновавшейся на ветру траве.

Джошуа подождал мгновение, прежде чем снова заговорил.

– Ты храбро мне служил, Сеоман. Во времена огромной опасности рисковал жизнью ради моего дела и вернулся с солидным призом. Теперь перед лицом Бога и твоих товарищей я готов возвысить тебя над многими людьми, но и возложить на твои плечи груз, который не суждено нести другим. Ты клянешься, что готов принять мой дар?

Саймон сделал глубокий вдох, чтобы его ответ прозвучал твердо и уверенно, а еще – убедиться, что не забыл слова, которым научил его Деорнот.

– Я буду служить Усирису Эйдону и моему господину. Буду подниматься и падать и защищать невинных. Я не отвернусь от своего долга и буду оберегать королевство моего принца от врагов, телесных и всех прочих. Я клянусь собственным именем и честью, и пусть Элизия, святая мать Эйдона, станет моим свидетелем.

Джошуа приблизился к Саймону и положил здоровую руку ему на голову.

– Тогда я объявляю тебя моим слугой, Сеоман, и накладываю обязательства рыцарского звания. – Он поднял голову. – Сквайр!

Джеремия выступил вперед.

– Я здесь, принц Джошуа. – У него слегка дрожал голос.

– Принеси меч.

После короткого замешательства – рукоять запуталась в сутане отца Стрэнгъярда – Джеремия подошел к Джошуа, держа перед собой кожаные ножны с мечом, гладко отполированным, но в остальном самым обычным, выкованным в Эркинланде. Саймон на мгновение пожалел, что это не Шип, но тут же мысленно обозвал себя зарвавшимся идиотом. *Неужели ты не можешь хотя бы иногда быть доволен тем, что у тебя есть?* – подумал он. Кроме того, он представил, как будет выглядеть, если Шип не пожелает участвовать в церемонии и станет неподъемным, точно жернов. Рука Джошуа неожиданно стала тяжелой, словно на нее лег сам черный меч. Саймон опустил голову, чтобы никто не заметил, что он покраснел.

Когда Джеремия аккуратно пристегнул ножны к ремню Саймона, тот вытащил меч, поцеловал рукоять, затем сотворил им знак Дерева и положил на землю у ног Джошуа.

– Я служу вам, милорд.

Принц убрал руку, вытащил тонкий Найдел из ножен и прикоснулся им сначала к правому плечу Саймона, потом к левому и снова к правому.

– Перед глазами Бога и твоих товарищей, встань, сэр Сеоман.

Саймон, слегка покачиваясь, поднялся на ноги. Свершилось! Он рыцарь! В голове у него метались тучи, такие же, как на низком небе. На мгновение вокруг повисла тишина, а потом зазвучали приветственные крики.

Через несколько часов после церемонии Саймон вынырнул из сна, наполненного удушающим мраком, и обнаружил, что едва не задохнулся в запутавшихся одеялах. Слабый зимний свет падал на палатку Джошуа, и руки Саймона разрисовали красные полосы, как будто кто-то пролил на них краску. Он сказал себе, что уже наступил день, он спал, и ему приснился ужасный сон...

Он сел на постели и с ворчанием принялся выпутываться из одеяла. Стены палатки пульсировали на сильном ветру. А вдруг он кричал во сне? Саймон надеялся, что нет. Было бы унижительно проснуться с воплями в тот день, когда тебя произвели в рыцари за храбрость.

– Саймон? – На стене палатки, возле двери появилась маленькая тень. – Ты проснулся?

– Да, Бинабик. – Саймон потянулся за рубашкой, когда тролль нырнул внутрь.

– Ты хорошо спал? Совсем не просто бодрствовать целую ночь, иногда потом это становится причиной плохого сна.

– Я спал. – Саймон пожал плечами. – Мне приснился странный сон.

Бинабик приподнял бровь.

– Ты его помнишь?

Саймон на мгновение задумался.

– Не так чтобы очень. Он ускользнул. Что-то про короля, и высохшие цветы, и запах земли... – Саймон покачал головой, он не мог ничего вспомнить.

– Ну и хорошо. – Бинабик принялся метаться по палатке принца, пытаясь отыскать плащ Саймона, в конце концов нашел его и бросил новоиспеченному рыцарю, который натягивал штаны. – Твои сны часто вызывают у тебя тревогу, но совершенно бесполезны с точки зрения новых знаний. Наверное, тебе не стоит тратить силы на то, чтобы их запоминать.

Саймон почувствовал легкую обиду.

– Знания? Ты о чем? Амерасу сказала, что мои сны что-то значат. Кстати, ты и Джелой тоже.

Бинабик вздохнул.

– Я только имел в виду, что нам не особо удастся понять, что они означают. Так что, мне кажется, тебе лучше о них не думать, по крайней мере, сейчас, когда ты должен наслаждаться великим днем в твоей жизни!

Когда Саймон увидел серьезное лицо тролля, ему стало ужасно стыдно за свою вспышку.

– Ты прав, Бинабик. – Он застегнул ремень с мечом и подумал, что его непривычный вес стал еще одной странностью в этот день чудес. – Сегодня я не буду о них думать... И вообще ни о чем плохом не буду.

Бинабик от души хлопнул его по спине.

– Вот слова того, кто разделил со мной множество приключений! Давай, нам пора. Кроме того, что Джошуа благородно предоставил тебе свою палатку, чтобы ты выспался, благодаря ему всех нас ждут великолепный пир и другие удовольствия.

Все палатки, стоявшие под защитой северо-восточной стены Сесуад'ры, украшали разноцветные ленты, трепетавшие на сильном ветру. Увидев их, Саймон подумал о днях, проведенных в Джао э-Тинукай'и. Обычно он старался гнать от себя эти воспоминания из-за сложных и неприятных чувств, которые они вызывали. И даже замечательные слова, прозвучавшие сегодня, не могли изменить правды и заставить Короля Бурь отправиться восвояси. Саймон отчаянно устал бояться. Скала Прощания ненадолго стала для них убежищем, но как же он тосковал по настоящему дому, как мечтал о безопасном месте и хотел освободиться от ужаса! Амерасу, Рожденная на Корабле, видела его сны и сказала, что ему больше не нужно нести их груз, разве не так? Но Амерасу, знавшая очень много, была слепа к другим вещам. Может быть, она неверно поняла его судьбу?

Саймон и его спутники вошли в потрескавшуюся дверь вместе с последними гостями и оказались в освещенном и согретом факелами Доме Прощания. В огромном зале собралось множество людей, которые расположились на расстеленных плащах и одеялах. Выложенный плитками пол очистили от многовекового мха и травы; всюду пылали маленькие костры. В эти сложные времена у людей редко появлялся повод для веселья, и беженцы из самых разных мест, похоже, твердо решили радоваться празднику. Несколько раз Саймона подзывали к кострам, чтобы разделить с теми, кто собрался вокруг, поздравительный тост, и прошло некоторое время, прежде чем он наконец добрался до стола, стоявшего на возвышении – массивной каменной плите с замысловатым рисунком, – где его ждали принц и остальные.

– Добро пожаловать, сэр Сеоман. – Джошуа показал Саймону, чтобы он сел слева от него. – Поселенцы из Нового Гадринсетта очень старались, чтобы наш пир получился великолепным. Насколько я понимаю, нас ждут кролик, и куропатка, и цыплята. А еще потрясающий лосось из Стеффлода. – Он наклонился к Саймону и заговорил немного тише. Несмотря на прошедшие мирные недели, лицо принца по-прежнему оставалось изможденным. – Ешь от души, приятель. Скоро погода совсем испортится, и может так случиться, что нам, как медведям, придется жить за счет собственных запасов жира.

– Новый Гадринсетт? – спросил Саймон.

– Мы всего лишь гости на Сесуад'ре, – заговорила Джелой. – Принц правильно считает, что с нашей стороны было бы дерзостью назвать поселение именем священного места ситхи.

– А поскольку Гадринсетт обеспечил нас многими из наших жителей, да и название у него вполне подходящее – «Место сбора» на древнем языке Эркинланда, – я назвал наш палаточный город в его честь. – Джошуа поднял чашу из кованого металла. – За Новый Гадринсетт!

И все вокруг подхватили его тост.

Поселенцы сумели использовать жалкие возможности долины и леса, и пир получился действительно великолепным; Саймон поглощал угощение с энтузиазмом, граничившим с помешательством. Последний раз он ел накануне, во время полуденной трапезы, и большую часть ночного бдения его занимали мысли о еде. В конце концов усталость прогнала голод, но сейчас он вернулся в полной мере.

Джеремия стоял за спиной Саймона и наполнял его чашу разведенным водой вином всякий раз, когда она пустела. Саймон чувствовал себя неловко из-за того, что его приятель из Хейхолта ему прислуживал, но Джеремия категорически на этом настоял.

Когда бывший ученик свечного мастера, который решил отправиться на восток, узнав про растущую армию недовольных с Джошуа во главе, добрался до Сесуад'ры, Саймон невероятно удивился – не только переменам во внешности Джеремии, но совершенной невероятностью того, что они снова встретились, особенно в таком странном месте. А вот Джеремия испытал настоящее потрясение, обнаружив живого Саймона, и еще больше поразился рассказу друга о том, что тот пережил. Казалось, он считал его спасение настоящим чудом и бросился служить Саймону с таким рвением, будто вступил в религиозный орден. Столкнувшись с его железной решимостью, Саймон неохотно сдался. Его смущала беззаветная преданность нового сквайра, и, когда возникал намек на их прежнюю насмешливую дружбу, чувствовал себя заметно счастливее.

Несмотря на то что Джеремия без конца заставлял Саймона повторять истории о его приключениях, сам он неохотно говорил о том, что происходило с ним, лишь рассказал, что его заставили работать в кузнице под Хейхолтом, а Инч, бывший помощник Моргенеса, оказался невероятно жестоким. Саймон чувствовал, что Джеремия о многом умолчал и мысленно добавил медлительного, тупого громилу в список тех, кто заслужил наказание. В конце концов, Саймон стал рыцарем, а разве не так они поступают? Восстанавливают справедливость...

– Ты смотришь в пустоту, Саймон, – сказала леди Воршева, заставив его вернуться в реальность.

Уже стало заметно, что она носит ребенка, однако это почти не повлияло на ее природу дикарки – она была подобна лошади или птице, которые стерпят прикосновение человека, но никогда не будут ручными. Саймон вспомнил момент, когда впервые увидел ее в дальнем конце двора в Наглимунде, его тогда удивило, что такая красивая женщина выглядела настолько несчастной. Сейчас она казалась более довольной, но острые грани никуда не делись.

– Извините, леди, я думал о... прошлом. – Саймон покраснел. Он не знал, о чем следует говорить с леди за столом. – Мы живем в странном мире.

Воршева удивленно улыбнулась.

– Да, в странном и ужасном.

Джошуа встал и принялся колотить своей чашей по каменному столу, пока в заполненном людьми зале не воцарилась тишина. Когда к нему повернулись немые лица и стали смотреть на принца и его компанию, Саймона вдруг посетило удивившее его откровение.

Люди из Гадринсетта, глазевшие на Джошуа с открытыми ртами, – он сам! Они такие, каким он был! Он наблюдал за важными господами со стороны, а теперь – как потрясающе, невозможно повернулась его жизнь – стал одним из них и сидит за длинным столом принца, в то время как остальные смотрят на него с завистью. И все же он остался тем же Саймоном. Что же все это значит?

– Мы собрались здесь по многим причинам, – сказал принц. – Во-первых, и это важнее всего, чтобы поблагодарить нашего Бога за то, что мы живы и в безопасности в убежище, окруженном водой и защищенном от врагов. Кроме того, сегодня канун Дня святого Граниса, который следует отпраздновать тихой молитвой и воздержанием от еды и напитков. Однако вечер перед ним должен изобиловать самыми разными блюдами и вином! – Он поднял чашу, приветствуя радостные крики собравшихся. – Мы также отмечаем вступление в рыцарство юного Саймона, теперь он зовется сэр Сеоман. – И снова зазвучали громкие тосты. – Вы все являлись свидетелями того, как он стал рыцарем, получил меч и произнес слова клятвы. Но вы не видели его знамя!

В толпе раздался шепот, когда Гутрун и Воршева наклонились и достали из-под стола свернутую в рулон ткань; она лежала прямо возле ног Саймона. Изорн шагнул вперед, чтобы им помочь, и они вместе подняли его и развернули.

– Это знамя сэра Сеомана из Нового Гадринсетта, – объявил принц.

На поле из диагональных серых и красных полос – цвета Джошуа – вырисовывался силуэт черного меча. Его, точно ползучее растение, обвивал белый дракон, глаза, зубы и чешуя которого были тщательно вышиты красными нитями. В толпе раздались громкие крики и приветствия.

– Ура победителю дракона! – крикнул какой-то мужчина, и несколько других подхватили его слова.

Саймон покраснел и опустил голову, затем быстро осушил свою чашу с вином, и Джереми, который гордо улыбался, снова ее наполнил. И Саймон выпил и ее. То, что происходило с ним, было потрясающим переживанием, но все же... в глубине души он чувствовал, что не хватает какой-то очень важной детали. И дело не только в драконе, хотя он его, скорее всего, не убил. И не в Шипе, вне всякого сомнения не принадлежавшем Саймону, который, возможно, никогда не пригодится Джошуа. Что-то было не так.

Клянусь Деревом, неужели ты никогда не перестанешь жаловаться на свою судьбу, – с отвращением подумал Саймон.

Джошуа снова принялся стучать чашей по столу.

– Я еще не все сказал! Не все! – Принц явно получал удовольствие от происходящего.

Наверное, хорошо, что для разнообразия ему выпало главенствовать на празднике, – подумал Саймон.

– Есть кое-что еще! – крикнул Джошуа. – Подарок для Саймона.

Он махнул рукой, Деорнот встал из-за стола и направился в заднюю часть зала. Снова зазвучали громкие голоса. Саймон выпил еще немного разведенного водой вина и принялся благодарить Воршеву и Гутрун за великолепную работу, так подробно расхваливая их мастерство вышивальщиц, что в конце концов обе начали хохотать. Когда люди в конце зала принялись кричать и хлопать, Саймон поднял голову и увидел возвращавшегося Деорнота, который вел на поводу коричневую лошадь.

Саймон вытаращил глаза.

– Неужели?... – Он вскочил на ноги, ударившись коленом о стол, и, прихрамывая, начал лавировать между сидевшими на полу людьми. – Искательница! – вскричал он и обнял кобылу за шею, а та, совсем не такая взволнованная, как он, мягко коснулась носом его плеча. – Но ведь Бинабик сказал, что она потерялась!

– Так и было, – улыбаясь, сказал Деорнот. – Когда Бинабик и Слудиг попали в ловушку гигантов, им пришлось отпустить лошадей. Ее нашел один из наших отрядов разведчиков среди руин города ситхи, на другом конце долины. Может быть, она уловила там следы присутствия ситхи и почувствовала себя в безопасности. Ты ведь как-то сказал, что она провела среди них некоторое время.

Саймон расстроился, когда обнаружил, что плачет. Он был уверен, что кобыла стала еще одним именем в списке друзей и знакомых, которых он потерял за прошедший год. Деорнот подождал, когда он вытрет глаза, и сказал:

– Я отведу ее к другим лошадям, Саймон. Я забрал ее во время кормежки. Ты сможешь ее увидеть завтра утром.

– Спасибо, Деорнот. Спасибо тебе огромное. – Саймон вернулся за высокий стол.

Когда он уселся, принимая поздравления Бинабика, по просьбе принца встал Санфугол.

– Мы празднуем вступление Саймона в рыцарство, как сказал принц Джошуа. – Арфист поклонился тем, кто сидел за высоким столом. – Но не только он участвовал в том путешествии и показал храбрость и жертвенность. Вам известно, что принц назвал Бинабика из Иканука

и Слудига из Элвритсхолла защитниками королевства Эркинланд. Но и это не вся история. Из шестерых отважных воинов, отправившихся в путь, вернулись только трое. Я сочинил песню в надежде, что в будущем никого из них не забудут.

Джошуа кивнул, и Санфугол сыграл несколько нежных нот на новой арфе, которую сделал для него один из поселенцев, а потом запел:

*На дальнем севере, где дуют
сильные ветра
И злой зимы клыки скрывает иней,
Среди снегов глубоких вечных
стоит гора,
Урмиейм ей имя.*

*По слову принца шесть мужчин
Ушли из Эркинланда:
Слудиг, Гриммрик, Бинабик тролль,
Этельбирн, Саймон
И храбрый Эйстан.*

*Они искали могучий меч,
Из Наббана черный клинок —
Шип ему имя.
Откованный из осколка звезд,
Чтоб спасти нашу землю от зла...*

Пока Санфугол пел, все голоса стихли и в зале воцарилась тишина. Даже Джошуа не сводил с него глаз, как будто песня могла сделать победу реальной. Огонь факелов начал мерцать. Саймон решил выпить еще немного вина.

Было уже довольно поздно, и всего несколько музыкантов продолжали играть. Санфугол сменил арфу на лютню, а Бинабик достал флейту, и начались неуклюжие танцы под веселый смех спотыкавшихся участников. Саймон также выпил довольно много, пусть и разбавленного вина, и решил потанцевать с двумя девушками из Гадринсетта – симпатичной толстушкой и ее стройной подругой. Девушки почти все время перешептывались – Саймон произвел на них впечатление: его юношеская борода и почести, которые ему оказывали. Но, когда он пытался с ними заговорить, они тут же принимались неудержимо хихикать. В конце концов, озадаченный и раздраженный таким поведением, он пожелал им спокойной ночи, поцеловал руки, как полагается настоящему рыцарю, что вызвало новый приступ смеха, и решил, что они ничем не отличаются от малых детей.

Джошуа проводил леди Воршеву в постель и вернулся, чтобы провести последний час пира. Он разговаривал с Деорнотом, и оба выглядели невероятно уставшими.

Джеремя уснул в углу, твердо решив не уходить к себе раньше Саймона, несмотря на то что его друг проснулся после полудня. Саймон уже начал всерьез подумывать о том, чтобы отправиться спать, когда в дверях Дома Прощания появился Бинабик. Кантака стояла рядом и принималась к воздуху в зале со смесью любопытства и отвращения. Бинабик оставил волчицу и, войдя внутрь, махнул рукой Саймону и направился к Джошуа.

– ...Значит, ему приготовили постель? Хорошо. – Принц повернулся к подходившему Саймону. – Бинабик принес новости. Радостные новости.

Тролль кивнул.

– Я не знаю этого человека, но Изорн считает, что его появление имеет огромное значение. Это граф Эoleyр, эрнистириец, – объяснил он Саймону. – Его только что доставил по воде в Новый Гадринсетт один из рыбаков. – Он улыбнулся, название все еще казалось непривычным. – Граф очень устал, но говорит, что у него для нас важные новости, которые он сообщит утром, если принц пожелает.

– Разумеется. – Джошуа задумчиво потер подбородок. – Любые новости про Эрнистир имеют громадную ценность, хотя я сомневаюсь, что история Эoleyра принесет нам радость.

– Вполне возможно. Однако еще Изорн сказал... – Бинабик придвинулся к нему и заговорил тише: – Эoleyр утверждает, будто ему удалось узнать кое-что важное про... – его голос превратился в шепот, – Великие мечи.

– Ого! – удивленно пробормотал Деорнот.

Джошуа мгновение помолчал.

– Итак, – сказал он наконец. – Завтра в День святого Граниса мы, возможно, узнаем, является ли наша ссылка безнадежной или у нас есть шанс. – Он встал, перевернул свою чашу и крутанул ее пальцами. – Тогда – спать. Я пришлю за вами завтра, когда Эoleyр отдохнет.

Принц зашагал по каменным плитам зала, и его тень в свете факелов заметалась по стенам.

– Пора в постель, как сказал принц. – Бинабик улыбнулся. Кантака подбежала к нему и подставила голову под его руку. – Мы надолго запомним этот день, Саймон, верно?

Саймон смог только кивнуть в ответ.

2. Разные цепи

Принцесса Мириамель смотрела на океан.

Когда она была маленькой, одна из нянек сказала ей, что море есть мать гор, вся земля родилась из него и когда-нибудь туда вернется, ведь не зря считается, что потерянная Кандия исчезла глубоко на дне моря. Океанские волны, которые методично ударяли в скалы под домом в Мермунде, где Мириамель провела детство, казалось, изо всех сил пытались вернуть их себе.

Другие называли море родительницей чудовищ, килпа, кракенов, ораксов и прочих водных тварей. Мириамель знала, что в черных глубинах действительно полно диких существ. Множество раз море выбрасывало огромные бесформенные тела на скалистый берег Мермунда, где они гнили на солнце под испуганными и замороженными взглядами местных жителей, пока море снова не утаскивало их в свои таинственные глубины. Мириамель не сомневалась, что море на самом деле рождало чудовищ.

Когда ушла навсегда мать Мириамель, а отец, Элиас, погрузился в меланхоличный гнев из-за смерти жены, океан стал для нее чем-то вроде доброго родителя. Несмотря на его настроения, такие же разные, как солнце и луна, и капризы, когда ураганы вспенивали поверхность, океан подарил ее детству постоянство. Шум волн укачивал Мириамель по ночам, каждое утро она просыпалась под крики чаек и видела высокие паруса в гавани под замком отца, которые трепетали на ветру, точно лепестки огромных цветов, когда она смотрела на них из окна.

Океан был для нее многим и имел огромное значение. Но до нынешнего момента, когда она стояла у поручней на корме «Облака Эдне» и смотрела на белые барашки волн, окружавших ее со всех сторон, Мириамель не понимала, что он также может стать тюрьмой, гораздо более надежной, чем те, которые построены из камня и железа.

Корабль графа Аспитиса направлялся к юго-востоку от Винитты, в сторону залива Фираннос с разбросанными в нем островами. Мириамель впервые в жизни почувствовала, что океан обратился против нее и держит сильнее, чем когда-либо ее связывали обязательства при дворе отца или его солдаты, окружавшие ее лесом пик. Она ведь сбежала от всего этого? Но как спастись, когда вокруг на сотни миль раскинулось пустое море? Нет, пора сдаться. Мириамель устала сражаться, устала быть сильной. Скалы гордо стоят веками, но в конце концов и они рассыпаются под натиском океана. Вместо того чтобы сопротивляться, лучше плыть по течению, точно упавшее в воду дерево – его тащит за собой вода, и оно постоянно находится в движении.

Граф Аспитис не был плохим человеком. Конечно, он обращался с ней не так заботливо и внимательно, как две недели назад, однако разговаривал дружелюбно – если она делала то, что он хотел. Мириамель решила перестать пытаться что-то изменить и, точно всеми забытое бревно, плыть дальше, пока снова не окажется на земле...

Кто-то прикоснулся к рукаву ее платья, Мириамель подскочила от неожиданности и удивления, а когда обернулась, увидела, что рядом стоит Ган Итаи. Лицо ниски, которое морщины разрисовали так, что получился сложный узор, оставалось бесстрастным, но глаза с золотыми точечками, полуприкрытые от солнца, казалось, сияли.

– Я не хотела тебя испугать, девочка. – Ган Итаи встала рядом с Мириамель у поручня, и они некоторое время вместе смотрели на беспокойную воду.

– Когда не видно земли, – проговорила наконец Мириамель, – легко представить, что ты оказался на краю мира и вот-вот свалишься вниз. Я хочу сказать, что ведь ее вообще может нигде не быть.

Ниски кивнула, и ее тонкие седые волосы окутали лицо.

– Иногда по ночам, когда я сижу на палубе одна и пою, у меня возникает ощущение, будто я плыву по Океану Бескрайнему и Вечному, который мой народ пересек, чтобы попасть в эти земли. Говорят, он был черным как смола, но гребни волн сияли, точно жемчуг.

Ган Итаи протянула руку и сжала ладонь Мириамель. Девушка удивилась, она не очень понимала, что делать, но не сопротивлялась, продолжая смотреть на море. Через мгновение длинные жесткие пальцы Ган Итаи вложили что-то в ее руку.

– Море может быть местом, наполненным одиночеством, – продолжала Ган Итаи, как будто не знала, что сделала ее рука. – Иногда здесь бывает очень грустно. И трудно найти друзей, трудно понять, кому можно доверять. – Ниски опустила руку, которая снова исчезла в широком рукаве плаща. – Я надеюсь, ты сумеешь найти тех, кому будешь верить... леди Мария. – Мимолетную паузу перед фальшивым именем было невозможно не заметить.

– Я тоже надеюсь, – взволнованно сказала принцесса.

– Да. – Ган Итаи кивнула, и в уголках ее губ промелькнула улыбка. – Что-то ты слишком бледная. Может быть, здесь чересчур ветрено и тебе стоит вернуться в каюту?

Ниски коротко кивнула и пошла прочь, ловко ступая босыми смуглыми ногами по раскачивавшейся палубе.

Мириамель смотрела, как она уходит, потом перевела взгляд на румпель, где граф Аспитис беседовал со штурманом. Граф поднял руку, чтобы высвободиться из золотого плаща, который закрутился вокруг его тела. Заметив Мириамель, он коротко ей улыбнулся и сразу же вернулся к разговору. В его улыбке не было ничего необычного, если не считать слишком короткого мгновения, которое она длилась, но Мириамель вдруг почувствовала, как все у нее внутри оледенело. Она крепче сжала в кулаке кусок пергамента, испугавшись, что ветер вырвет его из ее руки и унесет Аспитису. Она понятия не имела, что там такое, но чувствовала, что граф не должен его увидеть.

Мириамель заставила себя пройти по палубе спокойно и не спеша, свободной рукой придерживаясь за ограждение. В отличие от Ган Итаи, ей не удавалось так же уверенно сохранять равновесие.

В полутемной каюте Мириамель развернула кусок пергамента, и ей пришлось поднести его к свече, чтобы прочитать крошечные, неровные буквы.

Я совершил много плохого, —

прочитала она, —

и знаю, что вы больше мне не доверяете, но, умоляю, поверьте, что сейчас я совершенно с вами честен. Я надевал множество разных личин, и ни одну нельзя назвать добропорядочной. Падрейк был дураком, Кадрах – негодяем. Возможно, я стану лучше до того, как умру.

Мириамель стало интересно, где он взял пергамент и чернила, и решила, что, наверное, их ему принесла ниски. Глядя на неровные буквы, Мириамель подумала о закованных в тяжелые цепи ослабевших руках монаха и почувствовала жалость – какую невероятную боль он испытал, когда писал свое послание! Но почему он не может оставить ее в покое? Почему никто не хочет?

Если вы читаете это, значит, Ган Итаи выполнила свое обещание. Она единственная на корабле, кому вы можете доверять... возможно, кроме меня. Я знаю, что обманывал вас и не раз бросал. Я слабый человек, миледи, но в том, о чем вас предупреждал, хорошо вам служил и по-прежнему пытаюсь так делать. На борту «Облака Эдне» вам грозит опасность.

Граф Аспитис гораздо хуже, чем я о нем думал. Он не просто позолоченный представитель двора герцога Бенигариса, он слуга Прайрата.

Я множество раз вам лгал, миледи, а также часто скрывал правду. И мне не дано исправить то, что я совершил. У меня уже начали уставать пальцы и болят плечи. Но вот что я вам скажу: на свете нет никого, кто знал бы зло, которым наделен Прайрат, лучше, чем я. И нет никого более виновного в том, чем он стал.

Это длинная и запутанная история. Достаточно сказать, что я, к моему вечному и ужасному стыду, отдал Прайрату ключ от двери, которую не следовало никогда открывать. Хуже того, я так поступил, уже зная, что он превратился в хищного зверя. Я был слаб и напуган, и это самое отвратительное, что я сделал за свою жизнь, наполненную прискорбными ошибками.

Послушайте меня сейчас, миледи. К моему величайшему огорчению, я хорошо знаю нашего врага. Надеюсь, вы мне также поверите, когда я скажу, что Аспитис не только выполняет приказы Бенигариса, но служит Красному священнику. На Винитте это известно всем.

Вы должны бежать. Возможно, Ган Итаи сможет вам помочь. К сожалению, я сомневаюсь, что вас будут не так старательно охранять, как на Винитте, и виной тому моя трусливая попытка сбежать. Отправляйтесь в Кванитунул на постоялый двор, который называется «Чаиа Пелиппы». Я уверен, что Диниван отправил туда тех, кто поможет вам добраться до вашего дяди Джошуа.

Мне пора заканчивать, потому что боль стала нестерпимой. Я не прошу вас меня простить, я не заслуживаю прощения.

На краю пергамента осталась полоса крови, Мириамель смотрела на нее полными слез глазами, пока кто-то резко не постучал в дверь. У нее отчаянно заколотилось сердце, но в тот момент, когда дверь распахнулась, Мириамель успела зажать письмо в кулаке.

– Моя драгоценная леди, – проговорил ухмылявшийся Аспитис, – почему вы прячетесь в темноте здесь, внизу? Давайте прогуляемся по палубе.

Пергамент, казалось, жег ей ладонь, как будто она держала в руке раскаленный уголь.

– Я... не слишком хорошо себя чувствую, милорд. – Мириамель покачала головой, пытаясь скрыть, что начала задыхаться. – Я погуляю в другой раз.

– Мария, – не отступал граф, – я вам говорил, что меня очаровала ваша деревенская открытость. Почему же вы становитесь капризной придворной девицей? – Он сделал один длинный шаг, оказался рядом с ней и провел пальцами по ее шее. – Неудивительно, что вы себя плохо чувствуете, сидя в темной каюте. Вам нужен свежий воздух. – Аспитис наклонился вперед и прикоснулся губами к шее Мириамель чуть ниже уха. – Или вы предпочитаете остаться здесь, в темноте? Может быть, вам одиноко? – Его пальцы медленно скользнули по ее щеке, мягкие, точно нити паутины.

Мириамель не сводила глаз со свечи, пламя которой танцевало перед ней, но сама каюта погрузилась в глубокие тени.

Витражные окна в тронном зале Хейхолта были разбиты, потрепанные занавеси мешали снегу попадать внутрь, но не могли остановить жуткий холод. Даже Прайрат, казалось, его чувствовал, и, хотя советник короля по-прежнему ходил с непокрытой головой, теперь он носил красный плащ, подбитый мехом.

Из всех, кто входил в тронный зал, казалось, только король и его виночерпий не обращали внимания на холод. Элиас с обнаженными руками и босиком сидел на Троне из Костей Дракона, но, если не считать ножен с мечом, висевших на поясе, был одет так, будто находился в своих личных покоях. Монах Хенфиск, его молчаливый паж, носивший потрепанную рясу и не сходившую с лица улыбку идиота, чувствовал себя в промерзшем зале несколько не хуже своего господина.

Верховный король забился в глубину клетки из Костей Дракона и, опустив подбородок на грудь, смотрел из-под нахмуренных бровей на Прайрата. Кожа Элиаса казалась белой как молоко, особенно контрастируя со статуями из черного малахита, стоявшими по обе стороны трона. На висках и худых руках Элиаса проступали голубые вены, набухшие так, словно они вот-вот лопнут.

Прайрат открыл рот, как будто собрался что-то сказать, снова его закрыл и вздохнул, точно эйдонитский мученик, ошеломленный глупой злобой своих преследователей.

– Будь ты проклят, монах, – прорычал Элиас. – Я принял решение.

Советник короля молча кивнул, в свете факелов его безволосая голова сияла, как мокрый камень. Несмотря на ветер, надувавший занавеси, зал, казалось, погрузился в странную неподвижность.

– Ну? – Зеленые глаза короля опасно вспыхнули.

Священник снова вздохнул, на сей раз тише. Когда он заговорил, его голос прозвучал примирительно.

– Я ваш советник, Элиас. Я делаю только то, что вы хотите, иными словами, помогаю вам решить, что для вас лучше.

– В таком случае я считаю, что следует приказать Фенгболду взять солдат и отправиться на восток. Я хочу, чтобы они выгнали из нор Джошуа и его компанию предателей, а потом раздавили, как тараканов. Я и так слишком долго откладывал, меня отвлекла история с Гутвульфом и делишки Бенигариса в Наббане. Если Фенгболд и его армия выступят прямо сейчас, они смогут добраться до убежища моего брата за месяц. Ты алхимик и лучше всех знаешь, какая будет зима. Если я стану ждать, мы лишимся хорошего шанса. – Король принялся раздраженно тереть собственное лицо.

– Что касается погоды, у меня есть некоторые возражения, – ровным голосом сказал Прайрат. – Я могу лишь еще раз поставить под сомнение ваше желание разобраться с братом. Он вам неопасен. Даже с многотысячной армией Джошуа не сможет нас остановить до того, как вы одержите великую, полную и неоспоримую победу. Ждать осталось совсем немного.

Ветер изменил направление, всколыхнув знамена, свисавшие с потолка, точно воду в пруду. Элиас щелкнул пальцами, Хенфиск бросился вперед с чашей в руках. Элиас сделал глоток, закашлялся, затем осушил чашу до самого дна. Окутанная паром черная капля осталась у него на подбородке.

– Тебе легко говорить, – прорычал король, отдышавшись. – Клянусь кровью Эйдона, ты постоянно это повторяешь. Но я и так достаточно долго ждал, я устал, и мне надоело.

– Но вы ведь знаете, ваше величество, что ожидание того стоит.

На лице Элиаса появилось задумчивое выражение.

– Мои сны становятся все более странными, Прайрат. И они такие... реальные.

– И неудивительно. – Прайрат поднял вверх длинные пальцы, пытаясь успокоить короля. – На ваших плечах лежит огромный груз, но скоро все будет хорошо. Вы установите в стране великолепный порядок, какого мир еще не видел, – если только немного потерпите. Такие вещи имеют свое время, как война или любовь.

– Ха! – Элиас сердито рыгнул, к нему вернулось раздражение. – Ты ничего не знаешь о любви, проклятый ублюдок и евнух. – Прайрат поморщился, и на мгновение его угольно-черные глаза превратились в щелки, но король не сводил угрюмого взгляда с меча Скорбь

и ничего не заметил. Когда он снова посмотрел на Прайрата, лицо священника выражало лишь бесконечное терпение. – Я никогда не понимал, что *ты* рассчитываешь получить, алхимик?

– Кроме удовольствия вам служить, ваше величество? – Элиас коротко, резко, точно залаяла собака, рассмеялся.

– Да, кроме этого.

Прайрат оценивающе на него посмотрел, и его тонкие губы искривились в странной улыбке.

– Власть, разумеется. Возможность делать то, что я хочу... должен.

Король перевел взгляд на окно, снаружи сидел ворон и чистил маслянисто-черные перья.

– И чего же ты желаешь, Прайрат?

– Учиться. – На мгновение бесстрастная маска придворного сползла, и появилось лицо ребенка – ужасного и невероятно жадного. – Я хочу знать *все*. А для этого мне требуется власть, которая является своего рода разрешением. В мире есть тайны, такие темные и глубоко спрятанные, что познать их можно, только если разорвать Вселенную и забраться в брюхо Смерти и Небытия.

Элиас махнул рукой, снова требуя свою чашу. Он продолжал наблюдать за вороном, который приблизился к стеклу и, наклонив голову, посмотрел на короля.

– Ты говоришь странные вещи, священник. Смерть? Небытие? Разве это не одно и то же?

Прайрат злобно ухмыльнулся, хотя что стало причиной, было непонятно.

– О нет, ваше величество. Ни в малейшей степени.

Элиас неожиданно развернулся в кресле и посмотрел мимо пожелтевшего черепа дракона с торчавшими наружу острыми, точно кинжалы, клыками, куда-то в тень.

– Будь ты проклят, Хенфиск, ты не видел, что я хочу получить мою чашу? У меня горит горло!

Пучеглазый монах поспешил к королю. Элиас осторожно взял из его рук чашу, поставил на стол, а в следующее мгновение ударил Хенфиска сбоку по голове так сильно и быстро, что монах повалился на пол, точно в него попала молния. Элиас спокойно выпил окутанное паром зелье, а Хенфиск, который растекся по полу, словно медуза, немного полежал, потом встал и забрал у короля пустую чашу, при этом его идиотская улыбка никуда не делась. Более того, стала шире и еще глупее, как будто Элиас сделал доброе дело. Опустив голову, монах снова скрылся в тенях.

Элиас не обратил на него ни малейшего внимания.

– Итак, решено. Фенгболд возьмет эркингардов, а также отряд солдат и наемников и отправится на восток. И принесет мне самодовольную, вечно поучающую голову моего брата, насаженную на наконечник копья. – Элиас помолчал немного, потом задумчиво проговорил: – Как ты думаешь, норны присоединятся к Фенгболду? Они яростные бойцы, а холод и темнота для них пустой звук.

Прайрат приподнял бровь.

– Думаю, это маловероятно, мой король. Мне представляется, что они не любят передвигаться при свете дня, к тому же предпочитают избегать смертных.

– Союзники, от которых никакого прока. – Элиас нахмурился и стал гладить рукоять Скорби.

– О, от них очень много пользы, ваше величество. – Прайрат кивнул и улыбнулся. – Они нам послужат, когда мы будем по-настоящему в них нуждаться. Их господин – наш главный союзник – об этом позаботится.

Ворон моргнул золотистым глазом, издал резкий звук, и потрепанная занавеска зашевелилась там, где он вылетел в окно на ледяной ветер.

– Пожалуйста, можно я его подержу? – Мегвин протянула руки.

На грязном лице юной матери появилось беспокойство, но она отдала ребенка Мегвин, и та подумала, что женщина, наверное, ее боится – королевская дочь в темном траурном платье и с какими-то странными манерами.

– Я очень боюсь, что он вырастет плохим, миледи, – сказала молодая женщина. – Он плачет целый день, и меня его крики сводят с ума. Он хочет есть, бедняжка, но он не должен плакать в вашем присутствии, миледи. У вас ведь полно более важных забот.

Мегвин почувствовала, как холод, наполнявший ее сердце, начал отступать.

– Об этом не беспокойся. – Она подбросила розовощекого малыша, который явно собрался устроить очередной скандал. – Скажи мне, как его зовут, Кейви.

Молодая женщина удивленно подняла голову.

– Вы меня знаете, миледи?

– Нас теперь уже не так много, – грустно улыбнувшись, ответила Мегвин. – Гораздо меньше тысячи, если взять все пещеры. В свободном Эрнистире не столько народа, чтобы я не могла всех запомнить.

Кейви кивнула с широко раскрытыми глазами.

– Это ужасно.

Мегвин подумала, что она, вероятно, была хорошенькой до войны, но сейчас растеряла зубы и стала невероятно худой, и Мегвин не сомневалась, что большую часть своей еды она отдает ребенку.

– Как зовут малыша? – напомнила ей Мегвин.

– О! Сиадрет, миледи. Так звали его отца. – Кейви грустно покачала головой.

Мегвин не стала задавать вопросов. Для большинства тех, кто спасся, разговоры про отцов, мужей и сыновей оказывались одинаково предсказуемыми. И почти все истории заканчивались на сражении при Иннискриче.

– Принцесса Мегвин. – Старый Краобан до этого момента молча за ней наблюдал. – Нам нужно идти. Вас ждут другие люди.

– Ты прав.

Мегвин кивнула и передала ребенка матери. Маленькое розовое личико сморщилось, малыш приготовился заплакать.

– Он настоящий красавец, Кейви. Да благословят его все боги, а Мирча наградит хорошим здоровьем. Из него вырастет прекрасный мужчина.

Кейви улыбнулась, принялась качать малыша на коленях, и он вскоре забыл, что собирался скандалить.

– Спасибо, миледи. Я так рада, что вы вернулись в добром здравии.

Мегвин, которая уже начала отворачиваться, замерла.

– Вернулась?

Молодая женщина встревожилась, испугавшись, что сказала не то.

– Из-под земли, миледи. – Она указала вниз свободной рукой. – К вам благоволят боги, раз они вернули вас нам из темного места.

Мегвин мгновение на нее смотрела, затем заставила себя улыбнуться.

– Наверное. Я тоже рада, что вернулась.

Она снова погладила ребенка по голове и последовала за Краобаном.

– Я знаю, что разбирать споры в суде для женщины не так весело, как нянчить ребенка, – проворчал через плечо старый Краобан. – Но вы все равно должны это делать. Вы – дочь Ллута.

Мегвин поморщилась, но не позволила себе отвлечься.

– Откуда эта женщина узнала, что я спускалась в пещеры?

Старик пожал плечами.

– Вы не особо старались держать свои походы в секрете, к тому же нельзя рассчитывать, что люди не станут интересоваться, чем занимаются члены королевской семьи. И они склонны болтать языками.

Мегвин нахмурилась. Разумеется, Краобан был прав. Она не думала ни о чем другом и упрямо стремилась исследовать нижние пещеры. Если она хотела держать свои походы в тайне, ей следовало побеспокоиться об этом гораздо раньше.

– И что они думают? – спросила она наконец. – Я имею в виду наших людей.

– Про ваши приключения? – Краобан кисло улыбнулся. – Я полагаю, историй так же много, как костров. Одни уверены, что вы искали богов. Другие – что хотели найти спасение из жуткого положения, в котором мы оказались. – Он бросил на нее взгляд через худое плечо, и когда Мегвин увидела самодовольное, всезнающее выражение у него на лице, ей отчаянно захотелось его как следует треснуть. – К середине зимы они будут говорить, что вы нашли город, полный золота, или сразились с драконом, а может, и с гигантом о двух головах. Забудьте про их болтовню. Разговоры подобны зайцам – только дурак бросается за ними в погоню и пытается поймать.

Мегвин сердито посмотрела на его лысый затылок. Она не могла решить, что ей нравится меньше – то, что люди болтают про нее всякую чепуху, или чтобы они узнали правду. Неожиданно ей отчаянно захотелось, чтобы вернулся Эoleyр.

Влюбленная корова, – обругала она себя.

Но ей действительно его не хватало. Мегвин жалела, что не может с ним поговорить, поделиться своими мыслями, даже самыми безумными. Она не сомневалась, что он бы все понял. Или получил очередное подтверждение ее бесполезности? Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Эoleyр уехал больше месяца назад, и она даже не знала, жив ли он. Она сама прогнала графа, а теперь страдает из-за того, что его нет рядом.

Охваченная страхом, но полная решимости, Мегвин не стала смягчать слова, которые сказала Эoleyру в похороненном под землей городе Мезуту'а. За несколько дней, что прошли с тех пор, как они оттуда вернулись, и до самого его отъезда они практически не разговаривали. Мегвин отправила Эoleyра с поручением найти лагерь повстанцев Джошуа, о котором ходили упорные слухи.

Эoleyр большую часть времени провел внизу, в древнем городе, присматривая за двумя отважными эрнистирийскими писарями, которые копировали каменные карты дварров на более удобные в переноске рулоны из овечьих шкур. Мегвин его не сопровождала; несмотря на доброе отношение дварров, мысли о пустом городе, где разгуливало эхо, наполняли ее мрачным разочарованием. Она ошиблась, когда решила, что боги хотят, чтобы она нашла здесь ситхи. Нет, она не сошла с ума, как думали многие, просто ошиблась. Теперь уже стало ясно, что ситхи потеряны и напуганы и не смогут протянуть руку помощи ее народу. Что же до дварров, бывших слуг ситхи, они почти превратились в тени и не способны помочь даже самим себе.

Когда Мегвин прощалась с Эoleyром, ее переполняли раздражение и ярость, и она смогла выдавить из себя лишь сдержанное пожелание успеха. Он вложил ей в руку подарок дварров – блестящий бело-серый кристалл, на котором Йис-Фидри, хранитель Зала Узоров, вырезал ее имя рунами своего алфавита. Казалось, будто она держит на ладони кусочек самого Осколка, только лишённого беспокойного внутреннего света. Потом Эoleyр, изо всех сил стараясь спрятать гнев, отвернулся и вскочил в седло. Мегвин почувствовала, как внутри у нее что-то рвется, когда граф Над-Муллага спустился по склону и скрылся за пеленой падавшего

на землю снега. Конечно, она за него молилась, ведь боги должны были ее услышать в столь отчаянные времена. Впрочем, боги не торопились им помогать.

Сначала Мегвин думала, что ее сны про подземный город говорят о желании богов помочь своим несчастным последователям из Эрнистира. Но теперь понимала, что ошибалась. Она надеялась отыскать ситхи, древних и легендарных союзников своего народа, открыть дверь в легенды и привести помощь Эрнистиру – но уже знала, что стала жертвой собственной глупой гордости.

В этом незначительном вопросе Мегвин ошиблась, однако знала главное: какие бы плохие поступки ни совершал ее народ, боги их не бросят. Она не сомневалась, что Бриниох, Ринн, Мурхаг Однорукий спасут своих детей, найдут способ разобраться со Скали и Верховным королем Элиасом, жестокой парой, которая унизила гордый и свободный народ. А если нет, тогда мир ничего не стоит. Мегвин решила, что станет ждать лучшего, более четкого знака, а сама тем временем будет спокойно выполнять свои обязанности... заботиться о народе и скорбеть о тех, кто умер.

– Какие жалобы я должна сегодня выслушать? – спросила она у Краобана.

– Несколько совсем мелких, а также просьба о правосудии, которая не доставит вам удовольствия, – ответил Краобан. – Ее подали Дом Эарб и Дом Лача, живущие по-соседству на границе леса Сиркойл. – Краобан был советником короля еще при ее деде и разбирался во всех причудливых ходах эрнистирийской политической жизни так же мастерски, как кузнец в том, что делают в каждое мгновение жар и металл. – Обеим семьям принадлежала часть леса в качестве гарантии безопасности, – объяснил он. – Единственный раз вашему отцу пришлось объявить на него отдельные права и составить для каждого карту владений, как делают эйдонитские короли, чтобы представители этих Домов не поубивали друг друга. Их переполняет ненависть, и между ними идет непрерывная война. Они не спешили принять участие в сражении со Скали и наверняка даже не знают, что мы потерпели поражение.

Он закашлялся и сплюнул.

– И чего они хотят от меня?

– А вы как думаете, леди? Теперь они сражаются за пещеры... – насмешливо и уже громче сказал он. – Это место для меня, а то для тебя. Нет, нет, оно мое; нет, мое. – Он фыркнул. – Они ведут себя как свиньи, которые дерутся за последнюю сиську, хотя мы укрываемся все вместе, в ужасных условиях и подвергаясь опасности.

– Отвратительная компания. – Мегвин терпеть не могла такую мелкую чепуху.

– Я бы и сам не сказал лучше, – заметил старик.

Ни Дом Лача, ни Дом Эарб не выиграли от присутствия Мегвин. Их спор оказался ровно таким бессмысленным и мелким, как предсказал Краобан. Мужчины из обоих Домов с дополнительной помощью эрнистирийцев из других, менее важных семей, живших в одной пещере, прорыли тоннель на поверхность, который расширили так, чтобы им было удобно пользоваться. Теперь же каждый из враждовавших домов утверждал, что он является единственным хозяином тоннеля и остальные дома, а также все, кто живут в пещерах, должны каждый день платить козьим молоком за возможность проводить по нему свои стада.

У Мегвин вызвала отвращение причина спора, о чем она и сказала. Также она заявила, что, если еще раз услышит мерзкую чушь о «владении» тоннелями, она прикажет оставшимся солдатам Эрнистира собрать всех виновных, вывести их на поверхность и сбросить с самой высокой скалы Грианспога, какую только они сумеют найти.

Дома Лача и Эарб остались недовольны ее решением. Они даже сумели на время отложить свои разногласия и потребовали, чтобы Мегвин сменила на посту судьи ее мачеха Инавен – которая, в конце концов, заявили они, была *женой* покойного короля Ллута, а не какой-то там дочерью. Мегвин рассмеялась и назвала их хитроумными дураками. Зрители, собрав-

шиеся понаблюдать за судом, а также семьи, которые делили пещеру, криками приветствовали здравый смысл Мегвин, радуясь унижению высокомерных Эарбов и Лача.

С остальными делами Мегвин удалось разобраться достаточно быстро, и она обнаружила, что ей нравится это занятие, хотя некоторые споры вызывали грусть. У нее хорошо получалось, поскольку здесь вовсе не требовалось быть маленькой, изящной или очень красивой. Когда она оказывалась в окружении более привлекательных и грациозных женщин, Мегвин чувствовала, что отца смущало ее присутствие, даже при таком простом дворе, как Таиг. Сейчас же требовался только ее здравый смысл.

За прошедшие недели она обнаружила – к своему огромному удивлению, – что подданные отца ее ценят и благодарны за желание их выслушать и принять справедливое решение. Когда она смотрела на своих людей в потрепанной одежде и с перепачканными сажей лицами, Мегвин чувствовала, как у нее сжимается сердце. Эрнистирийцы заслужили лучшей жизни, чем нынешнее унижительное существование, и она пообещала себе изменить их положение, если, конечно, сможет.

На короткое время ей почти удалось забыть про свою жестокость по отношению к графу Над-Муллаху.

Вечером, когда Мегвин находилась на грани сна, она вдруг почувствовала, что резко падает вперед, в темноту, более глубокую и бездонную, чем освещенная янтарным светом пещера, где она устроила себе постель. На мгновение она подумала, что какой-то катаклизм разорвал землю под ней, но почти сразу поняла, что это сон. Когда она, медленно вращаясь, летела в пустоту, у нее возникло ощущение, будто все происходит слишком стремительно для сна, а с другой стороны, диковинным образом не связано с реальностью, чтобы быть землетрясением. Нечто подобное уже происходило в те ночи, когда ей снился красивый город под землей...

В то время как ее мысли метались, точно испуганные летучие мыши, далеко впереди начали появляться тусклые огни – светлячки, или искры, или факелы. Они спиралями поднимались вверх, точно дым большого костра, направляясь на какую-то невероятную высоту.

Поднимайся вверх, – произнес голос у нее в голове. – *Иди к Высокому месту. Время пришло.*

Мегвин парила в пустоте, с трудом двигаясь к далекому пику, где собрались мерцавшие огни.

Иди к высокому месту. Время пришло, – требовал голос.

И вдруг она оказалась в самом центре множества огоньков, маленьких, но очень ярких, точно далекие звезды. Ее окружала подернутая дымкой толпа существ, красивых, но непохожих на людей, в одежде всех цветов радуги. Они смотрели друг на друга сияющими глазами, их грациозные очертания были размытыми, и, хотя они внешне походили на людей, Мегвин почему-то точно знала, что они не более люди, чем дождевые тучи или пятнистый олень.

Время пришло, – сказал голос, теперь уже много голосов. Пятно ослепительного, будто живого, света сияло в самом центре толпы, словно с неба упала звезда. *Иди к высокому месту...*

И поразительное видение начало рассеиваться, уступая место мраку.

Мегвин проснулась и обнаружила, что сидит на своем тюфяке. В костре остались лишь тлевшие угли, она ничего не видела в темноте, царившей в пещере, слышала лишь дыхание спавших людей. Она так крепко сжимала камень дварров, подаренный ей Йис-Фидри, что рука начала пульсировать от боли. На мгновение Мегвин показалось, что в глубине камня мерцает едва различимый свет, но, взглянув на него внимательнее, решила, что ошиблась: это был всего лишь прозрачный кусок кристалла. Она медленно покачала головой. В конце концов, камень не имел ни малейшего значения по сравнению с тем, что она пережила.

Боги. Они снова с ней заговорили, и на этот раз гораздо понятнее. Они сказали «высокое место» и «время пришло». Должно быть, боги ее народа готовы протянуть Эрнистиру руку помощи. Иначе зачем они к ней прикоснулись, зачем послали такой четкий знак.

Мелкие проблемы прошедшего дня выветрились у нее из головы. *Высокое место*, – сказала она себе. Мегвин долго сидела в темноте, думая.

Убедившись, что граф Аспитис по-прежнему находится на палубе, Мириамель быстро прошла по узкому коридору и постучала в маленькую дверь. Что-то бормотавший внутри голос смолк.

– Да? – через несколько мгновений послышался ответ. – Кто здесь?

– Леди Мария. Могу я войти?

– Входи.

Мириамель толкнула разбухшую дверь, та неохотно открылась, и принцесса увидела крошечную, аскетичную каюту. Ган Итаи сидела на матрасе под открытым окном, которое представляло собой узкую щель наверху стены. Там что-то шевелилось, Мириамель разглядела гладкую белую шею и желтый глаз, но через мгновение чайка исчезла.

– Чайки как дети. – На морщинистом лице Ган Итаи появилась улыбка. – Скандальные, забывчивые, но у них добрые сердца.

Мириамель смущенно покачала головой.

– Простите, что побеспокоила вас.

– Побеспокоила? Какая глупая мысль, дитя. Сейчас день, и мне не нужно петь. Ты совсем не помешала.

– Я не знаю, просто я... – Мириамель замолчала, пытаясь собраться с мыслями. – Мне нужен кто-то, с кем я могу поговорить, Ган Итаи. Мне очень страшно.

Ниски потянулась к табурету на трех ножках, который, похоже, служил ей столом. Ловкими смуглыми пальцами смахнула несколько отполированных морем камней в карман и подтолкнула табурет к Мириамель.

– Садись, дитя. И не спеши.

Мириамель расправила юбку, одновременно пытаясь решить, что она может рассказать Ган Итаи. Но если ниски передала ей тайное послание от Кадраха, сколько еще секретов она не знала? Вне всякого сомнения, ниски уже поняла, что Мария не настоящее ее имя. Мириамель ничего не оставалось, как рискнуть.

– Вам известно, кто я такая?

Смотрящая-за-морем снова улыбнулась.

– Ты леди Мария, аристократка из Эркинланда.

– Да? – удивленно переспросила Мириамель.

Смех ниски был подобен шороху ветра в сухой траве.

– Разве нет? Ты ведь многим называла это имя. Но если хочешь спросить Ган Итаи, кто ты на самом деле, я скажу, по крайней мере, начну так: тебя зовут Мириамель, ты дочь Верховного короля.

Мириамель почувствовала неожиданное облегчение.

– Твой спутник Кадрах подтвердил мою догадку. Однажды я видела твоего отца. Ты пахнешь и говоришь как он.

– Я?.. Вы его знаете? – У Мириамель возникло ощущение, будто она теряет равновесие. – Что вы имеете в виду?

– Твой отец встречался с Бенигарисом здесь, на этом корабле, два года назад, когда Бенигарис был всего лишь сыном герцога. Их принимал Аспитис, владелец «Облака Эдны». А еще присутствовал странный колдун, тот, который лысый. – Ган Итаи провела рукой по голове, словно пригладила волосы.

– Прайрат. – Во рту у Мириамель появился отвратительный привкус, когда она произнесла это имя.

– Да, он. – Ган Итаи выпрямилась и прислушалась к какому-то далекому звуку, но уже через мгновение снова посмотрела на гостью. – Я не знаю имен пассажиров, которые оказываются на борту корабля, но, разумеется, внимательно слежу за теми, кто ходит по его палубе – такова часть Доверия Навигатора, – впрочем, обычно имена не имеют значения для смотрящих-за-морем. Однако в тот раз Аспитис мне их назвал – пропел, как мои дети поют свои уроки про приливы и течения. Он ужасно гордился своими важными гостями.

Мириамель на мгновение отвлеклась от своих забот.

– Ваши дети?

– Клянусь тем-чего-нет-на-картах, конечно, мои! – Ган Итаи кивнула. – Я двадцать раз прабабушка.

– Я никогда не видела детей ниски.

Пожилая женщина наградила ее суровым взглядом.

– Мне известно, что ты южанка только по рождению, дитя, но даже в Мермунде, где ты выросла, есть небольшой городок ниски неподалеку от доков. Разве ты никогда там не бывала?

– Мне не позволяли, – покачав головой, сказала Мириамель.

Ган Итаи поджала губы.

– Какая жалость. Тебе бы следовало туда сходить, чтобы посмотреть. Сейчас нас гораздо меньше, чем было раньше, и никто не знает, что принесет завтрашний прилив. Моя семья одна из самых больших, но от Эбенгеата, что на северном побережье, до самого Наракси и Харча живет не более двухсот семей. Очень мало для всех глубоководных кораблей! – Она печально покачала головой.

– А когда мой отец и те, кто приехал вместе с ним, находились на корабле, о чем они говорили? Что делали?

– Они разговаривали, крошка, но о чем – я не могу сказать. Они что-то обсуждали всю ночь, а я в это время находилась на палубе, с морем и моими песнями. Кроме того, не мое дело шпионить за хозяином корабля. Если только он не совершает ошибку и не подвергает его опасности, я вообще не должна ничего делать, кроме того, для чего родилась: петь, чтобы прогнать килпа.

– Но вы принесли мне письмо Кадраха. – Мириамель оглянулась, чтобы убедиться, что дверь в коридор закрыта. – Вряд ли Аспитису это понравилось бы.

Впервые в золотых глазах Ган Итаи появилось что-то похожее на тревогу.

– Это правда, но я не причинила вреда кораблю. – На морщинистом лице появился вызов. – В конце концов, мы ниски, а не рабы. Мы свободный народ.

Они с Мириамель мгновение смотрели друг на друга. Принцесса первая отвела глаза.

– На самом деле, мне все равно, о чем они говорили. Я смертельно устала от мужчин, их войн и споров. Я просто хочу отсюда уйти и чтобы все оставили меня в покое. Хочу забраться в какую-нибудь нору и никогда оттуда не выходить.

Ниски молча на нее смотрела.

– Но мне никогда не удастся сбежать, ведь меня окружает пятьдесят лиг открытого моря. – Бессмысленность происходящего набросилась на нее, заставив почувствовать почти непреодолимое отчаяние. – Мы в ближайшее время сойдем на землю?

– Мы остановимся на островах залива Фираннос. Спенит, возможно, Риза. Я не знаю, какие из них выбрал Аспитис.

– Может быть, мне удастся каким-то образом сбежать. Впрочем, я уверена, что меня будут старательно охранять. – Тяжелое чувство, казалось, стало сильнее. И тут ей в голову пришла идея. – А вы когда-нибудь покидаете корабль, Ган Итаи?

Ниски оценивающе на нее посмотрела.

– Редко. Но на Ризе живет семья тинукедая – ниски. Клан Инджар. Я бывала у них пару раз. А почему ты спросила?

– Если вам разрешено покидать корабль, тогда вы сможете передать от меня письмо кому-то, кто сумеет отправить его моему дяде Джошуа.

Ган Итаи нахмурилась.

– Конечно же, я все сделаю, но я не уверена, что твое письмо до него доберется. Для этого нужно, чтобы тебе очень повезло.

– А какой у меня выбор? – Мириамель вздохнула. – Да, глупая идея. А вдруг что-то получится, к тому же что еще я могу сделать? – Неожиданно ее глаза наполнились слезами, и она сердито их вытерла. – *Никто* ничего не сможет для меня сделать, даже если захотят. Но я должна попытаться.

Ган Итаи с тревогой на нее посмотрела.

– Не плачь, дитя. Твои слезы заставляют меня чувствовать себя жестокой из-за того, что я вытащила вас из укрытия в трюме.

Мириамель махнула мокрой рукой.

– Кто-то все равно нас нашел бы.

Ниски наклонилась к ней ближе.

– Возможно, твой спутник придумает, кому передать от тебя записку, или скажет, что в ней написать. Мне он показался мудрым человеком.

– Кадрах?

– Да. В конце концов, ему известно истинное имя Детей Навигатора. – В серьезном голосе Ган Итаи появились горделивые интонации, словно знание имени ее народа служило доказательством божественной мудрости.

– Но как... – Мириамель замолчала на полуслове.

Конечно же, Ган Итаи знала, как добраться до Кадраха. Она ведь принесла от него письмо. Но Мириамель сомневалась, что хочет видеть монаха. Он причинил ей столько боли и не раз вызывал гнев.

– Идем. – Ган Итаи встала с матраса легко, точно юная девушка. – Я отведу тебя к нему. – Она прищурилась и посмотрела в узкое окно. – Еду ему принесут примерно через час. Так что у нас будет достаточно времени для приятного разговора. – Она ухмыльнулась, затем быстро прошла через маленькую комнатку. – Ты сможешь забраться туда в твоём платье?

Ниски просунула пальцы в незаметную щель на голой стене и потянула. Панель, которая так плотно к ней прилегалa, что была почти невидимой, скользнула ниски в руки, и Ган Итаи положила ее на пол. Мириамель увидела черную дыру и балки с пятнами смолы.

– Куда она ведет? – удивленно спросила Мириамель.

– На самом деле никуда конкретно, – сказала Ган Итаи, пролезла в дыру и выпрямилась, и теперь Мириамель видела только ее босые, очень худые, смуглые ноги и подол платья. – Это всего лишь путь, по которому можно быстро добраться до палубы или темницы. Его называют «дыра-ниски». – Ее приглушенный голос отозвался легким эхом в пустом пространстве.

Мириамель забралась внутрь вслед за ней. У дальней стены крошечной квадратной комнатки стояла лестница, наверху в обе стороны отходил узкий лаз. Принцесса пожала плечами и начала подниматься по лестнице вслед за ниски.

Проход оказался таким узким, что передвигаться по нему можно было только на четвереньках, поэтому Мириамель подоткнула юбку, чтобы та не мешала, и последовала за Ган Итаи. Когда свет из каюты ниски остался у них за спиной, темнота вокруг сомкнулась, и Мириамель

могла ориентироваться только на запах и тихий шорох, который сопровождал Ган Итаи. Балки скрипели в такт кораблю, и у Мириамель появилось ощущение, будто она ползет внутри брюха огромного морского зверя.

Примерно через двадцать локтей от лестницы Ган Итаи остановилась, и Мириамель на нее налетела.

– Осторожнее, девочка.

На лицо niskи упала широкая полоса света, когда она сняла еще одну панель. Ган Итаи заглянула внутрь и поманила Мириамель. После темного лаза тюремная камера, которую освещал лишь тусклый свет, падавший из открытого люка в дальнем конце, казалась радостным, залитым солнцем местом.

– Мы должны говорить очень тихо, – сказала niskи.

В темнице почти до самого потолка были сложены мешки и бочки, зафиксированные веревками, чтобы они не катались во время шторма. У одной из стен, как будто его тоже связали, защищая от капризных течений, Мириамель увидела скорчившегося монаха. Тяжелая длинная цепь сковала щиколотки, другая свисала с запястий.

– Ученый! – позвала niskи. Кадрах медленно, точно побитая собака, поднял круглую голову и стал вглядываться в окутанные тенью балки.

– Ган Итаи? – Его голос был хриплым и невероятно уставшим. – Это ты?

Мириамель почувствовала, как сердце сжалось у нее в груди. Великодушный Эйдон, ты только посмотри на него! Скован цепями, словно тупой зверь! Бедняга!

– Я хочу с тобой поговорить, – прошептала niskи. – Стражи скоро придут?

Кадрах покачал головой, и цепи тихонько зазвенели.

– Думаю, нет. Они не особо спешат меня кормить. Ты отдала письмо... леди?

– Да. Она здесь со мной, чтобы задать тебе несколько вопросов.

Монах вздрогнул, словно вдруг испугался.

– Что? Ты привела ее сюда? – Он поднес снова зазвеневшие цепи к лицу. – Нет! Нет! Уведи ее!

Ган Итаи подтолкнула Мириамель вперед.

– Он очень несчастен, поговори с ним.

Мириамель сглотнула ком в горле.

– Кадрах? – сумела наконец произнести она. – Они причинили тебе боль?

Монах соскользнул вниз по стене и почти превратился в кучу теней.

– Уходите, леди. Я не в силах на вас смотреть и не хочу, чтобы вы видели меня. Уходите.

Наступила тишина, которая длилась довольно долго.

– Говори с ним! – прошипела Ган Итаи.

– Мне очень жаль, что они так с тобой поступили. – Мириамель почувствовала, что вот-вот заплачет. – Что бы ни произошло между нами, я никогда не хотела видеть тебя в таком положении.

– О, леди, мы живем в ужасном мире. – Голос монаха прервался, словно он с трудом сдерживал слезы. – Прислушайтесь к моему совету и бегите. Прошу вас.

Мириамель в отчаянии покачала головой, но поняла, что он не видит ее в тени люка.

– Как, Кадрах? Аспитис не выпускает меня из вида. Ган Итаи обещала взять мое письмо и попытаться передать кому-то, кто его доставит... только вот кому? Кто мне поможет? Я не знаю, где сейчас Джошуа. Родные моей матери в Наббане оказались предателями. Что я могу сделать?

Темная тень, бывшая Кадрахом, встала.

– «Чаша Пелиппы», Мириамель, я написал это в своем письме. Возможно, там кто-то поможет. – Мириамель не услышала уверенности в его голосе.

– Кто? Кому я могу его отправить?

– На постоянный двор. Нарисуйте сверху круг, а внутри перо. Этот знак направит ваше письмо к тому, кто сможет помочь. Если там *окажется* кто-то полезный. – Он поднял руку с тяжелыми кандалами. – Прошу вас, пожалуйста, уходите, принцесса. После всего, что случилось, я хочу остаться один. Я не в силах переносить то, что вы видите мой позор.

Мириамель почувствовала, как у нее по щекам покатились слезы, и ей потребовалось несколько мгновений, прежде чем она смогла снова заговорить.

– Тебе нужно что-нибудь?

– Кувшин вина. Нет, мех, его легче спрятать. Больше ничего. Нечто такое, что сделает мрак внутри меня таким же непроглядным, как тот, что окружает со всех сторон. – Ей было больно слышать его смех. – А еще известие о том, что вам удалось благополучно отсюда бежать.

Мириамель отвернувшись, она больше не могла смотреть на сгорбленную фигуру монаха.

– Мне очень жаль, – сказала она и быстро прошла мимо Ган Итаи на несколько локтей в лаз. От разговора с Кадрахом она чувствовала себя больной.

Ниски что-то сказала монаху, затем опустила панель и снова нырнула в темный узкий проход. Протиснувшись мимо Мириамель, она повела ее назад, к лестнице.

Как только принцесса оказалась при свете дня, она снова заплакала. Ган Итаи смущенно на нее смотрела, но когда Мириамель не смогла успокоиться, обняла худой рукой.

– Перестань, ну, перестань уже, – уговаривала она ее. – Ты будешь снова счастлива.

Мириамель расправила юбку, потом уголком подола вытерла глаза и нос.

– Нет, не буду. И Кадрах не будет. О господи, как же мне одиноко! – И она снова заплакала.

Ган Итаи обнимала ее, пока она не успокоилась.

– Очень жестоко вот так сковывать любое живое существо. – В напряженном голосе ниски появилось что-то вроде гнева. Мириамель, голова которой лежала на коленях ниски, была так измучена, что промолчала. – Ты знала, что они связали Руяна Ве? Отца нашего народа, великого Навигатора. Когда он собрался снова поднять паруса, охваченные яростью, они схватили его и заковали в цепи. – Ниски раскачивалась из стороны в сторону. – А потом сожгли корабли.

Мириамель всхлипнула. Она понятия не имела, о ком говорила Ган Итаи, и сейчас ей было все равно.

– Они хотели превратить нас в рабов, но тинукедая – свободный народ. – Голос Ган Итаи стал напевным, словно она произносила слова печальной молитвы. – Они сожгли наши корабли – великие корабли, какие мы не могли построить в этой новой земле, и оставили нас здесь. Сказали, что спасают от Небытия, но они лгали. Единственное, чего они желали, – чтобы мы разделили с ними ссылку, но мы в них не нуждались! Океан Бескрайний и Вечный мог быть нашим домом, но они забрали наши корабли и связали могучего Руяна. Нельзя заковывать в цепи того, кто не сделал тебе ничего плохого. Неправильно.

Ган Итаи бормотала слова об ужасной несправедливости, продолжая раскачиваться и обнимать Мириамель. Солнце начало клониться к горизонту, и маленькую каюту заполнили тени.

Мириамель лежала в темной каюте и прислушивалась к тихой песне ниски. Ган Итаи была очень расстроена. Мириамель даже не представляла, что смотрящая-за-морем может испытывать такие сильные чувства, но, похоже, плен Кадраха и слезы принцессы вызвали могучий поток горя и гнева.

И вообще, кто такие ниски? Кадрах называл их тинукедая – Дети Океана, так сказала Ган Итаи. Откуда они пришли? Наверное, с какого-то далекого острова. Корабли в темном

океане, сказала ниски, откуда-то издалека. Неужели так устроен мир, все мечтают вернуться в какое-то утерянное место или время?

Ее мысли прервал стук в дверь.

– Леди Мария? Вы не спите?

Она не ответила, но дверь все равно медленно распахнулась, и Мириамель мысленно выругала себя за то, что не закрыла ее на задвижку.

– Леди Мария? – тихо позвал граф. – Вы больны? Вы не пришли на ужин.

Мириамель пошевелилась и принялась тереть глаза, как будто только что проснулась.

– Лорд Аспитис? Извините, я неважно себя чувствую. Давайте поговорим завтра, если мне станет лучше.

Он подошел тихо, будто крадущийся кот, сел на край кровати и провел длинными пальцами по щеке Мириамель.

– Это ужасно. Что вас беспокоит? Я велю Ган Итаи вас осмотреть, она опытная целительница, и я доверяю ей больше, чем какому-нибудь аптекарю или пиявкам.

– Спасибо, Аспитис, вы очень добры. А сейчас я, пожалуй, посплю. Извините, что не могу быть более приятной компанией.

Но граф, похоже, не спешил уходить и принялся гладить ее волосы.

– Знаете, леди, я искренне сожалею, что вчера был с вами груб. Я сильно к вам привязался, и мысль о том, что вы можете вскоре покинуть мой корабль, меня очень огорчила. В конце концов, нас ведь связывают прочные узы любви, разве нет? – Его пальцы скользнули по шее Мириамель, она напряглась и почувствовала пронзительный холод внутри.

– Боюсь, сейчас я не в лучшем состоянии для подобных разговоров, милорд. Но я прощаю вам ваши слова, которые, уверена, были необдуманными и на самом деле произнесены не от души. – Она взглянула на лицо Аспитиса, пытаясь понять, о чем он думает. Его глаза показались ей невинными и искренними, но Мириамель помнила слова Кадраха, а также описание Ган Итаи встречи, которая проходила на его корабле, и ее снова зазнобило, хотя она изо всех сил пыталась это скрыть.

– Хорошо, – заявил Аспитис. – Очень хорошо. Я рад, что вы все поняли правильно. Необдуманные слова. Очень точно сказано.

Мириамель решила проверить его искренность придворного.

– Но, разумеется, вы должны понимать мои переживания, Аспитис. Ведь отец не знает, где я сейчас нахожусь. Возможно, из монастыря ему уже сообщили, что я у них не появилась. Он наверняка ужасно волнуется. Мой отец старый человек, и я беспокоюсь за его здоровье. Вот почему я должна отказаться от вашего гостеприимства, хочу я того или нет.

– Конечно, – проговорил граф, и Мириамель почувствовала искру надежды. Неужели она в нем ошиблась? – Жестоко заставлять вашего отца волноваться. Мы отправим ему письмо, как только сделаем следующую остановку – думаю, на острове Спенит. И сообщим радостную новость.

Мириамель улыбнулась.

– Он очень обрадуется, когда узнает, что со мной все хорошо.

– Да. – Аспитис улыбнулся в ответ. Благодаря длинной, изящной линии челюсти и ясным глазам он вполне мог послужить моделью для скульптуры героя. – Но будут и другие хорошие новости, кроме этой. Мы сообщим ему, что его дочь станет женой одного из представителей Пятидесяти семей Наббана.

Улыбка сползла с лица Мириамель.

– Что?

– Мы расскажем ему о нашей предстоящей свадьбе! – Аспитис с довольным видом рассмеялся. – Да, леди. Я много думал и, хотя ваша семья занимает не такое высокое положение, как моя, к тому же вы родом из Эркинланда, решил наплевать на традиции. Мы поженимся,

когда вернемся в Наббан. – Он сжал ее холодную руку теплыми ладонями. – Но вы разрушили мои ожидания и не кажетесь мне счастливой, прекрасная Мария.

Мысли Мириамель разбегались, но, точно во сне, где за ней гнались жуткие преследователи, она могла думать только о побеге.

– Я... потрясена, Аспитис.

– Ну да, наверное, вас можно понять. – Он встал и наклонился, чтобы ее поцеловать. От него пахло вином и духами. Его губы, касавшиеся ее губ, на мгновение, перед тем как он отодвинулся, стали жесткими. – Я понимаю, что это довольно неожиданно. Но с моей стороны было бы неблагородно оставить вас... после всего, что между нами произошло. Я полюбил вас, Мария. Северные цветы отличаются от тех, что растут в моем южном доме, но у них такой же сладкий запах и прекрасные лепестки.

Он остановился возле двери.

– Отдыхайте и выспитесь как следует, леди. Нам нужно многое обсудить. Спокойной ночи.

Когда дверь за ним закрылась, Мириамель тут же вскочила с кровати и задвинула засов, а потом забралась под одеяло – она отчаянно дрожала, не в силах согреться.

3. Восток мира

– Я ведь теперь рыцарь, да? – Саймон засунул руку в густой мех на шее Кантаки, но та равнодушно на него посмотрела.

Бинабик поднял глаза от стопки пергаментов и кивнул.

– Ты дал клятву своему богу и принцу. – Тролль снова вернулся к записям Моргенеса. – Как мне кажется, таково определение рыцарства.

Саймон смотрел на выложенный плитками Огненный сад, пытаясь понять, как облечь свои мысли в слова.

– Но... я не чувствую, что стал другим. Я рыцарь – мужчина! Тогда почему мне кажется, будто я остался таким, как раньше?

Бинабика что-то заинтересовало в пергаменте, который он читал, и он ответил не сразу.

– Извини, Саймон, – проговорил он наконец, – я сегодня не слишком хороший друг для разговоров. Повтори еще раз, что ты сказал.

Саймон наклонился, подобрал камешек и швырнул его с такой силой, что тот заскользил по плиткам и скрылся в траве. Кантака помчалась его догонять.

– Такие чувства возникают не только у тебя, друг Саймон. Человек не становится другим внутри, когда проходит какое-то время года или он заслужил признание. Ты стал рыцарем Джошуа благодаря храбрости, которую показал на Урмшейме. И, если ты изменился, это произошло вовсе не на вчерашней церемонии, а на той горе. – Он похлопал Саймона по ноге в сапоге. – Разве ты сам не говорил, что те события, а также пролитая тобой кровь дракона многому тебя научили?

– Да. – Саймон, прищурившись, посмотрел на хвост Кантаки, который, точно завитки дыма, замер над зарослями вереска.

– Все тролли и люди, живущие внизу, взрослеют, когда приходит время, – продолжал Бинабик, – а не когда кто-то говорит, что это произошло. Не переживай. Ты всегда будешь тем же Саймоном, хотя ты заметно изменился с тех пор, как родилась наша дружба.

– Правда? – Рука Саймона, собиравшегося бросить новый камень, повисла в воздухе.

– Истинная правда. Ты становишься мужчиной, Саймон. Пусть это займет столько времени, сколько необходимо, и перестань беспокоиться. – Он помахал бумагами. – Послушай, я хочу кое-что тебе прочитать. – Бинабик провел коротким толстеньким пальцем по похожим на паутину записям Моргенеса. – У меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность Стрэнгъярду за то, что он забрал манускрипт из развалин Наглимунда. Он наша единственная связь с великим человеком и твоим учителем. – Его палец замер. – Вот, здесь. Моргенес пишет про короля Джона:

... Если он был отмечен богом, что совершенно очевидно, если обратить внимание на его приезды и отъезды, а также на то, как он правильно находил место и время, где ему следовало быть в определенный момент, благодаря чему он выигрывал...

– Я читал, – равнодушно перебил его Саймон.

– В таком случае ты понял, насколько он важен для наших целей, – ответил тролль.

Джон Пресбитер знал, что в войне и дипломатии – как в любви и коммерции, двух похожих вещах, – награды обычно достаются не сильным и даже не справедливым. Джон также

понимал, что тот, кто слишком спешит и не соблюдает осторожность, творит собственную судьбу.

Саймон нахмурился, увидев довольное выражение на лице Бинабика.

– И что?

– Ну, – спокойно продолжал тролль. – Слушай дальше.

Таким образом, в войне, которая привела к тому, что Наббан оказался под его влиянием, Джон провел свою армию, значительно уступающую числом войску неприятеля, по Ван-стримскому проходу и оказался прямо перед копьями легионов Ардривиса, хотя все знали, что так может поступить только глупец. Именно безрассудная храбрость и кажущееся безумие обеспечили не слишком большую армию Джона огромным преимуществом неожиданности – и, даже в глазах удивленных наббанайцев, аурой божественной непобедимости.

Саймон уловил ликование в голосе Бинабика, которое его слегка беспокоило. Его друг, казалось, не сомневался, что теперь ему все понятно. Саймон задумчиво нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что мы должны стать как король Джон? И заставить Элиаса врасплох? – Эта мысль показалась ему поразительной. – Что нам следует... на него напасть?

Бинабик кивнул, обнажив желтые зубы в улыбке.

– Умница Саймон! Почему бы нам не попытаться заставить Элиаса врасплох? Возможно, такая перемена будет нам полезна.

– А как же Король Бурь? – Потрясенный новой мыслью, Саймон посмотрел на затянутый тучами горизонт. Ему даже не нравилось произносить имя их врага под огромным темным небом такого чужого места. – А кроме того, Бинабик, нас всего несколько сотен. Всем известно, что у короля Элиаса тысячи солдат.

– А кто сказал, что мы должны сразиться с ним армиями? Да и в любом случае наш маленький отряд увеличивается с каждым днем, ведь все новые и новые воины из лугов приходят в... как Джошуа называл это место? Ах да, Новый Гадринсетт.

Саймон покачал головой и швырнул очередной камень, отполированный ветром.

– Мне кажется, это будет глупостью... нет, не так, слишком опасно.

Бинабика его слова совершенно не огорчили. Он свистнул, призывая Кантаку, которая тут же примчалась, скользя по гладким плиткам. – Возможно, ты прав, Саймон. Давай еще немного погуляем.

Принц Джошуа с беспокойством смотрел на меч. Веселое настроение, которое его переполняло на пиру в честь Саймона, казалось, полностью ушло.

И не то чтобы в последнее время принц выглядел счастливым, решил Деорнот, но он видел, что сомнения Джошуа смущали тех, кто его окружал. В подобные времена люди предпочитают бесстрашного принца честному, поэтому Джошуа изо всех сил старался демонстрировать своим подданным маску спокойного оптимизма. Однако Деорнот, хорошо его знавший, не сомневался, что обязанности давят на Джошуа не меньше прежнего.

Он как моя мать, – подумал Деорнот. – Очень необычное сравнение для принца. Но, как и она, Джошуа считал, что должен взять на себя страхи и заботы всех людей на свете и больше никто не справится с этой ношей.

И, как мать Деорнота, Джошуа также, казалось, старел быстрее остальных. Он всегда был очень стройным, но во время бегства из Наглимунда стал совсем худым. Сейчас Джошуа немного поправился, но его окружала странная аура хрупкости, которая никуда не делась, и Деорноту он казался немного не от мира сего, точно человек, недавно выздоровевший после долгой болезни. В волосах появились новые седые пряди, а в глазах, по-прежнему умных и знающих, постоянно присутствовал лихорадочный блеск.

Ему нужен мир и покой. И отдых. Я бы хотел встать в ногах его кровати и оберегать сон в течение целого года.

– Господи, даруй ему силы, – пробормотал он.

Джошуа повернулся и посмотрел на него.

– Извини, я задумался. Что ты сказал?

Деорнот покачал головой, он не хотел лгать, но и делиться своими мыслями не собирался. Через мгновение оба посмотрели на меч.

Принц и его друг стояли перед длинным каменным столом в доме, который Джелой назвала Дом Прощания. Все следы вчерашнего пира убрали, и теперь только один отражавший свет черный предмет лежал на гладком камне.

– Подумать только, скольким людям этот клинок принес смерть, – сказал наконец Деорнот и прикоснулся к обмотанной веревкой рукояти; Шип был таким же холодным и безжизненным, как камень, на котором лежал.

– И совсем недавно тоже, – пробормотал принц, – вспомни, сколько воинов погибло, чтобы мы смогли его получить.

– Но, если он так тяжело нам достался, мы не должны оставлять его здесь, в открытом зале, куда любой может войти. – Деорнот покачал головой. – Возможно, он – наша главная надежда, ваше высочество, и единственная! Разве нам не следует спрятать его в надежное место и выставить там охрану?

– Зачем, Деорнот? – На лице принца появилась мимолетная улыбка. – Любое сокровище можно украсть, замок сровнять с землей, а тайное место найти. Лучше пусть он лежит здесь, где все могут его увидеть и почувствовать заключенную в нем надежду. – Прищурившись, Джошуа посмотрел на меч. – Впрочем, не могу сказать, что, глядя на него, я испытываю особую веру в успех. Надеюсь, ты не станешь думать, будто я плохой принц, если я признаюсь, что мне от него не по себе. – Он медленно провел рукой по всей длине меча. – В любом случае из слов Бинабика и юного Саймона следует, что никто не сможет унести клинок, если он сам не захочет. Кроме того, когда он остается у всех на глазах, как топор Тестейна в стволе дерева, возможно, кто-нибудь выйдет вперед, чтобы рассказать нам, как Шип может нам послужить.

– Вы имеете в виду, кто-то из простых людей, ваше высочество? – озадаченно спросил Деорнот.

Принц фыркнул.

– На свете существуют самые разные виды мудрости, Деорнот. Если бы мы прислушались к простым людям, живущим во Фростмарше, когда они рассказали нам про появление зла в их землях, кто знает, каких бы страданий нам удалось избежать. Нет, Деорнот, любые разумные слова, старая песня или полузабытые истории, касающиеся этого меча, представляют сейчас для нас огромную ценность. – Джошуа не удалось скрыть беспокойство. – В конце концов, мы не знаем, какая нам может быть от него польза – и вообще, будет ли прок, если не считать древнего и не слишком понятного стихотворения.

Его перебил хриплый напевный голос, который произнес:

*Когда лед покроем колокол Клавеса
И тени выйдут на тракт,
Когда вода почернеет в Колодце,*

Три меча появятся снова.

Джошуа и Деорнот удивленно обернулись и увидели в дверях Джелой, которая продолжила декламировать:

*Когда из-под земли выберутся буккены,
А с вершин гор спустятся гюне,
Когда Кошмар изгонит мирные сны,
Три меча появятся снова.*

*Чтобы остановить тяжелый шаг Судьбы
И разогнать густой Туман Времени,
Если Ранние окажут сопротивление
Слишком поздно,
Три меча появятся снова.*

– Я слышала вас, принц Джошуа, у меня острый слух. Вы произнесли мудрые слова. Что же до сомнений в том, сможет ли помочь меч... – Она поморщилась. – Простите старую лесную женщину за прямоту, но, если мы не поверим в силу предсказания Ниссеса, что еще нам останется?

Джошуа попытался улыбнуться.

– Я не подвергаю сомнению то, что меч имеет для нас какое-то – огромное – значение, валада Джелой. Я бы только хотел более ясно понимать, какого рода оружием станут для нас Три меча.

– Как и все мы. – Джелой кивнула Деорноту, потом перевела взгляд на черный меч. – Однако у нас уже есть один из трех Великих мечей, а это больше, чем было сезон назад.

– Верно. Очень верно. – Джошуа прислонился спиной к каменному столу. – А благодаря вам мы находимся в безопасном месте. Я не слеп к дарам судьбы, Джелой.

– Но вы обеспокоены, – проговорила она. – Нам становится все труднее кормить постоянно растущее поселение, и будет еще сложнее управлять людьми, которые сейчас здесь живут.

– Причем многие из них даже не очень понимают, что они тут делают, они просто последовали за другими поселенцами. После такого холодного лета я не знаю, как мы переживем зиму.

– Люди прислушаются к вам, ваше высочество, – сказал Деорнот. В присутствии женщины-ведьмы Джошуа держался как осторожный ученик, а не принц. Деорноту это совсем не нравилось, и лишь частично удавалось скрывать раздражение. – Они станут делать то, что вы прикажете, и вместе мы переживем приближающуюся зиму.

– Конечно, Деорнот. – Джошуа положил руку на плечо друга. – Мы через многое прошли, и нас не остановят мелкие проблемы сегодняшнего дня.

Он собрался еще что-то сказать, но они услышали шаги на широкой лестнице снаружи, и вскоре в дверях появились юный Саймон и тролль, от которых не отставала ручная волчица Бинабика. Она понюхала воздух, потом камни по обеим сторонам двери, отправилась в дальний угол зала и легла. Деорнот с некоторым облегчением посмотрел ей вслед. Он видел много доказательств ее безвредности, но, в конце концов, он вырос в деревне Эркинланда, где волков считают демонами и рассказывают о них самые разные истории у камина.

– О! – весело вскричал Джошуа. – Пришел мой новый рыцарь, а с ним благородный посланник из далекого Иканука. Проходите, садитесь. – Он указал на ряд табуретов, оставшихся после вчерашнего праздника. – Мы ждем еще нескольких человек, включая графа Эолейра. – Принц повернулся к Джелой: – Вы его видели? С ним все в порядке?

– Несколько порезов и синяков. Он очень худой, ведь ему пришлось проделать долгий путь и у него было совсем мало еды. Но граф здоров.

Деорнот подумал, что Джелой не сказала бы больше ничего, даже если бы графа Над-Муллах четвертовали и выпотрошили – она бы снова и очень быстро поставила его на ноги. Женщина-ведьма не демонстрировала принцу надлежащего уважения и имела, как считал Деорнот, некоторое количество исконно женских черт, но он был вынужден признать, что она великолепно делала то, за что бралась.

– Я рад это слышать. – Джошуа засунул руки под плащ. – Как здесь холодно. Давайте разведем огонь, чтобы у нас не стучали зубы, когда мы будем разговаривать.

Джошуа и остальные занялись беседой, а Саймон взял несколько кусков дерева из кучи в углу и сложил их в яму для костра, радуясь, что у него появилось дело. Он гордился тем, что являлся частью столь важной компании, но не мог до конца этого осознать.

– Расположи их так, чтобы внизу они стояли широко, а верхушки соедини вместе, – посоветовала Джелой.

Саймон сделал, как она сказала, соорудив конус из дерева в самом центре горки пепла. Закончив, он огляделся по сторонам. Грубая яма для огня казалась не к месту на полу из тщательно обработанных плиток, как будто в одном из больших домов у него на родине поселились животные. В длинном зале он не обнаружил ничего похожего на очаг, сооруженный ситхи, и ему стало интересно, как они обогревали помещение. Но он вспомнил Адиту, которая бежала босиком по снегу, и решил, что они, наверное, обходились без огня.

– Это место на самом деле называется Дом Прощания? – спросил он у Джелой, когда она подошла к нему, держа в руках кремень и кресало.

Она не ответила на его вопрос, присела около ямы и подожгла куски коры вокруг сложенного дерева.

– Можно сказать и так. Я бы назвала его Зал Прощания, но тролль поправил мой язык ситхи. – Она сдержанно улыбнулась, когда завиток дыма медленно проплыл мимо ее рук.

Саймон решил, что она, видимо, пошутила, но уверенности у него не было.

– «Прощание», потому что именно здесь две семьи расстались?

– Да, я думаю, что они попрощались в этой комнате. И здесь заключили договор. Думаю, у ситхи он имеет или имел другое имя задолго до того, как они приняли решение идти разными путями.

Значит, он не ошибся: видение показало ему прошлые события в этом месте. Саймон задумчиво оглядел зал с колоннами из украшенного резьбой камня, по-прежнему ослепительно чистые, с острыми гранями, несмотря на то что миновало бесчисленное множество лет. Народ Жирики когда-то славился своими искусными строителями, но сейчас их дома в лесу были переменчивыми и непостоянными, словно гнезда птиц. Возможно, ситхи поступали мудро, нигде не пуская корни. *И все же, – подумал Саймон, – дом, который никогда не меняется и остается на своем месте, – это самое ценное сокровище в мире.*

– А почему две семьи разделились?

– Для таких серьезных перемен всегда есть несколько причин, – пожал плечами, проговорила Джелой, – но я слышала, что к их разногласиям какое-то отношение имели смертные.

Саймон вспомнил последний жуткий час в Ясире.

– Королева норнов, Утук'ку, была разгневана из-за того, что ситхи не... изгнали смертных с их земель, – продолжала Джелой. А также тем, что Амерасу не предоставила смертных их судьбе. Нас, смертных. Таких, как я.

Саймону было тяжело и невероятно стыдно слышать имя Амерасу, Рожденной на Корабле: ведь ее убийца сказал, что следовал за ним до Джао э-Тинукай'и.

Женщина-ведьма мгновение на него смотрела.

– Я склонна иногда забывать, как много ты видел, мальчик. Надеюсь, ты не забудешь, когда придет твое время.

– Какое время?

– Что же до расставания ситхи и норнов, – продолжала она, не обращая внимания на его вопрос, – смертные с ним связаны, но говорят, что у обоих домов были сложные отношения даже там, откуда они пришли.

– В Саду?

– Так они называют то место. Я не слишком хорошо знаю прошлое ситхи – такие вещи никогда меня не занимали. Я предпочитаю иметь дело с тем, что находится передо мной, с вещами, которые можно потрогать, увидеть и поговорить с ними. Там были женщина ситхи и мужчина хикедая. Она умерла. И он тоже умер. Обе семьи испытывали горечь. Древние дела, мальчик. Если снова увидишь своего друга Джирики, спроси у него – в конце концов, это история его семьи.

Джелой встала и отошла, оставив Саймона греться у огня.

Древние истории подобны крови. Они наполняют людей, даже когда те этого не знают и не думают о них. – Саймон мгновение размышлял. – *Но стоит наступить трудным временам, они возникают со всех сторон. И это тоже подобно крови.*

Пока он сидел, погружившись в размышления, пришел Хотвиг со своей правой рукой Озберном. Следом за ними появились Изорн и его мать, герцогиня Гутрун.

– Как сегодня моя жена, герцогиня? – спросил Джошуа.

– Она неважно себя чувствует, ваше высочество, – ответила та. – Иначе непременно пришла бы с нами. Впрочем, такого следовало ожидать. Как вы знаете, дети создают проблемы не только *после* того, как появляются на свет.

– Я знаю очень мало, милая леди. – Джошуа рассмеялся. – Особенно про такие вещи. Мне еще не доводилось быть отцом.

Вскоре пришел Стрэнгъярд в сопровождении графа Над-Муллах. Эoleyр сменил дорожный костюм на одежду тритингов – бриджи и рубашку из толстой коричневой шерсти. На шее у него была золотая цепь, черные волосы собраны на затылке в длинный хвост. Саймон вспомнил, что видел его давным-давно в Хейхолте, и в очередной раз поразились странностям Судьбы, которая передвигает людей по миру, точно фигуры в игре шент.

– Добро пожаловать, Эoleyр, добро пожаловать, – сказал Джошуа. – Благодарение Эйдону, мое сердце наполняет радость, что я снова тебя вижу.

– И мое, ваше высочество. – Граф бросил сумки, которые принес с собой, к стене у двери, затем коротко преклонил одно колено, встал, и они с Джошуа обнялись. – Привет от народа Эрнистира в ссылке.

Джошуа быстро представил Эoleyра тем, с кем он еще не встречался. Саймону граф тепло улыбнулся и сказал:

– Я кое-что слышал о твоих приключениях с тех пор, как сюда прибыл. Надеюсь, ты уделишь мне немного своего времени и мы поговорим.

Польщенный его вниманием Саймон кивнул.

– Конечно, граф.

Джошуа подвел Эoleyра к длинному столу, на котором лежал Шип, торжественный и наводивший ужас, как король на похоронных дрогах.

– Знаменитый меч Камариса, – сказал эрнистириец. – Я много о нем слышал, и сейчас у меня странное чувство: наконец-то я его вижу и понимаю, что он действительно существует и выкован из металла, как и любое другое оружие.

Джошуа покачал головой.

– Нет, он не совсем похож на обычное оружие.

– Могу я к нему прикоснуться?

– Разумеется.

Эoleyр с трудом сумел приподнять рукоять с каменного стола. Вены у него на шее напряглись и выступили под кожей, когда, приложив все силы, он попытался взять меч со стола. В конце концов он сдался и вытер мокрые от пота пальцы.

– Тяжелый, точно мельничный камень.

– Иногда. – Джошуа похлопал его по плечу. – В другие времена он становится легким, точно перышко. Мы не знаем, почему так происходит и какая нам будет от него польза, но ничего другого у нас нет.

– Отец Стрэнгъярд рассказал мне про стихотворение, – сказал граф. – Думаю, я смогу многое вам поведать про Великие мечи. – Он оглядел комнату. – Если сейчас подходящее время.

– У нас военный совет, – просто ответил Джошуа. – Этим людям можно рассказать все, и мы с нетерпением ждем новостей про мечи. Разумеется, еще мы хотим услышать про ваш народ. Насколько я понимаю, Ллут мертв. Примите наши искренние соболезнования. Он был поразительным человеком и прекрасным королем.

– А также его сын Гвитинн, – кивнув, добавил Эoleyр.

Сэр Деорнот, сидевший рядом, застонал.

– О боги, какая ужасная новость! Он выступил из Наглимунда почти сразу после осады. Что произошло?

– Его захватили бандиты Скали из Кальдскрика и жестоко убили. – Эoleyр опустил глаза. – Бросили тело у подножия горы, как мусор, и ускакали.

– Да будут они прокляты! – прорычал Деорнот.

– Мне стыдно называть их своими сородичами, – сказал Изорн.

Его мать кивнула, соглашаясь.

– Когда вернется мой муж, он разберется с Острым Носом. – Ее слова прозвучали так уверенно, будто она говорила про то, что вот-вот наступит рассвет.

– Тем не менее мы *все* здесь соотечественники, – сказал Джошуа. – Мы один народ. И вместе выступим против общих врагов. – Он показал на табуреты, стоявшие у стены. – Прошу вас, садитесь. Нам придется самим разбираться со своими проблемами: и я подумал, что чем меньше наша группа, тем легче будет говорить открыто.

Когда все расселись, Эoleyр рассказал о падении Эрнистира, начиная с бойни у Иннис-крича и смертельной раны Ллута. Едва он начал говорить, как снаружи донесся какой-то шум, и через мгновение в зал ввалился старый шут Тайгер, а следом за ним Санфугол, который вцепился в его рубашку, пытаясь остановить.

– Так-так! – Старик уставился на Джошуа покрасневшими глазами. – Ты знаешь про верность не больше твоего брата-убийцы!

Он покачнулся, когда Санфугол в отчаянии снова потянул его на себя. Волосы у Тайгера – те, что еще остались, – торчали в разные стороны, щеки алели от чрезмерно выпитого вина.

– Пойдем отсюда! – сказал арфист. – Прошу прощения, мой принц, он неожиданно выскочил передо мной и...

– Подумать только, после стольких лет службы, – захлебываясь, заявил Тайгер, – что меня... меня... *исключили*, – он произнес это слово старательно и гордо, не замечая, что у него на подбородке застыл сгусток слюны, – изгнали и не допускают на советы, в то время как я был ближе всех к королю и его сердцу...

Джошуа встал и печально посмотрел на шута.

– Когда ты в таком состоянии, я не могу с тобой разговаривать, старик. – Он нахмурился, наблюдая за тем, как Санфугол сражается с Тайгером.

– Я помогу, принц Джошуа, – сказал Саймон.

Он не мог больше смотреть на то, как унижается старик. Саймон и Санфугол сумели развернуть Тайгера, и, как только шут оказался спиной к принцу, казалось, боевой запал его покинул, и он не сопротивлялся, когда его повели к двери.

Снаружи, на вершине горы, дул ледяной ветер, Саймон снял плащ и завернул в него Тайгера, который уселся на верхней ступеньке – куча выступавших под тонкой кожей костей – и сказал:

– Кажется, меня сейчас вырвет.

Саймон похлопал шута по плечу и беспомощно посмотрел на Санфугола, во взгляде которого не увидел ни капли сострадания.

– Он все равно что ребенок, – проворчал арфист. – Нет, дети ведут себя лучше. Взять, например, Лелет, которая вообще не разговаривает.

– Они же от *меня* узнали, где найти проклятый черный меч, – пробормотал Тайгер. – Я им сказал, куда идти. И про другой тоже, который Элиас отказался взять. «Ваш отец хочет, чтобы он принадлежал вам», – сказал я ему, но он не желал меня слушать. Бросил на землю, как змею. А теперь еще и черный меч. – По щеке с седыми бакенбардами сбежала слеза. – Он вышвырнул меня, точно кожуру от апельсина.

– Он о чем? – спросил Саймон.

Санфугол поморщился.

– Он что-то рассказал принцу про Шип перед тем, как вы отправились его искать. А остального я не понимаю. – Он наклонился и взял Тайгера за руку. – Уф! Хорошо ему жаловаться – *он* не должен играть роль няньки для самого себя. – Арфист кисло улыбнулся Саймону. – Ладно, наверное, и у рыцарей бывают плохие дни, верно? Когда люди нападают на тебя с мечом в руках и все такое? – Он потянул шута на себя, заставив его встать, и стал ждать, когда старик восстановит равновесие. – У нас с Тайгером сегодня отвратительное настроение, Саймон. Ты тут совершенно ни при чем. Приходи как-нибудь ко мне, и мы выпьем вина.

Санфугол отвернулся и пошел прочь по качавшейся на ветру траве, пытаясь поддерживать шута и одновременно не подпускать его слишком близко к своей чистой одежде.

Когда Саймон вернулся в Дом Прощания, Джошуа ему с признательностью кивнул, и Саймон подумал, что довольно странно получать благодарность за такое неприятное дело. Эoleyр заканчивал рассказ о падении Эрнисдарка и бегстве своего народа в горы Грианспог. Когда он заговорил о том, что под руководством дочери короля оставшиеся в живых эрнестирийцы ушли в пещеры, которых великое множество, герцогиня Гутрун улыбнулась.

– Мегвин умная девочка. Вам повезло, что она у вас есть, раз уж жена Ллута оказалась такой бесполезной, как вы утверждаете.

На лице графа появилась печальная улыбка.

– Вы правы, леди. Мегвин действительно дочь своего отца. Я даже думал, что она станет лучшим правителем, чем Гвитинн, который иногда отличался невероятным упрямством, однако сейчас я в этом не так уверен.

Эoleyр рассказал о странностях Мегвин, ее видениях и снах и о том, что они привели его и дочь Ллута в самое сердце горы, в древний каменный город Мезуту'а. Когда он заговорил о самом городе и его необычных обитателях, дваррах, все слушали в потрясенном молчании, и только на Джелой и Бинабика, казалось, история Эoleyра не произвела особого впечатления.

– Поразительно, – прошептал Стрэнгъярд, глядя на сводчатый потолок Дома Прощания, как будто вдруг оказался под горой Грианспог. – Зал Узоров! Какие чудесные истории, наверное, там написаны!

– Вы сможете прочитать их позднее, – улыбнувшись, сказал Эoleyр. – Я рад, что дух учения пережил злую зиму. – Он снова повернулся к собравшимся. – Но, наверное, важнее всего то, что рассказали нам дварры про Великие мечи. Они утверждают, что именно они выковали Миннеяр.

– Мы немного знаем историю Миннеяра, – сказал Бинабик, – и дварры – или двернинги, как их называют северяне, – в ней участвуют.

– Но больше всего нас интересует, где находится Миннеяр, – добавил Джошуа. – У нас есть один меч. Второй у Элиаса. Третий...

– Почти все в этом зале видели третий, – перебил его Эoleyр, – а также знают место, где он сейчас лежит, – если дварры не ошиблись. Они говорят, что Миннеяр отправился вместе с Фингилом в Хейхолт, но Престер Джон его нашел... и назвал Сияющим Когтем. Если они правы, его похоронили вместе с вашим отцом, Джошуа.

– О Боги! – пробормотал Стрэнгъярд, и его слова были встречены мгновением потрясенного молчания.

– Я держал его в руке, – изумленно проговорил наконец Джошуа. – И сам положил на грудь отца. Как Сияющий Коготь может быть Миннеяром? Отец ни разу ни словом об этом не обмолвился!

– Чистая правда, – на удивление резко сказала Гутрун. – Он даже моему мужу не открыл его тайну. Он повторял, что это очень старая и не имеющая особого значения история. – Она покачала головой. – Вечные секреты!

Саймон, который тихо слушал, вдруг заговорил:

– А разве он не принес Сияющий Коготь из Варинстена, в котором родился? – Саймон посмотрел на Джошуа, неожиданно испугавшись того, что ведет себя слишком нахально. – Я хотел сказать, ваш отец. Так мне говорили.

Джошуа задумчиво нахмурился.

– Эту историю рассказывали многие, но, если подумать, я ни разу не слышал ее от отца.

– Конечно, конечно! – Стрэнгъярд выпрямился и хлопнул в ладоши. Повязка сползла с его глаза, и уголок прикрыл переносицу. – Проход, который так беспокоил Ярнаугу, тот самый, что описан в книге Моргенеса! Там говорится, что Джон спустился вниз, чтобы встретиться с драконом – с копьём в руках! Копье! О боги, как же мы были слепы! – Священник хихикнул совсем как мальчишка. – А вышел он оттуда с Сияющим Когтем! О, Ярнауга, почему тебя нет с нами!

Принц поднял руку.

– Нам следует многое обдумать, а также вспомнить древние легенды, но сейчас перед нами стоит гораздо более серьезная проблема. Если дварры правы, а я чувствую, что это так – кто станет сомневаться в истинности столь безумной истории в наши невероятные времена, – мы должны добыть меч, и неважно, какое у него имя, Сияющий Коготь или Миннеяр. Он лежит в могиле моего отца на Свертклифе, прямо за стенами Хейхолта. Мой брат, стоя на одном из бастионов, может смотреть на могильные холмы. На рассвете и закате эркингарды проходят торжественным строем по краю скалы.

Момент головокружительной радости прошел. В наступившей давящей тишине Саймон почувствовал, что у него рождается идея, смутная и еще не сформировавшаяся, поэтому не стал ничего говорить вслух. Среди прочего она была еще и пугающей.

– Это еще не все, ваше высочество, – заговорил Эoleyр. – Я рассказал вам про Зал Узоров и карты раскопок и строительства, которые хранят дварры. – Он встал и подошел к седельным сумкам, оставленным у двери, несколько рулонов из промасленной кожи вывалились на пол. – Я привез чертежи тоннелей, дварры прокопали их под Хейхолтом в те времена, когда замок назывался Асу'а и принадлежал ситхи.

Стрэнгъярд первым вскочил и, опустившись на колени, с нежной осторожностью любownika развернул один из рулонов.

– О! – выдохнул он. – О да! Да! – Его восторженная улыбка уступила место озадаченному выражению. – Должен признаться, – проговорил он наконец, – что я несколько... разочарован. Я не думал, что карты дварров окажутся... О боги!.. Такими грубыми.

– Карты нарисовали не дварры, – нахмурившись, сказал Эoleyр, – они – результат невероятно старательной работы двух эрнистирийских писцов, которые трудились почти в полной темноте на небольшом пространстве, в пугавшем их месте, копируя нанесенные на камень карты дварров так, чтобы я смог вынести их на поверхность.

– О! – в ужасе вскричал священник. – О! Простите меня, граф! Мне так жаль...

– Не имеет значения, Стрэнгъярд. – Джошуа повернулся к графу Над-Муллаху. – Это неожиданный и очень ценный дар, Эoleyр. В тот день, когда мы наконец окажемся перед стенами Хейхолта, мы обратимся к небесам, благословляя твое имя.

– Не стоит меня благодарить, Джошуа. Но, по правде говоря, это была идея Мегвин. Я не знаю, какая от них будет польза, но знание никогда не бывает лишним, и я уверен, что ваш архивариус со мной согласен. – Он показал на Стрэнгъярда, который ползал среди рулонов из промасленной кожи, точно поросенок, обнаруживший кучу трюфелей. – Но, должен признаться, я пришел к вам в надежде на нечто большее, чем благодарность. Я покинул Эрнистир, чтобы найти армию повстанцев и с вашей помощью изгнать Скали из Кальдскрика с наших земель. Но вы находитесь в таком положении, что вам не по силам отправить армию вообще куда-либо.

– Нет. – На лице Джошуа появилось мрачное выражение. – Нас все еще слишком мало. К нам каждый день приходят новые люди, но потребуется много времени, прежде чем мы сможем послать даже небольшой отряд в помощь Эрнистиму. – Он встал и немного прошел по комнате, потирая обрубок правого запястья, словно тот причинял ему боль. – Наша борьба подобна сражению с завязанными глазами: мы не знали и не понимали, какие силы выступают против нас. Теперь же, когда к нам пришло осознание природы наших врагов, становится ясно, что сейчас у нас нет возможности им противостоять и мы можем лишь прятаться здесь, в самом отдаленном районе Светлого Арда.

– Если бы мы нанесли удар *где-то*, мой принц, – наклонившись вперед, сказал Деорнот, – люди поднялись с вашим именем. Очень мало кто кроме тритингов знает, что вы живы.

– Это так, принц Джошуа, – поддержал его Изорн. – Я знаю, что в Риммерсгарде многие ненавидят Скали, некоторые помогли мне спрятаться, когда я бежал из военного лагеря Острого Носа.

– О том, что вы живы, в Эрнистире также ходят невнятные слухи, – добавил Эoleyр. – Возможность рассказать об этом моему народу, живущему в Грианспоге, сделает мое путешествие исключительно удачным.

Джошуа, который расхаживал по комнате, остановился.

– Вы принесете им больше, граф Эoleyр. Клянусь вам, вы дадите своему народу надежду. – Он потер глаза, словно человек, который проснулся слишком рано. – Клянусь Деревом, какой день! Давайте прервемся, чтобы перекусить. К тому же я хочу обдумать то, что услышал. – Джошуа устало улыбнулся. – И мне нужно навестить жену. – Он помахал рукой в воздухе. – Вставайте, все. Кроме вас, Стрэнгъярд, полагаю, вы захотите остаться?

Архивариус, окруженный рулонами из овечьих шкур, даже не слышал его вопроса.

Прайрат, который погрузился в темные, подобные лабиринту, запутанные размышления, некоторое время не замечал новый звук.

Когда тот наконец пробился сквозь туман его мыслей, он резко остановился, не сделав следующего шага.

«Азха ши'иши т'чако, урун ши'иши бабекро...»

Звук, поднимавшийся со стороны темной лестницы, был слабым, но зловещим, мрачный напев, пронизанный болезненным диссонансом, который мог быть задумчивым ворчанием паука, который опутывал шелковой нитью свою жертву. Медленно, с придыханиями, звук скользил между нотами с уверенностью, говорившей о том, что кажущееся отсутствие мелодии намеренно – и основано на совершенно ином понимании музыки.

«Мадхал самат'ай Джаббак с'эра мекекеза санайха-з'а Нинайек ши'иши, хамат'тке аграж'а с'эра йе...»

Другой, более слабый человек наверняка повернулся бы и помчался наверх, в залитые дневным светом комнаты замка, не желая встречаться с тем, кто издавал столь неприятные звуки. Однако Прайрат ни секунды не колебался и, стуча сапогами по каменным ступеням, стал снова спускаться по лестнице. Вторая мелодия присоединилась к первой, такая же чуждая и жутко терпеливая, и вместе они принялись завывать, точно ветер в трубе.

Прайрат добрался до площадки и свернул в коридор. Два норна, стоявших перед тяжелой дубовой дверью, тут же смолкли. Они без особого интереса, слегка оскорбительно, точно коты, которых потревожили, когда они грелись на солнце, смотрели, как он приближается.

Прайрат подумал, что они слишком крупные для хикедэ'я: очень высокие и худые, словно оголодавшие нищие. Их серебристо-белые пики были опущены, а мертвенно-бледные лица прятались внутри капюшонов.

Прайрат не сводил с норнов глаз. А они с него.

– Ну? Будете на меня пялиться или все-таки откроете дверь?

Один из норнов медленно склонил голову.

– Да, лорд Прайрат.

В ледяном голосе с сильным акцентом не прозвучало даже намек на почтение. Он развернулся и потянул на себя огромную дверь, за которой открылись коридор, залитый алым светом факелов, и очередная лестница. Прайрат прошел между двумя стражами и начал спускаться вниз; дверь у него за спиной захлопнулась. Не успел он сделать и десяти шагов, как жуткая паучья мелодия зазвучала снова.

Молоты с громким лязгом и грохотом поднимались и опускались, выковыывая из остывавшего металла вещи, полезные для короля, который сидел в окутанном тенями тронном зале далеко наверху. В кузнице царил страшный шум, а вонь – сера, раскаленное добела железо, опаленная земля, превратившаяся в сухую соль, даже сладковатый запах обожженной человеческой плоти – была невыносима.

Уродство мужчин, носившихся взад-вперед по огромному помещению кузницы, производило жуткое впечатление, как будто дикий жар в подземной пещере расплавил их, точно куски бракованного металла. Даже тяжелая, подбитая ватой одежда не скрывала плачевного состояния рабочих. На самом деле Прайрат знал, что в оружейной мастерской Элиаса остались только существа с безнадежно сломанными телами или духом или и то и другое. Кое-кому посчастливилось сбежать из этого ужаса. Но большинство сильных мужчин погубили тяжелый труд и жестокий надсмотрщик Инч. Прайрат сам собрал несколько маленьких групп, чтобы они помогали ему в экспериментах. А то, что от них осталось, в конце концов вернулось сюда, чтобы после смерти накормить печи, которым они служили при жизни.

Советник короля прищурился, глядя сквозь заполнявшие помещение клубы дыма на рабочих, которые с трудом передвигались под тяжестью огромных грузов или, точно обожженные лягушки, шарахались от очередного вырвавшегося языка пламени. *Так или иначе*, – подумал.

мал Прайрат, – *Инч сумел избавиться от тех, кто был привлекательнее или умнее его самого. На самом деле, – подумал Прайрат, улыбнувшись собственной остроумной жестокости, – если таков стандарт красоты, чудо, что хоть кто-то остался в огромных залах, чтобы разжигать огонь и работать с расплавленными металлами.*

В грохоте молотов было нечто убаюкивавшее, и в этот момент почти покоя Прайрат услышал скрип у себя за спиной и медленно, стараясь не выказывать поспешности, на случай, если кто-то за ним наблюдал, обернулся. Он хотел, чтобы все знали, что ничто не может напугать Красного священника. Увидев источник звука, Прайрат ухмыльнулся и сплюнул на каменный пол.

Огромное водяное колесо занимало большую часть стены у Прайрата за спиной. Громадное деревянное сооружение, одетое в сталь и закрепленное на перекрестье, вырубленное из ствола могучего дерева, забирало воду из мощного потока, который протекал через всю кузницу, поднимало ее и выливало в сложный лабиринт желобов. А они, в свою очередь, направляли воду в разные места кузницы, чтобы охлаждать металл или гасить огонь, или даже – редко, когда на Инча находило соответствующее настроение, – на страдавших от страшного жара несчастных рабочих.

Поворачивавшееся колесо также тащило за собой несколько перепачканных черной землей железных цепей, самая большая уходила вертикально в темноту, заставляя работать определенные устройства, дорогие сердцу Прайрата. Однако сейчас воображение алхимика возбуждали лопатки колеса, которые опускались и поднимались. Он рассеянно размышлял, сможет ли такой же механизм, но размером с гору, если согнать к нему несколько тысяч скулящих рабов, осушить море, чтобы достать с его дна тайны, прятавшиеся там миллионы лет.

Когда он представлял восхитительные вещи, которые скрывались под слоем тысячелетней грязи, широкая ладонь с черными полосами под ногтями легла на его рукав. Прайрат резко развернулся и оттолкнул ее.

– Как ты смеешь ко мне прикасаться?! – прищурившись, прошипел он и оскалился, как будто собрался разорвать горло ссутулившегося перед ним человека.

Прежде чем ответить, Инч несколько мгновений не сводил с него глаз. На круглом лице, изуродованном шрамами от ожогов, торчали клочья бороды. Он, как всегда, казался тупым и бесчувственным, точно камень.

– Вы хотите со мной поговорить?

– Никогда больше ко мне не прикасайся. – Голос Прайрата стал спокойнее, но по-прежнему дрожал от опасного напряжения. – Никогда.

Инч нахмурился, и его неровные брови сморщились. Дыра на том месте, где раньше был глаз, выглядела отвратительно.

– Что вы от меня хотите?

Алхимик помедлил, сделав глубокий вдох, чтобы прогнать наполнявшую его черную ярость. Прайрата поразила собственная неистовая реакция. Он сказал себе, что глупо тратить злобу на дикого мастера кузницы. Когда Инч послужит его целям, его можно будет убить, как тупое животное, коим он являлся. А до тех пор он полезен для планов короля – и, что еще важнее, самого Прайрата.

– Король желает, чтобы ты заново укрепил главную стену. Новые брусья и перекрестные растяжки – из самого тяжелого дерева, которое удастся доставить от озера Кинслэг.

Инч опустил голову, он думал, и Прайрату показалось, что этот тяжелый для мастера кузницы процесс можно потрогать руками.

– Как скоро? – спросил Инч наконец.

– К Празднику свечей. Если вы опоздаете хотя бы на неделю, ты и все твои подземные крысы окажетесь над воротами Нирулаг в компании с воронами. – Прайрат с трудом сдержал рвавшийся наружу смешок, когда представил уродливую голову Инча, насаженную на пику на

воротах. Даже вороны не станут сражаться за *такую* добычу. – И никаких оправданий. Вы и так получаете треть года на работы. Кстати, о воротах Нирулаг, вы должны сделать кое-что еще, и это очень важно. Нужно усилить защиту. – Он засунул руку внутрь плаща и достал свиток. Инч его развернул и поднял так, чтобы на него падал свет от огня. – Закончить требуется также к Празднику свечей.

– А где королевская печать? – На морщинистом лице Инча появилось неожиданно проницательное выражение.

Прайрат вскинул руку, и на кончиках его пальцев вспыхнул грязно-желтый свет, который через мгновение погас. Он уронил руку, и она скрылась в широком красном рукаве.

– Если ты еще хотя бы раз выскажешь сомнения в моих приказах, я превращу тебя в пепел.

– Тогда укрепление стен и ворот не будет завершено, – с серьезным видом заявил Инч. – Никто, кроме доктора Инча, не может заставить их быстро работать.

– Доктор Инч. – Прайрат поджал тонкие губы. – Да спасет меня Усирис, я устал с тобой разговаривать. Просто выполни пожелание короля Элиаса и сделай работу. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, деревенщина. Ты увидишь начало великой эры – золотого века. – *Но только начало и не более того*, – пообещал себе священник. – Я вернусь через два дня, и ты скажешь, сколько людей и всего остального тебе потребуется.

Когда он зашагал прочь, ему показалось, будто Инч что-то крикнул ему вслед, но, обернувшись, обнаружил, что тот не сводит глаз с толстых спиц водяного колеса, двигавшихся по бесконечному кругу. Громко и резко стучали молоты, однако Прайрат слышал его глубокий и печальный скрип.

Герцог Изгримнур оперся о подоконник, поглаживая заново отраставшую бороду и глядя на грязные водные пути Кванитупула. Шторм прошел, выпавший не по сезону снег растаял, и воздух с болот, по-прежнему холодный, снова стал липким. Изгримнура охватило сильное желание куда-то двигаться и что-то делать.

Я в ловушке, – подумал он. – *Будто меня пригвоздила к месту стрела, выпущенная из лука. Ощущение такое, словно снова началось сражение у озера Клоду.*

Впрочем, здесь не было лучников и вообще никаких неприятельских армий. Кванитупул, по крайней мере временно освободившийся от жестокой хватки холода и вернувшийся к привычной торговой жизни, обращал на Изгримнура внимание не больше, чем на тысячи горожан и гостей, которые оккупировали его потрепанное тело, совсем как безумное количество занятых своими делами блох. Бывший хозяин Элвритсхолла волей обстоятельств оказался в ловушке гораздо более безжалостного врага, чем люди, и неважно, сколько их и как хорошо они вооружены.

Изгримнур со вздохом выпрямился и посмотрел на Камариса, который сидел, прислонившись к дальней стене, и занимался тем, что распутывал и снова завязывал веревку. Старик, когда-то величайший рыцарь Светлого Арда, поднял голову, и на его лице появилась слабая улыбка умственно отсталого ребенка. Несмотря на седину и возраст, у него все еще были прекрасные зубы и сила, какой могли позавидовать юные задиры, проводившие время в тавернах.

Но недели постоянных усилий со стороны Изгримнура не прогнали с лица Камариса улыбку, которая приводила герцога в ужас. Что бы ни являлось причиной: колдовство, ранение в голову или просто возраст, – все его попытки приводили к одному и тому же результату: Камарис его не узнавал, не помнил своего прошлого и даже настоящего имени. Если бы Изгри-

мнур не знал его так хорошо раньше, он бы начал сомневаться в своей собственной памяти и чувствах, однако герцог видел великого рыцаря короля Джона в разные времена года, в разном свете, в хорошие дни и плохие. Возможно, старик и забыл себя, но Изгримнур не сомневался, что не ошибся.

И все же как поступить? Ему требовалось помочь, и неважно, окончательно он сошел с ума или нет. Самое очевидное решение – отвезти старика к тем, кто его вспомнит и будет почитать. Даже если мир, в создании которого Камарис участвовал, начал разваливаться на части, если Элиас разрушил мечту его друга и господина, короля Джона, Камарис заслужил провести свои последние годы в месте намного лучше грязного болота, где он находился сейчас. Кроме того, если кому-то из людей принца Джошуа удалось остаться в живых, они должны узнать, что Камарис не умер. Старый рыцарь может стать могучим символом надежды и лучших дней – а Изгримнур, умный политик, хотя он и отказывался это признать, прекрасно знал цену символам.

Но даже если Джошуа или кому-то из его воинов посчастливилось остаться в живых и они перегруппировали свои силы к северу отсюда – по крайней мере, так говорили на рынке Кванитупула, – как они с Камарисом смогут до них добраться через Наббан, полный врагов? В любом случае разве он имеет право покинуть постоянный двор? Отец Диниван, умирая, велел Изгримнуру привести сюда Мириамель. Герцог не сумел ее найти перед тем, как ему пришлось бежать из Санцеллана Эйдонитиса, но, вполне возможно, принцесса уже знает про это место – ей сказал о нем сам Диниван! Что, если она придет сюда, одна, без друзей, и обнаружит, что Изгримнур уехал? Не мог он так рисковать. Он сказал себе, что должен сделать все, что в его силах, чтобы ей помочь, – и не важно, жив принц или нет.

Изгримнур рассчитывал, что Тиатак, который каким-то непонятным образом являлся другом Динивана, что-то знал о местонахождении Мириамель, но надежда быстро умерла. После бесконечных расспросов маленький смуглый мужчина признался, что сюда его также отправил Диниван, но не стал ничего объяснять. На Тиатака известие о смерти Динивана и Моргенеса произвело сильное впечатление, и пользы от него для Изгримнура не было никакой. На самом деле, герцогу он казался довольно замкнутым. И хотя не вызывало сомнений, что нога болотного жителя причиняла ему страдания, он сказал, что его укусил кокиндрил, – Изгримнур считал, что Тиатак мог бы больше помогать ему разобраться с многочисленными загадками, мучившими обоих. И главная из них – какую цель преследовал Диниван. Но складывалось впечатление, что Тиатаку гораздо больше нравилось сидеть с мрачным видом в своей комнате – за которую платил Изгримнур! – или проводить долгие часы за столом, что-то записывая, или, хромя, прогуливаться по деревянным мосткам Кванитупула, чем он, похоже, сейчас и занимался.

Изгримнур собрался что-нибудь сказать молчавшему Камарису, когда в дверь постучали, потом она со скрипом открылась, и Изгримнур увидел хозяйку заведения Чаристру.

– Еда, которую вы заказали, – заявила она таким тоном, будто принесла серьезную личную жертву, а вовсе не брала с Изгримнура непристойно огромные деньги за постель и еду. – Прекрасный суп из фасоли и хлеб. Замечательный суп. – Она поставила кастрюльку на низкий столик и с грохотом добавила к ней три миски. – Я не понимаю, почему вы не можете спуститься вниз и есть с остальными. – Она имела в виду двух купцов враннов, торговавших перьями, а также бродячего ювелира из Наракси, искавшего работу.

– Потому что я плачу, чтобы этого не делать, – проворчал Изгримнур.

– А где болотный житель? – Чаристра принялась разливать, судя по всему, давно остывший суп.

– Я не знаю и не думаю, что тебя это касается, – сердито ответил он. – Я видел, как ты уезжала с другом сегодня утром.

– На рынок. – Она фыркнула. – Я не могу пользоваться своей лодкой, потому что *он*... – из-за того, что руки у нее были заняты, она кивком показала на Камариса, – так ее и не починил.

– И я ему не позволю из-за его высокого звания. Кстати, за это я тоже тебе плачу. – Изгримнур почувствовал, как растет у него внутри раздражение. Чаристра постоянно проверяла границы благородства и хорошего воспитания герцога. – У тебя слишком длинный язык, женщина. Интересно, что ты рассказываешь своим товаркам на рынке про меня и других необычных гостей твоего постоянного двора?

Она бросила на него испуганный взгляд.

– Ничего, можете мне верить.

– Для тебя будет лучше, если ты не врешь. Я тебе заплатил, чтобы ты молчала про... моего друга. – Он посмотрел на Камариса, который с радостным видом поглощал суп. – Но если ты решила, что можешь взять мои деньги и болтать о нас самые разные глупости, запомни: как только мне станет известно, что ты распускаешь слухи про меня или мои дела... *Я заставлю тебя очень сильно пожалеть.* – Его глубокий, сильный голос прозвучал точно удар грома.

Чаристра в тревоге отступила на шаг назад.

– Не сомневайтесь, я никому ничего не говорила! И у вас нет причин мне угрожать, господин! Ни одной! Так нельзя! – Она направилась к двери, размахивая поварешкой с такой яростью, будто отбивалась от врагов. – Я обещала ничего не говорить и не буду. Любой вам скажет, что Чаристра держит свое слово! – Она быстро изобразила на груди знак Древа, затем выскользнула в коридор, оставив на полу капли супа.

– Ха! – фыркнул Изгримнур и посмотрел на покрытую рябью серую субстанцию в миске. Да уж, отдавать деньги за ее молчание – все равно что платить солнцу, чтобы оно не светило. Он швыряется ими, как будто это вода Вранна; очень скоро они закончатся, и что делать тогда? Изгримнура невероятно злили подобные мысли. – Ха! – снова сказал он. – Будь я проклят.

Камарис вытер подбородок и улыбнулся, глядя в пустоту.

Саймон прислонился к высокому камню и посмотрел вниз. Бледное солнце стояло почти у него над головой и, пробиваясь сквозь траву и кусты, пятнало бликами склон холма.

– Нашел! – крикнул он через плечо, снова прислонился к гладкому от ударов ветра столбу и стал ждать.

Белый камень еще не расстался с утренней прохладой и был даже холоднее окружающего его воздуха. Через мгновение Саймон почувствовал, что все его кости превращаются в лед, отошел в сторону и повернулся, чтобы посмотреть на край холма. Вертикальные камни окружали вершину Сесуад'ры, точно зубцы королевской короны. Несколько древних колонн упало, но большинство остались стоять, высокие и прямые, продолжавшие исполнять свой долг, несмотря на прошедшие неисчислимые века.

Они похожи на Камни Гнева на Тистерборге, – подумал вдруг Саймон.

Может быть, там также жили ситхи? Про них рассказывали великое множество диковинных историй.

Куда эти двое подевались?

– Вы идете? – позвал он.

Когда никто не ответил, он обошел камень и немного спустился по склону, изо всех сил цепляясь за крепкие кусты вереска, несмотря на то что они царапали кожу: земля здесь была сырой и могла оказаться опасной. Долину внизу заполняла серая вода, почти неподвижная, и новое озеро вокруг горы казалось надежным, точно каменный пол. Саймон подумал о време-

нах, когда он забирался на колокольню Башни Зеленого ангела и чувствовал себя так, словно сидел на облаке, парившем над миром. Здесь, на Сесуад'ре, казалось, будто скала только что родилась, вырвавшись из доисторической земли. Ему ничего не стоило представить, будто, кроме этого места, больше ничего нет, и, наверное, именно так ощущал себя Бог, когда стоял на вершине горы Ден Халой и создавал мир, как говорится в Книге Эйдона.

Джирики рассказывал Саймону о том, как Садорожденные пришли в Светлый Ард. В те дни почти весь мир покрывал океан, который потом остался только на западе. Народ Джирики проплыл, оставив солнце за спиной, огромное расстояние и высадился на зеленом побережье мира, не знавшего людей, огромного острова посреди моря. Джирики говорил, что какой-то произошедший позднее катаклизм все изменил: остров поднялся вверх, моря на востоке и юге пересохли, и появились новые горы и луга. Теперь Садорожденные больше не могли вернуться в свой потерянный дом.

Саймон размышлял об этом и, прищурившись, смотрел на восток. Впрочем, с вершины Сесуад'ры удавалось разглядеть только мрачные степи и безжизненные серо-зеленые равнины, протянувшиеся до самого горизонта. Судя по тому, что Саймон слышал, восточные степи были унылыми и негостеприимными даже до прошедшей ужасной зимы: а дальше на восток от леса Альдхорт они постепенно становились совсем голыми и лишенными какого-либо укрытия. Некоторые путники рассказывали, что дальше определенного места не заходили даже хирка и тритинги. Солнце никогда не светило там по-настоящему, и землю постоянно окутывал туман. Несколько отчаянно смелых путешественников, отправившихся по этим безрадостным территориям в поисках других стран, так и не вернулись назад.

Саймон вдруг понял, что уже довольно долго смотрит в одну точку, однако на его крик по-прежнему никто не пришел. Он уже собрался снова их позвать, когда появился Джеремя, который осторожно пробирался между кустами по доходившей до пояса траве в сторону края скалы. Лелет, едва различимая в качавшихся на ветру зеленых зарослях, держала его за руку. Казалось, ей нравился Джеремя, хотя проявлялось это только в том, что девочка постоянно находилась с ним рядом. Она по-прежнему ничего не говорила, и на лице у нее оставалось серьезное и задумчивое выражение, но если она не могла быть рядом с Джелой, Лелет почти всегда была с Джеремией. Саймон решил, что она, наверное, почувствовала в молодом сквайре нечто сродни ее собственной боли и страдавшему сердцу.

– Он уходит под землю? – крикнул Джеремя. – Или через край?

– И то и другое, – ответил Саймон и махнул рукой.

Они шли вдоль ручья от того места, где он появлялся в здании, которое Джелой назвала Домом Воды, загадочным образом возникал прямо из камня и не терял своей силы после того, как вода собиралась в пруд у основания его источника, обеспечивая свежей питьевой водой Новый Гадринсетт. В результате здесь стали собираться жители нового поселения, чтобы посплетничать или что-то продать и купить.

Дальше, превратившись в узкую речушку, он стремительно вытекал из Дома Воды, стоявшего на одной из самых высоких точек Сесуад'ры, перебирался через вершину, исчезая и появляясь снова по мере того, как менялись очертания поверхности земли. Саймон никогда не слышал и не видел, чтобы ручей так себя вел, – да и кто вообще когда-либо встречал такое на вершине скалы? – и твердо решил проследить его путь и, возможно, определить, откуда он вытекает, пока не вернутся бури, которые сделают поиски невозможными.

Джеремя остановился на склоне неподалеку от Саймона, они стояли и смотрели на речушку с невероятно быстрым течением.

– Как ты думаешь, она стекает до самого конца... – Джеремя показал на широкий ров с серой водой у основания Скалы Прощания, – или возвращается обратно в скалу?

Саймон пожал плечами. Река, вытекавшая из священной горы ситхи, вполне могла возвращаться назад, в скалу, точно непостижимое колесо созидания и разрушения, – словно буду-

щее, которое приближается, чтобы поглотить настоящее, а потом быстро отступает, превращаясь в прошлое. Он уже собрался предложить новое исследование, но увидел, что Лелет начала спускаться по склону. Саймон за нее беспокоился, хотя сама она, похоже, не обращала ни малейшего внимания на ненадежную тропу. Он подумал, что она могла поскользнуться, а склон был крутым и опасным.

Джеремя поднялся на несколько шагов, подхватил ее под худые руки и, подняв, поставил рядом с собой. В этот момент свободное платье девочки задралось вверх, и на короткое мгновение Саймон увидел длинные воспаленные шрамы у нее на бедрах. *А на животе они наверняка намного хуже*, – подумал он.

Саймон все утро размышлял о том, что услышал в Доме Прощания про Великие мечи и многое другое. Прежде подобные вещи казались ему абстрактными, как будто он сам, его друзья и союзники, а также Элиас и даже жуткий Король Бурь представляли собой всего лишь крошечные фигурки на доске для игры в шент, которые оказывались в самых разных ситуациях. Теперь же, совершенно неожиданно, он получил напоминание об истинных ужасах совсем недавнего прошлого. Лелет, невинное дитя, пострадала от злобных гончих Стормпайка; тысячи ни в чем неповинных людей лишились домов, их мучили и убивали, дети теряли родителей и становился сиротами. Гнев заставил Саймона покачнуться, словно его толкнула сила охватившей его ярости. Он подумал, что, если в мире существует справедливость, кто-то заплатит за то, что произошло – за Моргенеса, Эйстана, Лелет, за невероятно похудевшего Джеремию и его молчаливую печаль и за него, потерявшего дом и наполненного печалью.

Сжался надо мной, Усирис, я бы прикончил их всех, если бы мог. Элиаса, и Прайрата, и норнов с белыми лицами – если бы мог, я убил бы их собственными руками.

– Я видел ее возле замка, – сказал Джеремя. Саймон вздрогнул от неожиданности и вдруг почувствовал, что костяшки пальцев у него заболели – так сильно сжал кулаки.

– Что?

– Лелет. – Джеремя кивком показал на девочку, которая терла грязное лицо, глядя на заполненную водой долину. – Когда она была горничной принцессы Мириамель. Помню, я тогда подумал: «Какая красивая девочка». Она была в белом платье, а в руках держала цветы. И в голове у меня пронеслась мысль о том, что она такая чистая. – Он тихо рассмеялся. – Ты только посмотри, какой она стала.

Саймон обнаружил, что ему не хочется говорить о грустном.

– Ты на себя посмотри, – сказал он. – Кто бы говорил о чистоте.

Но ему не удалось отвлечь Джеремию.

– Ты действительно с ней знаком? С принцессой?

– Да. – У Саймона было совсем не подходящее настроение, чтобы повторять эту историю. Он испытал горькое разочарование, когда обнаружил, что принцессы нет с Джошуа, и пришел в ужас, узнав, что никому не известно, где она находится. Ему очень хотелось рассказать ей про свои приключения, он представлял, как широко раскроются ее сияющие глаза, когда она услышит про дракона. – Да, – проговорил он. – Я с ней знаком.

– А она красивая, как полагается принцессе? – неожиданно напряженно спросил Джеремя.

– Наверное. – Саймону совсем не хотелось говорить про Мириамель. – Да, она была... я имел в виду, принцесса очень красивая.

Джеремя собрался еще что-то спросить, но его остановил голос, который донесся сверху:

– Ха! Вот вы где!

Они увидели диковинный двухголовый силуэт, который замер возле высокого камня, причем у одной из голов были заостренные уши.

– Мы пытаемся понять, откуда вытекает речка и куда потом пропадает, Бинабик! – крикнул Саймон.

Волчица склонила голову набок и гавкнула.

– Кантака считает, что вам следует прекратить исследования. – Бинабик рассмеялся. – Кроме того, Джошуа попросил всех вернуться в Дом Прощания. Нам нужно многое обсудить. – Идем.

Саймон и Джошуа взяли Лелет за маленькие холодные ручки и начали взбираться по склону в сторону вершины. Сверху на них, точно молочный глаз, смотрело солнце.

Все, кто присутствовал в Доме Прощания утром, снова вернулись и тихо переговаривались, наверное испытывая благоговение перед размерами и необычной формой зала, выглядевшего особенно странно сегодня, когда его не заполняла толпа людей, как накануне. Болезненный свет близившегося вечера проникал в окна, пятная все помещение, но такой слабый, что определить, откуда он падал, Саймон не смог. Изящная резьба, украшавшая стены, казалось, испускала собственное, едва различимое внутреннее сияние, напомнив Саймону о мерцании мха в тоннелях под Хейхолтом, когда он заблудился в удушавшем, отнимавшем силы мраке. Он побывал в стране за пределами отчаяния. То, что он тогда выжил, имело какое-то значение и серьезную причину, считал он.

Прошу тебя, Эйдон, – взмолился Саймон, – я зашел слишком далеко, чтобы сейчас умереть! Сохрани мне жизнь!

Но ведь он проклинал Бога за то, что тот позволил Эйстану покинуть этот мир, и теперь было слишком поздно просить у Него прощения.

Саймон открыл глаза и обнаружил, что пришел Джошуа. Принца сопровождала Воршева, и Джошуа заверил всех, что она чувствует себя лучше.

Вместе с Джошуа появились два человека, которые не присутствовали на утреннем совете: Слудиг – он проводил разведку по периметру долины – и плотный молодой фальширец по имени Фреосел, выбранный поселенцами констеблем Нового Гадринсетта. Несмотря на относительную юность, Фреосел настороженно смотрел на мир из-под нависших век – опытный уличный боец с множеством шрамов и отсутствовавшими двумя пальцами.

После того как Стрэнгъярд произнес короткое благословение и нового констебля предупредили, чтобы он хранил в тайне все, что здесь услышит, принц Джошуа поднялся со своего места.

– Нам нужно принять много решений, – сказал он, – но прежде чем мы начнем, позвольте мне рассказать вам про удачу и дни, наполненные надеждой. Когда казалось, что нам ничего не осталось, кроме отчаяния, и нас ждет поражение, Бог одарил нас своей благосклонностью. Сейчас мы находимся в безопасном месте, в то время как всего сезон назад были разбросаны по всему миру, став изгоями войны. Мы отправились на поиски одного из трех Великих мечей, который может подарить нам надежду на победу, и добились успеха. Каждый день под наши знамена встает все больше людей, и, если мы подождем достаточно времени, скоро у нас будет сильная армия и мы сможем заставить моего брата, Верховного короля, задуматься.

Разумеется, у нас еще множество проблем. Из тех, кому пришлось покинуть свои дома в Эркинланде, нам по силам собрать армию, но, чтобы одержать победу над Верховным королем, потребуется много больше воинов. Кроме того, уже понятно, что у нас возникли трудности с тем, чтобы накормить и разместить всех, кто уже здесь. Также вполне возможно, что никакая, даже огромная армия, не испытывающая сложностей со снабжением, не сможет одержать верх над союзником моего брата, Королем Бурь. – Джошуа замолчал. – Таким образом, я считаю, что в настоящий момент перед нами стоит три важных вопроса. Что намерен делать мой брат? Как мы можем собрать достаточные силы, чтобы ему помешать? И как добыть два

остальных мечей, Сияющий Коготь и Скорбь, чтобы получить надежду победить норнов и их темного господина и темную госпожу?

Джелой подняла руку.

– Прошу прощения, Джошуа, но я думаю, есть еще один вопрос: сколько у нас есть времени, чтобы это сделать?

– Вы правы, валада Джелой. Если нам удастся защищать наше убежище еще год, возможно, мы сумеем собрать достаточно большую армию, чтобы выступить против Элиаса на его территории или, по крайней мере, на ее границах, – но, как и вы, я сомневаюсь, что враг даст нам столько времени.

В ответ со всех сторон посыпались вопросы о том, какую помощь можно ожидать с востока и севера Эркинланда, территорий, страдавших от тяжелого правления короля Элиаса, и где еще отыскать союзников. Через некоторое время Джошуа снова призвал всех к молчанию.

– Прежде чем мы попытаемся разобраться со всеми остальными вопросами, – заявил он, – мы должны ответить на первый и самый важный – чего добивается мой брат?

– Власть, которая даст ему возможность расшвыривать, словно кости, человеческие жизни! – сказал Изорн.

– Такая власть у него уже есть, – заметил Джошуа. – Но я долго думал и не сумел найти другого объяснения. Разумеется, мир видел королей, которых не устраивало то, что они имели. Вполне возможно, что ответ на этот ключевой вопрос станет нам известен лишь в самом конце. Если бы мы знали, какую сделку заключил Элиас с Королем Бурь, может быть, нам удалось бы понять тайные намерения моего брата.

– Принц Джошуа, – заговорил Бинабик. – Меня занимает совсем другой вопрос: что бы ни задумал ваш брат, вне всякого сомнения, темная магия и сила Короля Бурь будут ему помогать, но что Инелуки хочет получить взамен?

На мгновение в большом каменном зале повисло молчание, затем снова зазвучали громкие голоса, и Джошуа пришлось топнуть ногой, чтобы заставить всех замолчать.

– Ты задал страшный вопрос, Бинабик, – заговорил принц. – Действительно, чего желает это темное существо?

Саймон подумал о тенях под Хейхолтом, куда он попал в ужасном, наполненном призраками сне.

– Может быть, он хочет вернуть свой замок? – предположил он, но так тихо, что остальные в зале его не услышали и продолжали тихо переговариваться между собой, однако Бинабик и Джошуа одновременно к нему повернулись.

– Милостивый Эйдон, – выдохнул Джошуа. – Неужели такое возможно?

Бинабик надолго задумался, но потом медленно покачал головой.

– В твоём предположении что-то не так, хотя оно очень умное, Саймон. Джелой, скажи мне, что я пытаюсь вспомнить, но у меня не получается?

Джелой кивнула.

– Инелуки не сможет вернуться в замок. Когда Асу'а пал, его развалины благословил священник, а затем на них наложили такое сложное и сильное заклинание, что ему не дано войти туда до конца времен. Нет, я не думаю, что Инелуки, несмотря на страстное желание, сумеет получить замок назад... но вполне возможно, собирается через Элиаса править тем, до чего не в силах дотянуться. Несмотря на их могущество, норнов мало – однако, став тенью за Троном из Костей Дракона, Король Бурь подчинит себе весь Светлый Ард.

– Невозможно представить, – мрачно проговорил Джошуа, – что моему брату до такой степени нет дела до своего народа и трона, что он готов продать их врагу всего человечества за какой-то пустяковый приз. – Он повернулся к собравшимся в зале, не в силах скрыть гнев, вспыхнувший на его лице с изящными чертами. – На данный момент будем считать, что Король Бурь намерен управлять всем человечеством, используя моего брата.

Мне говорили, что Инелуки наполняет ненависть, и, думаю, нет необходимости объяснять вам, *какое* это будет правление. Саймон рассказал нам, что женщина-ситхи по имени Амерасу поняла, чего хочет Инелуки для наших народов, и назвала его желание «ужасным». Мы должны сделать все, что в наших силах, – даже поставить на кон собственные жизни, если возникнет необходимость, чтобы остановить обоих. А теперь пришла пора других вопросов. Как мы будем с ними сражаться?

В следующие несколько часов прозвучало множество самых разных идей. Фреосел осторожно предложил дожидаться в этом безопасном месте момента, когда весь Светлый Ард отвернется от Элиаса. Хотвиг, который для тритинга прекрасно чувствовал себя во время обсуждения планов жителей каменных городов, высказал смелую мысль – с помощью карт Эoleyра отправить в Хейхолт отряд воинов, чтобы те проникли в замок и прикончили Элиаса и Прайрата. Отец Стрэнгъярд страшно расстроился, услышав, что драгоценные карты могут покинуть убежище вместе с отрядом грубых убийц. По мере того как разворачивалось обсуждение планов, атмосфера в зале начала накаляться, а когда между Изорном и Хотвигом, в обычное время жизнерадостными приятелями, чуть не возникла драка, Джошуа положил конец дискуссиям.

– Не забывайте, что все мы здесь друзья и союзники, – сказал он. – И разделяем одно желание – вернуть нашим землям свободу. – Принц посмотрел на своих собравшихся в зале взволнованных советников, приводя их в чувство суровым взглядом, – говорят, так хирка успокаивают лошадей, даже к ним не прикасаясь. – Я всех выслушал и благодарен за вашу помощь, но теперь должен принять решение. – Он положил руку на каменный стол, рядом с украшенной серебряными нитями рукоятью Шипа. – Я согласен с тем, что мы должны еще некоторое время подождать, прежде чем будем готовы нанести удар по Элиасу. – Он кивнул в сторону Фреосела. – Но сидеть на месте и ничего не делать мы не имеем права.

К тому же наши союзники из Эрнистира оказались в ловушке. Они станут ценным раздражителем на западном фланге Элиаса, когда смогут снова свободно передвигаться. Если они соберут хотя бы часть своих разбросанных по стране соотечественников, они превратятся в очень серьезную силу. Я хочу объединить две цели и посмотреть, смогут ли они послужить друг другу.

Джошуа знаком показал графу Над-Муллаху, чтобы тот подошел.

– Граф Эoleyр, я отправлю вас на родину не только с благодарностями, как и обещал. Вас будет сопровождать Изорн, сын герцога Изгримнура. – Гутрун не сумела сдержать горестного вздоха, услышав слова принца, но, когда Изорн повернулся к ней, чтобы успокоить, храбро улыбнулась и погладила его по плечу. Джошуа поклонился ей, признавая ее боль. – Когда вы услышите мой план, герцогиня, вы поймете, что я принял такое решение не без причины. Изорн, возьми с собой около полудюжины воинов. Возможно, кто-то из хранителей рэнда, которыми командует Хотвиг, согласится вас сопровождать, они храбрые бойцы и неутомимые всадники. По дороге в Эрнистир соберите как можно больше ваших разбросанных по стране соплеменников. Я знаю, что большинство из них не любят Скали Острого Носа, и мне известно, что многие, лишившись домов, отправились во Фростмарш. Дальше будешь сам решать, станут ли они нам помогать – либо в том, чтобы разбить осаду Скали, либо ты вернешься с ними сюда, чтобы они вместе с нами выступили против моего брата.

Джошуа с любовью посмотрел на Изорна, который внимательно его слушал, опустив глаза, чтобы ничего не пропустить, как будто хотел выучить каждое слово наизусть.

– Ты – сын герцога. Твой народ тебя уважает, они поверят тебе, если ты скажешь, что это первый шаг к освобождению их земель.

Затем принц снова повернулся к своим соратникам, собравшимся в зале.

– Пока Изорн и его отряд выполняют мое задание, мы продолжим работать над достижением наших целей. Нам многое предстоит сделать. Север сильно пострадал от зимних холодов,

бандитов Скали, а также Элиаса и его союзника Короля Бурь, и я боюсь, что, даже если миссия Изорна пройдет успешно, земли к северу от Эркинланда не смогут обеспечить нас армией, которая требуется. Наббан и весь юг находятся в жесткой хватке друзей Элиаса, особенно Бенигариса, и я должен захватить юг. Только так мы получим достаточно людей, чтобы выступить против моего брата. Поэтому мы будем трудиться, обсуждать наши проблемы и думать. Должна существовать возможность отрезать Бенигариса от помощи Элиаса, но на данный момент я ее не вижу.

Саймон нетерпеливо его слушал, но держал язык за зубами. Теперь же, когда Джошуа, похоже, сказал все, что собирался, Саймон не мог больше молчать. Пока остальные кричали и ссорились, он с растущим возбуждением думал о вещах, которые обсуждал с Бинабиком утром.

– Но, принц Джошуа, – крикнул он, – а как же мечи?

Принц кивнул.

– О них нам тоже нужно подумать. Не волнуйся, Саймон, я о них не забыл.

Саймон сделал глубокий вдох, твердо решив не останавливаться.

– Самое лучшее, что мы можем сделать, – это заставить Элиаса врасплох. Отправьте Бинабика, Слудига и меня, и мы постараемся добыть Сияющий Коготь. Он находится за стенами Хейхолта. Втроем мы сможем подобраться к могиле вашего отца, отыскать меч и бежать оттуда до того, как король узнает, что мы там побывали. Ему и в голову не придет, что мы на такое пойдем.

Саймон на мгновение мысленно представил, как это будет: он с друзьями, окутанные славой, под его развевающимся новым знаменем принесут Сияющий Коготь на Сесуад'ру.

Джошуа улыбнулся и покачал головой.

– Никто не сомневается в твоей храбрости, сэр Сеоман, но мы не можем так рисковать.

– Мы нашли Шип, когда никто не верил, что нам это удастся.

– Но эркингарты не маршировали каждый день мимо того места, где его спрятали.

– Зато был дракон!

– Достаточно. – Джошуа поднял руку. – Нет, Саймон, время еще не пришло. Когда мы сможем атаковать Элиаса с запада или юга и таким образом отвлечь его внимание от Свертклифа и могил, вот тогда оно наступит. Ты заслужил огромную честь, и я уверен, что это еще не конец твоим подвигам, но сейчас ты являешься рыцарем королевства со всеми обязанностями, которые накладывает на тебя данное звание. Я очень жалел, когда отправил тебя на поиски Шипа, и боялся, что мы больше не увидимся снова. Но ты, вопреки всем сомнениям, добился успеха, и я хочу, чтобы ты побыл некоторое время здесь – и, конечно же, Бинабик и Слудиг... Кстати, ты не посоветовался с ними, прежде чем предложить столь опасную миссию. – Джошуа улыбнулся, постаравшись смягчить свои слова. – Успокойся, парень, успокойся.

Саймона наполнило удушающее чувство, будто он оказался в ловушке, как в то время, когда находился в Джао э-Тинукай'и. Неужели они не понимают, что слишком долгое ожидание может лишить их шанса на победу и зло останется безнаказанным?

– Могу я пойти с Изорном? – умоляюще спросил он. – Я хочу помочь, принц Джошуа.

– Учись быть рыцарем, Саймон, и наслаждайся днями относительной свободы. Тебе еще придется встретиться с самыми разными опасностями. – Принц встал, и Саймон заметил следы усталости у него на лице. – Достаточно разговоров. Эoleyр, Изорн и те, кого он выберет, должны подготовиться к отъезду через два дня. А теперь идем, для нас приготовили ужин – не такой роскошный, как тот, которым мы отпраздновали вступление Саймона в рыцарское звание, но он всем нам пойдет на пользу. – Взмахом руки принц закрыл совет.

Бинабик подошел к Саймону, собираясь поговорить с ним, но тот так разозлился, что сначала даже не хотел ему отвечать. Все вернулось на круги своя. *Подожди, Саймон, подожди. Пусть другие принимают решения. Тебе уже совсем скоро скажут, что ты должен делать.*

– Моя идея все равно была хорошей, – проворчал он.

– Она будет хорошей позже, когда мы, как сказал Джошуа, сумеем отвлечь Элиаса другими проблемами, – заметил Бинабик.

Саймон мрачно посмотрел на тролля, но что-то на круглом лице Бинабика сказалось ему, что его гнев – настоящая глупость.

– Я просто хочу быть полезным.

– Ты гораздо больше, чем просто полезный, друг мой Саймон. *Ик та рандайет сак бигахук*, так мы говорим у меня на родине. «Зима – не время плавать голышом».

Саймон на мгновение задумался над его словами.

– Глупости, – заявил он наконец.

– Ладно, – ехидно ответил Бинабик, – можешь говорить все, что пожелаешь, но не приходи к моему костру, когда выберешь неподходящее время для купания.

Они молча шагали по заросшему травой холму, и их преследовало холодное солнце.

4. Безмолвное дитя

Хотя воздух оставался теплым и неподвижным, темные тучи казались противоестественно тяжелыми. Корабль практически не двигался в течение всего дня, и паруса повисли между мачтами.

– Интересно, когда начнется шторм, – проговорила Мириамель.

Стоявший рядом молодой матрос с удивлением к ней повернулся.

– Леди? Вы ко мне обращались?

– Я сказала: интересно, когда начнется шторм? – Она указала в сторону грозных туч.

– Да, леди. – Казалось, его смущала необходимость ей отвечать. К тому же он не слишком хорошо владел вестерлингом: Мириамель решила, что он родился на одном из небольших южных островов, обитатели которых не знают даже наббанайского языка. – Шторм приближается.

– Я знаю, вопрос лишь в том, когда? – нетерпеливо сказала она.

– О! – Он склонил голову и украдкой огляделся, словно воры могли украсть ценные сведения, которыми он собирался поделиться. – Шторм начнется очень скоро. – Он широко улыбнулся, затем его взгляд переместился от туфель к лицу Мириамель, и улыбка стала еще шире. – Очень скоро.

Мимолетное удовольствие от разговора исчезло. Мириамель прочитала выражение лица матроса и оценила его оскорбительный взгляд. И, хотя он был предельно дерзким, Мириамель знала, что матрос не осмелится к ней прикоснуться – но лишь из-за того, что считает ее игрушкой, справедливо принадлежащей владельцу корабля, Аспитису. Ее вспышка возмущения смешалась с неожиданно нахлынувшими сомнениями. Неужели это правда? Она продолжала оставаться рядом с графом – который, если Ган Итаи не ошиблась, встречался с Прайратом и, если Кадрах прав, служил Красному священнику – и поверила, что он действительно собирался на ней жениться? Но сейчас ей пришло в голову, что его слова могли быть уловкой, чтобы она оставалась сговорчивой и благодарной, пока он не избавится от нее в Наббане, где найдет новую подружку. Аспитис, несомненно, считал, что ей будет стыдно рассказывать о том, что с ней произошло.

Мириамель и сама не знала, что ее больше огорчало: необходимость выйти замуж за Аспитиса или возможный обман – он с тем же успехом мог давать обещания хорошенькой шлюхе из таверны.

Она холодно смотрела на матроса до тех пор, пока он в недоумении не отвернулся и направился на нос корабля. Мириамель молча не сводила глаз с его спины, пожелав, чтобы он споткнулся и разбил самодовольное лицо о палубу, но ее надежда не сбылась. Она вновь перевела взгляд на закопченные серые тучи и тусклый металлический блеск океана.

Три небольших существа подпрыгивали на волнах в броске камня за кормой. Одно из них подплыло ближе, открыло красный круглый рот и закричало. Булькающий голос килпа разнесся над спокойной водой, и Мириамель испуганно вздрогнула. Все три головы тут же к ней повернулись, ее буравили влажные черные глаза, пасти исказила гримаса. Мириамель отступила на шаг от поручней и сотворила знак Дерева, потом повернулась, чтобы избежать злобных взглядов, и натолкнулась на Туреса, юного пажа, служившего графу Аспитису.

– Леди Мария, – сказал он и попытался отвесить поклон, но находился слишком близко, задел головой ее локоть и тихонько вскрикнул от боли. Когда она протянула руку, чтобы его успокоить, он смущенно отпрянул назад. – Его светлость вас зовет.

- А где он, Турес? – спросила Мириамель.
- В каюте. – Турес взял себя в руки. – В своей каюте, леди.
- Спасибо, – ответила она.

Юноша отступил назад, словно собирался ее проводить, но Мириамель вновь заметила движение в воде. Один из килпа отплыл в сторону от двух других и теперь следовал за кораблем, совсем рядом с бортом. На нее уставились пустые глаза, длинные серые пальцы коснулись корпуса, словно он искал точку опоры, чтобы взобраться наверх. Охваченная ужасом Мириамель завороченно на него смотрела, не в силах сдвинуться с места. Через несколько мгновений похожее на человека отвратительное существо исчезло под водой и снова появилось в броске камня. Килпа продолжал там оставаться, жабы у него на шее надувались и опадали, и Мириамель не сводила с него глаз, словно попала в кошмар. Наконец ей удалось оторвать от килпа взгляд, и она сумела отойти от поручней. На лице юного Туреса появилось любопытство.

- Леди? – спросил он.
- Я иду. – Мириамель последовала за пажом, лишь однажды обернувшись.

Три головы покачивались в кильватерной струе корабля, точно поплавки рыбаков.

Турес прошел с ней по узкому коридору, который вел в каюту Аспитиса, и вернулся к лестнице – очевидно, у него имелись и другие поручения. Мириамель воспользовалась тем, что осталась одна, чтобы успокоиться. Она не могла забыть липкие глаза килпа, его спокойное и уверенное приближение к борту корабля. В презрительном взгляде таился вызов, словно он предлагал ей попытаться его остановить. Она содрогнулась.

Ее размышления прервал негромкий звон, доносившийся из каюты графа. Дверь была приоткрыта, и она подошла, чтобы заглянуть в щель.

Аспитис сидел за крошечным письменным столом, перед ним лежала открытая книга, и свет настольной лампы отражался от пергаментных страниц. Граф сгреб несколько стопок серебряных монет в мешок и положил его в открытый сундучок, стоявший у его ног, где Мириамель разглядела множество таких же мешочков. Затем Аспитис сделал какую-то запись в книге.

Скрипнула доска, то ли из-за веса Мириамель, то ли движения корабля – она не знала. Но она поспешно отступила назад, чтобы Аспитис ее не увидел. Затем подошла к двери и громко постучала.

- Аспитис?

Она услышала, как он захлопнул книгу, потом до нее донесся другой звук – и она поняла, что Аспитис протасил по полу сундучок.

- Да, миледи, заходите.

Она толкнула дверь, вошла и аккуратно прикрыла ее за собой, но не стала закрывать плотно.

- Вы меня звали? – спросила Мириамель.

– Садись, красавица Мария. – Аспитис указал на кровать. Однако Мириамель сделала вид, что не поняла, и присела на стул у задней стены.

Один из псов Аспитиса сдвинулся в сторону, чтобы дать ей место для ног, громко стукнул хвостом о пол и снова заснул. Граф был одет в халат с гербом, изображавшим орлика, который так ей понравился во время их первого общего завтрака. Теперь она смотрела на вышитые золотом когти, идеальные для ловли и удерживания жертвы, и почувствовала отвращение к собственной глупости.

Как я могла поверить в его глупую ложь?

Она никогда не признается в этом Кадраху, но он оказался прав. Если бы она сказала, что у нее самое простое происхождение, Аспитис мог оставить ее в покое; и даже если бы силой уложил в постель, не стал бы строить планы женитьбы.

– Я видела трех килпа, которые плавали возле корабля, – сказала Мириамель и бросила на него дерзкий взгляд, словно он собирался усомниться в ее словах. – Один подплыл к самому борту – казалось, он сейчас залезет на корабль.

Граф с улыбкой покачал головой.

– Они сюда не заберутся, леди, не бойтесь. Только не на «Облако Эдны».

– Он прикоснулся к кораблю! – Она подняла руку, имитируя движение килпа. – Вот так. Он искал упоры.

Улыбка Аспитиса потускнела. Теперь он выглядел мрачным.

– Когда мы закончим разговор, я поднимусь на палубу и отправлю несколько стрел в морских дьяволов. Они не смеют прикасаться к моему кораблю.

– А чего они хотят? – Мириамель не могла забыть мерзких серых существ.

К тому же ей хотелось отложить разговор с Аспитисом, какой бы ни была его тема. У нее уже не оставалось сомнений, что любые планы графа не сулят ей ничего хорошего.

– Я не знаю, чего они хотят, леди. – Он нетерпеливо тряхнул головой. – Нет, пожалуй, знаю – их интересует пища. Но у килпа есть куда более простые способы добыть еду, чем забираться на корабль, полный вооруженных людей. – Он посмотрел на нее. – Нет, мне не следовало это говорить. Теперь ты напугана.

– Они едят... людей? – спросила Мириамель.

Аспитис энергично покачал головой.

– Они едят рыбу, иногда птиц, которые не успевают вовремя взлететь. – Граф продолжал под ее скептическим взглядом: – Да, и другую пищу, если им удастся ее добыть. Иногда нападают на небольшие рыбацьи лодки, но никто не знает зачем. Все это не имеет значения. Я уже говорил, они не смогут причинить вред «Облаку Эдны». Ган Итаи лучшая из смотрящих-за-морем.

Мириамель немного помолчала.

– Я уверена, что вы правы, – наконец сказала она.

– Хорошо. – Он встал, наклонив голову, чтобы не задеть низкую потолочную балку каюты. – Я рад, что Турес тебя нашел, – впрочем, едва ли ты могла далеко уйти на корабле, который находится в море, не так ли? – Его улыбка показалась Мириамель неприятной. – Нам нужно многое обсудить.

– Милорд. – Она вдруг почувствовала, как ею овладевает апатия.

Быть может, если она не станет сопротивляться и протестовать, особенно если ей будет все равно, тогда все пойдет своим неустойчивым путем – хотя происходящее ее и не устраивало. Она обещала себе, что будет дрейфовать, дрейфовать...

– Мы попали в штиль, – продолжал Аспитис, – но я думаю, что ветры скоро вернутся, опередив шторм. И если нам немного повезет, то к завтрашнему вечеру мы доберемся до острова Спенит. Представь себе, Мария! Завтра мы поженимся в церкви Святого Лавеннина.

Так легко не сопротивляться, отдаться течению, как «Облако Эдны», медленно плывущее под слабыми дуновениями ветра. И, конечно, у нее появится шанс на спасение, когда они окажутся на Спените? Конечно?

– Милорд, – услышала она собственный голос. – Я... тут есть... проблемы.

– Да? – Граф склонил набок золотую голову. Мириамель подумала, что он похож на тренированного охотничьего пса, который делает вид, что он цивилизованное существо, а сам в это время пытается отыскать запах жертвы. – Проблемы?

Она сжала ткань платья влажной рукой и сделала глубокий вдох.

– Я не могу выйти за вас замуж, – тихо сказала она.

Аспитис неожиданно рассмеялся.

– О, как глупо! Конечно можешь! Ты беспокоишься из-за моей семьи? Они тебя полюбят так же, как я. Мой брат женат на женщине из Пердруина, и моя мать обожает ее, точно родную дочь. Не бойся!

– Дело не в этом. – Мириамель еще сильнее сжала платье. – Просто... понимаете... есть кое-кто еще...

Граф нахмурился.

– Я не понимаю?

– Я обещана другому. Тому, кто остался дома. И я его люблю, – прошептала Мириамель.

– Но я же у тебя спрашивал! – воскликнул Аспитис. – И ты сказала, что у тебя никого нет. Ты отдалась мне!

Он рассердился, но пока скрывал свой гнев. И Мириамель почувствовала, что ее страх отступил.

– Я с ним поссорилась и отказалась за него выходить, и отец отправил меня в монастырь. Но я поняла, что ошиблась. Я была так к нему несправедлива... и поступила неправильно по отношению к вам. – Мириамель презирала себя за последние слова. Едва ли она действительно в чем-то провинилась перед Аспитисом, ведь он вел себя с ней не слишком благородно. И все же сейчас пришло время проявить щедрость. – Но из вас обоих я больше люблю его.

Аспитис шагнул к ней, его рот перекосила гримаса, а в голосе появилась странная дрожь.

– Но ты же отдалась мне! – вскричал он.

Она опустила глаза, стараясь не оскорбить графа.

– Я ошиблась. Я надеюсь, вы меня простите. И он меня простит, хотя я этого не заслуживаю.

Граф неожиданно повернулся к ней спиной.

– Так вот как ты решила, – заговорил он, с трудом контролируя голос. – Прощай, граф Аспитис!

– Я могу лишь полагаться на вашу честь, милорд. – Казалось, маленькая каюта стала еще меньше. Мириамель ощущала, как в воздухе повисло напряжение, словно к ней приближался шторм. – Я могу лишь молиться о вашей доброте и милосердии.

Плечи Аспитиса затряслись, и он протяжно застонал. Мириамель отступила к стене, опасаясь, что, когда Аспитис обернется, она увидит разъяренного волка из старой сказки ее няни.

Граф Эдне и Дрина повернулся. Он и вправду по-волчьи оскалил зубы, но он... смеялся.

Мириамель была ошеломлена. *Почему?..*

– О, миледи! – Он с трудом контролировал смех. – Как же ты умна!

– Я не понимаю, – ледяным голосом ответила Мириамель. – Вас рассмешило мое признание?

Аспитис внезапно хлопнул в ладоши, так громко, что Мириамель вздрогнула.

– Ты такая умная. – Он покачал головой. – Но все же не настолько, как тебе кажется... принцесса.

– Ч-что?

Аспитис улыбнулся. Он больше не казался очаровательным.

– Ты думаешь очень быстро и ловко изобретаешь изящную маленькую ложь – но я присутствовал на похоронах твоего деда, а также на коронации отца. Ты Мириамель. Я понял это в первый же вечер, когда ты присоединилась ко мне за столом.

– Ты... ты... – Ее разум переполняли слова, но все они казались бессмысленными. Что?..

– Когда тебя привели ко мне, у меня сразу возникли подозрения. – Он протянул руку, его ладонь скользнула по ее лицу и волосам, потом сильные пальцы сжали кожу за ухом. Мириамель сидела неподвижно, затаив дыхание. – Видишь ли, у тебя короткие волосы, но та часть, что ближе к голове, золотая... как у меня. – Он коротко рассмеялся. – Конечно, юная аристократка, отправляющаяся в монастырь, *могла* обрезать волосы – но зачем менять их цвет, когда

они и без того красивы? Можешь не сомневаться, я очень внимательно изучил твое лицо во время того ужина. И у меня не осталось никаких вопросов. Всем известно, что дочь Элиаса находилась в Наглимунде, но после падения замка исчезла. – Он усмехнулся и щелкнул пальцами. – Вот так. И теперь ты *моя*, и мы *поженимся* в Спените, ведь там ты можешь попытаться сбежать в Наббан, где у тебя все еще остается семья. – Он снова довольно рассмеялся. – Теперь они станут и моей семьей.

Мириамель с трудом могла говорить.

– И ты действительно хочешь на мне жениться?

– Только не из-за твоей красоты, миледи, хотя ты хорошенькая. И не потому, что мы разделили постель. Если бы мне пришлось жениться на женщинах, с которыми я проводил ночи, у меня была бы армия жен в целом замке, как у песчаных королей Наскаду. – Он присел на кровать и прислонился головой к стене каюты. – Нет, ты станешь моей женой. И тогда, после того как твой отец закончит свои завоевания и устанет от Бенигариса, как я много лет назад, – знаешь, после того, как он убил отца, Бенигарис всю ночь пил вино и плакал! Как ребенок! Так вот, когда твоему отцу надоеет Бенигарис, кто станет лучшим кандидатом на роль правителя Наббана, как не тот, кто нашел его дочь, полюбил ее и вернул домой? – Его улыбка была подобна сверкнувшему клинку ножа. – Конечно же, я.

Мириамель смотрела на него, чувствуя, как у нее внутри все холодеет, ей вдруг показалось, что она может плевать ядом, как змея.

– А если я скажу, что ты меня похитил и обесчестил? – спросила она.

Он улыбнулся – слова Мириамель его позабавили.

– Ты не такая ловкая интриганка, как тебе кажется, Мириамель. Многие знают, что ты незаметно, под фальшивым именем пробралась на мой корабль, видели, как я за тобой ухаживал, хотя вы с твоим спутником сказали, что ты всего лишь дочь захудалого барона. А когда станет известно, что ты... обесчещена, так ты сказала? – неужели ты думаешь, что твой отец станет что-то предпринимать против законного супруга знатного происхождения? Мужа, который и без того является его союзником, оказавшим ему немало, – тут он протянул руку и похлопал по предмету, которого Мириамель не видела, – важных услуг?

Его блестящие глаза, полные смеха и удовольствия, неотрывно смотрели в глаза Мириамель. Аспитис был прав. Она не могла ему помешать. Он ею владел. *Целиком и полностью.*

– Я уйду. – Она поднялась и слегка покачнулась.

– Только не бросайся в океан, маленькая Мириамель. Мои люди следят за тобой и помешают устроить этот фокус. Ты слишком большая ценность, пока жива.

Она толкнула дверь. Но та не поддавалась. И ей вдруг показалось, что она стала совершенно пустой, лишилась воздуха, все тело у нее мучительно болело.

– Потяни на себя, – предложил Аспитис.

Мириамель, шатаясь, вышла в коридор, и ей показалось, будто он раскачивается вместе с ней.

– Я зайду к тебе позднее, любимая, – сказал ей вслед граф. – Подготовься к моему визиту.

Мириамель с трудом поднялась по лестнице на палубу и там сразу опустилась на колени. Ей хотелось упасть в темноту и навсегда исчезнуть.

Тиамак сердился.

Он пошел на многочисленные жертвы ради своих соратников с материка – членов Ордена Манускрипта, как они себя называли, хотя сам он иногда думал, что группа, состоявшая из

полудюжины человек, слишком мала, чтобы называться орденом. И все же доктор Моргенес входил в Орден, а Тиамак его боготворил, поэтому всегда старался изо всех сил, когда кто-то из Ордена хотел получить информацию, которую мог добыть только маленький вранн. Тиамак уже знал, что жители материка не часто нуждались в болотной мудрости, но когда такое случалось – к примеру, кому-то из них требовались крутка или желтый медник – растения, которых не найдешь на их рынках, – они обращались к Тиамaku.

Изредка, как в то время, когда он старательно готовил для Динивана бестиарий обитателей болота, с собственными, тщательно выполненными рисунками, или изучил, а потом доложил старому Ярнауке, какие реки текут во Вранне и что происходит, когда их чистая вода смешивается с соленой из залива Фираннос, он получал длинные благодарственные письма – на самом деле письмо Ярнауки было таким тяжелым, что голубю пришлось лететь в два раза дольше. В таких письмах члены Ордена намекали, что однажды Тиамак сможет стать его членом.

Обитатели родной деревни не слишком ценили Тиамака, а ему ужасно хотелось признания. Он вспомнил о времени, проведенном в Пердруине, враждебность и подозрительность других молодых ученых, удивлявшихся появлению среди них молодого вранна. Если бы не доброта Моргенеса, он сбежал бы обратно в болота. И все же за застенчивостью Тиамака скрывалась немалая гордость. Разве не он в конечном счете стал первым вранном, который покинул топи и учился с братьями эйдонитами? Даже в его деревне знали, что среди обитателей болот нет второго такого вранна. Вот почему, получая слова одобрения от членов Ордена Манускрипта, Тиамак чувствовал, что близится его время. Придет день, когда он вступит в Орден, замечательную группу ученых, и раз в три года будет отправляться на встречу в доме одного из членов Ордена – встречу равных. Он увидит мир и станет знаменитым ученым... так он часто мечтал.

Когда громадный риммер Изгримнур вошел в «Чашу Пелиппы» и вручил ему кулон члена Ордена Манускрипта – золотой свиток и перо, о котором Тиамак так страстно мечтал, его сердце воспарило. Все его жертвы стоили этой награды! Но через мгновение герцог объяснил, что кулон он получил из рук умиравшего Динивана, а когда потрясенный Тиамак спросил о Моргенесе, Изгримнур ошеломил его известием о гибели доктора, почти полгода назад.

Через две недели Изгримнур все еще не мог понять отчаяния Тиамака. Да, смерть достойных людей являлась печальным событием, но, по его мнению, переживания Тиамака были избыточными. Однако риммер не выдал ему новых идей или полезных советов: ведь он, по собственному признанию, даже не входил в Орден Манускрипта! Изгримнур не знал, что Тиамак оказался в невероятно тяжелом положении – он много недель ждал указаний от Моргенеса, подобно легкой лодочке, попавшей в сильное течение. Тиамак принес в жертву свой долг перед собственным народом ради поручения жителя материка – во всяком случае, так ему казалось, когда его охватывал гнев, и он забывал, что миссию в Наббан прервал крокодил. В любом случае он подвел жителей деревни Роцца.

Однако Тиамак не мог не признать, что Изгримнур платил за его комнату и еду, когда собственные средства Тиамака закончились. Уже одно это дорогого стоило – но, с другой стороны, это справедливо: жители материка уже много лет делали деньги, пользуясь тяжелым трудом обитателей болот. Самому Тиамaku угрожали, преследовали и оскорбляли на рынках Ансис Пелиппе.

Тогда его спас Моргенес, но Моргенес погиб. Народ Тиамака никогда не простит его за то, что он их подвел. Изгримнур целыми днями возился со старым сторожем Сеаллио, который, по словам герцога, в прошлом был великим рыцарем Камарисом; и теперь складывалось впечатление, что Изгримнура больше не интересовала судьба маленького вранна. В результате Тиамак пришел к выводу, что он столь же бесполезен, как безногий краб.

Он поднял взгляд и вздрогнул, сообразив, что умудрился забрести довольно далеко от «Чаши Пелиппы» в ту часть Кванитупула, в которой еще не бывал. Вода здесь была еще более серой и грязной, в ней плавали многочисленные мертвые рыбы и птицы. Древние дома, выходявшие на каналы, казалось, могли развалиться в любой момент под действием многовековой грязи и соли.

На Тиамака накатила волна уныния и утраты.

Тот, Кто Всегда Ступает По Песку, позволь мне благополучно вернуться домой. И пусть мои птицы уцелют. Позволь мне...

– Болотный человек! – раздался пронзительный голос, прервавший его молитву. – Он идет!

Испуганный Тиамак огляделся по сторонам. Три молодых обитателя материка в белых одеждах Огненных танцоров стояли на дальнем берегу узкого канала. Один из них снял капюшон, чтобы показать частично бритую голову – оставшиеся пучки волос торчали во все стороны, как сорняки. Даже издали Тиамаку показалось, что у него неправильные глаза.

– Он идет! – закричал человек, опустивший капюшон, и его голос наполнило веселье, словно он встретил старого друга.

Тиамак знал, кто это такие, и не хотел иметь ничего общего с их безумием. Он повернулся и заковылял прочь по неровной дорожке, минуя множество заколоченных безжизненных зданий.

– Король Бурь приближается! Он починит твою ногу! – Огненные танцоры, не отставая, следовали за ним по противоположному берегу канала. – Неужели ты не слышал? Больные и хромы будут подвергнуты бичеванию. Их сожжет огонь, а лед похоронит!

Тиамак заметил проход в длинной стене справа и свернул в него, надеясь, что не попадет в тупик. Его преследовали крики Огненных танцоров.

– Куда же ты, коричневый человечек? Когда Король Бурь придет, он тебя найдет, даже если ты спрячешься в самой глубокой дыре или на высокой горе! Возвращайся и поговори с нами или мы сами придем к тебе!

Проход вывел Тиамака на открытое пространство – судя по всему, раньше здесь находилась судостроительная верфь, но теперь валялся мусор, оставшийся от прежних хозяев, рангутное дерево, треснувшие рукояти инструментов и битая посуда. Планки деревянного настила так сильно растрескались, что под ними виднелась грязная вода канала.

Тиамак осторожно прошел по неровному настилу к двери в дальней части двора и оказался в новом проходе. Крики Огненных танцоров начали слабеть, но стали еще более злобными.

Для вранна Тиамак неплохо ориентировался в городах, но даже местные жители жаловались, что в Кванитупуле легко заблудиться. Лишь немногие дома служили долго или не разваливались на части; некоторые заведения, просуществовавшие одно или два столетия, также меняли свое местонахождение дюжину раз – морской воздух и темная вода уничтожали краску и сваи. В Кванитупуле ничто не оставалось постоянным.

Тиамак продолжал идти дальше и вскоре начал узнавать места, где оказался: неустойчивый шпиль Святого Риappa, яркую, но осыпавшуюся краску купола рынка. По мере того как страх заблудиться рассеивался, он начал снова размышлять о своей дилемме. Он оказался в ловушке враждебного города, и, если хотел зарабатывать на жизнь, ему следовало предложить свои услуги писца и переводчика. Но тогда придется жить рядом с рынком, ведь вечерний бизнес, небольшие сделки, за которые Тиамак мог получить несколько монет, никогда не совершаются при дневном свете. В противном случае ему останется довольствоваться гостеприимством отвратительной Чаристры.

Чтобы решить эту проблему, он предложил Изгримнуру перебраться поближе к рынку, где Тиамак сможет заработать, а герцог – приглядывать за идиотом сторожем. Риммер, однако,

оставался неколебимым. Он был уверен, что Диниван хотел, чтобы они ждали в «Чаше Пелиппы», хотя и не мог объяснить почему. И, хотя Изгримнуру также не нравилась хозяйка, он не собирался покидать ее постоянный двор.

Кроме того, Тиамака мучили сомнения, действительно ли он стал членом Ордена Манускрипта. Складывалось впечатление, что ему предложили в него вступить, но те члены, которых он знал, умерли, и он ничего не слышал от остальных уже в течение нескольких месяцев. Что же делать?

Последней, но далеко не самой незначительной из его проблем стали дурные сны. Точнее, поправил он себя, странные. В течение нескольких недель его преследовало одно и то же видение: что бы ему ни снилось, будь то крокодил с глазом на каждом из тысячи зубов или чудесная трапеза из крабов и донной рыбы в кругу воскресшей семьи в деревне Роша, обязательно появлялся ребенок-призрак – маленькая девочка с материка, которая в полном молчании следила за происходящим. Она ни во что не вмешивалась, неважно, каким был сон – пугающим или приятным, – и казалась еще менее реальной, чем то, что ему снилось. Если бы не постоянное присутствие в самых разных снах, он бы ее забыл. Позднее она с каждым разом становилась все менее отчетливой, словно удалялась в мир теней, хотя послание так и не прозвучало...

Тиамак поднял взгляд и увидел погрузочный док для барж. Он совершенно отчетливо помнил, что недавно проходил мимо него. Хорошо. Он вернулся на знакомую территорию.

Его мучила и еще одна тайна – кто этот безмолвный ребенок? Тиамак пытался вспомнить, что говорил Моргенес о снах и Дороге Снов и о том, что может означать подобное видение, но ничего полезного ему в голову не приходило. Быть может, она призрак, посланный его умершей матерью, безмолвно упрекающий его за неудачи...

– *Болотный человечек!*

Тиамак резко обернулся и увидел трех Огненных танцоров, стоявших в проходе, в трех шагах у него за спиной. И теперь их уже не разделял канал.

Их вожак шагнул вперед. Его белые одежды не были идеально белыми, на них остались грязные отпечатки ладоней и пятна дегтя, но вблизи глаза производили еще более жуткое впечатление, чем на расстоянии, яркие и горевшие, словно за ними находился мощный источник света. Казалось, еще немного, и взгляд соскочит с его лица.

– Ты ходишь не слишком быстро, коричневый человечек. – Он ухмыльнулся, показав кривые зубы. – Кто-то повредил твою ногу, верно?

Тиамак отступил на несколько шагов. Трое молодых мужчин дождались, когда он остановится, затем неспешно двинулись к нему, пока не восстановили прежнюю дистанцию. Не вызвало сомнений, что они не позволят ему уйти. Тиамак положил руку на рукоять ножа. Яркие глаза раскрылись еще шире, словно худой болотный житель предложил новую интересную игру.

– Я ничего вам не сделал, – сказал Тиамак.

Вожак беззвучно рассмеялся, его губы раздвинулись, и Тиамак увидел красный, как у собаки, язык.

– Он идет, ты же знаешь. Тебе от Него не убежать.

– Неужели ваш Король Бурь посылает вас пугать невинных прохожих? – Тиамак попытался придать силу своему голосу. – Я не могу поверить, что такое существо способно столь низко пасть.

Вожак соорудил веселую гримасу и посмотрел на своих приятелей.

– О, а он хорошо говорит для коричневого человечка, верно? – Он вновь обратил блестящие глаза на Тиамака. – Господин хочет видеть достойных и сильных. Он жестоко обойдется со слабыми, когда придет.

Тиамак начал отступать спиной вперед, надеясь, что доберется до места, где будут другие люди, которые ему помогут – не слишком вероятный исход в этой заброшенной части Квани-

тупула, – или хотя бы найдет такое место, где его спину будет защищать стена и троица врагов не сможет окружить его со всех сторон. Он молился *Тем, Что Наблюдают и Творят*, о том, чтобы не споткнуться. Он хотел бы пошарить у себя за спиной одной рукой, но понимал, что она может ему потребоваться, чтобы отбить первый удар и получить возможность вытащить нож.

Три Огненных танцора не отставали, и на лице у каждого было столько же сострадания, как у крокодила. *Но ты сразился с крокодилом и выжил*, – подумал Тиамак, призывая всю свою храбрость. Эти чудовища не слишком отличались от болотного хищника, если не считать того, что крокодил его бы съел. Злобные парни могли убить его ради развлечения, по какой-то безумной причине или желанию Короля Бурь. И, пока он отступал, исполняя диковинный смертельный танец со своими преследователями, отчаянно пытаясь найти место для решительной схватки, Тиамак не мог не думать о том, как имя малоизвестного демона Севера оказалось на губах уличных разбойников Кванитупула. Видимо, многое изменилось с тех пор, как он покинул болота.

– Будь осторожен, человек. – Вожак посмотрел куда-то за спину Тиамака. – Ты упадешь и утонешь.

Удивленный Тиамак обернулся, ожидая увидеть за спиной неогороженные воды канала, однако оказалось, что он стоял возле входа в короткий переулок и его обманули – Тиамак резко повернулся обратно и в самый последний момент увернулся от дубинки, окованной железом, которая угодила в деревянную стену у него за спиной. Во все стороны полетели щепки.

Тиамак вытащил нож и ударил по руке с дубинкой, он промахнулся, но рассек рукав белого одеяния. Двое Огненных танцоров, один из которых издевательски тряс порванным рукавом, обошли его сбоку, а вожак остановился напротив. Тиамак отступил в переулок, размахивая ножом, не подпуская к себе врагов. Вожак рассмеялся и вытащил из-за спины собственную дубинку. В его глазах пылала жуткая радость безгрешности.

Враг, находившийся слева, издал негромкий звук и скрылся за углом переулка, в проходе, который они только что покинули. Тиамак решил, что он следит за улицей, чтобы предупредить остальных, если появится кто-то еще. Однако через мгновение его дубинка появилась снова, метнулась в сторону и нанесла удар Огненному танцору, который стоял справа от Тиамака, отбросив его на стену. Прочертив на дереве красный след, он сполз на землю и застыл в неподвижности. Вожак с бритой головой в недоумении застыл на месте, а в следующее мгновение к нему сзади шагнул кто-то высокий, схватил его за шею и отшвырнул на перила перехода, которые с треском развалились на части, как после удара камня, выпущенного катапультой. Безвольное тело рухнуло в воду и вскоре исчезло под мутной поверхностью.

Тиамак обнаружил, что его отчаянно трясет от возбуждения и страха, когда посмотрел в доброе, слегка смущенное лицо Сеалио, сторожа.

Камарис. Герцог говорил, что это Камарис, – подумал ошеломленный Тиамак. – *Рыцарь. Давший клятву... спасать невинных.*

Старик положил руку на плечо Тиамака и повел его обратно по переулку.

Ночью вранну снились фигуры в белом с глазами, подобными пылающим колесам. Они приближались к нему по воде, словно хлопавшие на ветру паруса. Он барахтался в одной из речушек Вранна, отчаянно пытаясь спастись, но что-то удерживало его ногу. И чем больше он сопротивлялся, тем труднее ему становилось держаться на воде.

Темноволосая девочка наблюдала за ним с берега, серьезная и молчаливая. На этот раз ее очертания были такими размытыми, что он едва мог ее разглядеть – будто она была соткана из тумана. В конце концов, еще до того как сон закончился и Тиамак, задыхаясь, проснулся, она потускнела окончательно.

Дайавен, гадавшая по кристаллу, превратила свою пещеру в горах в нечто, очень похожее на маленький дом, в котором она когда-то жила в пригороде Эрнисдарка, на границе Сиркойла. Ее крошечное жилище отделяли от соседей шерстяные шали, развешанные в дверном проеме. Когда Мегвин осторожно отвела в сторону одну из них, наружу вырвались клубы сладкого дыма.

Сон с мерцавшими огнями был таким ярким и, очевидным образом, важным, что Мегвин никак не могла заставить себя заняться текущими делами. Хотя ее народ во многом нуждался и она делала все, что возможно, чтобы им помочь, целый день она пребывала в тумане, и ее разум и сердце блуждали где-то далеко, когда она прикасалась к дрожащим пальцам стариков или брала детей на руки.

Много лет назад Дайавен являлась жрицей Мирчи, но нарушила свои клятвы – никто не знал причин, во всяком случае точного ответа, хотя слухи ходили самые разные, – покинула Орден и стала жить одна. Ее считали безумной, но Дайавен делала истинные прорицания, толковала сны и лечила. Многие встревоженные граждане Эрнисдарка, оставив чашу с фруктами и монетами Бриниюху или Ринну, ждали наступления темноты и шли к Дайавен, чтобы получить помощь. Мегвин помнила, как видела ее однажды на рынке возле Таига, и помнила, что ее длинные светлые волосы развевались, точно знамя. Однако няня быстро увела Мегвин, словно даже смотреть на Дайавен было опасно.

Вот почему после яркого и сбивавшего с толку сна Мегвин решила обратиться к ней за помощью, подумав, что если кто-то и способен его понять, так несомненно это Дайавен.

Несмотря на дымную завесу, густую, точно туман Иннискрича, внутри пещера прорицательницы оказалась на удивление аккуратной. Она тщательно расставила вещи, которые ей удалось унести из своего дома в Эрнисдарке: коллекцию блестящих предметов, которая могла вызвать зависть сороки. На стенах пещеры висела дюжина ожерелий из бус, и в них отражался свет огня, подобно каплям воды в паутине. Небольшие кучки безделушек, главным образом шарики из металла и полированного камня, лежали на плоской части скалы, служившей столом. В многочисленных нишах стояли инструменты прорицательницы, зеркала всех размеров – от крупного, как поднос, до ногтя большого пальца, – сделанные из полированного металла или дорогого стекла, круглые, квадратные, в форме эллипса или кошачьего глаза. Мегвин завораживало такое количество ярких предметов, собранных в одном месте. Дитя сельского королевского двора, где зеркальце леди – если не считать репутации – являлось главным сокровищем, она никогда не видела ничего подобного.

Когда-то Дайавен была красива, во всяком случае, так говорили, однако сейчас поверить в это было сложно. На худом морщинистом лице прорицательницы привлекали внимание лишь карие глаза с приподнятыми уголками и большой рот. Волосы, еще длинные и густые, заметно поседели. Мегвин подумала, что теперь Дайавен выглядит как худая, быстро стареющая женщина.

Дайавен насмешливо улыбнулась.

– О, малышка Мегвин, пришла за любовным зельем? Если ты хочешь заполучить графа, сначала тебе придется подогреть ему кровь, иначе талисман не сработает. Он очень осторожен, можешь мне поверить.

Удивление Мегвин мгновенно превратилось в потрясение и ярость. Как прорицательница узнала о ее чувствах к Эoleyру? Неужели ее секрет известен всем и над ней смеются у каждого костра? На миг ответственность за судьбы подданных отца исчезла. Зачем сражаться за неблагодарных насмешников?

– Почему ты это сказала? – резко спросила Мегвин. – С чего взяла, что я кого-то люблю? Дайавен рассмеялась, ее совершенно не волновал гнев Мегвин.

– Я та, что знает. Именно это я делаю, королевская дочь.

В течение нескольких долгих мгновений в глазах Мегвин стояли слезы от дыма и дерзких слов Дайавен. Сейчас ей хотелось только одного – повернуться и уйти. Но разум все-таки взял верх. Возможно, о дочери Ллута действительно ходили разные слухи и старый Краобан прав, что подобные вещи неизбежны. А Дайавен как раз из тех, кто охотно слушает разговоры, и полезные незначительные факты делают ее пророчества более убедительными. Но если она из тех, кто использует подобные хитрости, сможет ли она помочь Мегвин решить новую проблему?

Словно подслушав ее мысли, Дайавен жестом предложила Мегвин сесть на гладкий камень, накрытый шалью.

– Я слышу разговоры, это правда. Не требуется магического искусства, чтобы понять твои чувства к графу Эoleyру, – мне достаточно было увидеть вас вместе, чтобы понять все, что требовалось. Но у Дайавен есть не только хорошие уши и проницательный взгляд. – Она засунула длинную палку в камин, во все стороны полетели искры и повалил желтоватый дым, потом бросила оценивающий взгляд на Мегвин. – Тогда чего ты хочешь?

Когда Мегвин объяснила, что нуждается в помощи прорицательницы в толковании ее снов, Дайавен сразу приняла деловой вид, но отказалась принять еду и одежду, предложенные Мегвин.

– Нет, королевская дочь, – сказала она с жесткой улыбкой. – Я помогу тебе сейчас, и ты будешь у меня в долгу. Так мне подходит больше. Ты согласна?

После того как Дайавен заверила Мегвин, что долг не будет связан с ее первенцем, тенью, душой, или голосом, или любыми другими похожими вещами, она согласилась.

– Не беспокойся, – рассмеялась Дайавен. – Забудь про истории, которые рассказывают у очага. Нет, однажды мне потребуется помощь... и тогда я к тебе обращусь. Ты дитя Дома Эрн, а я всего лишь бедная прорицательница.

Мегвин рассказала Дайавен содержание последнего сна, а также о других странных вещах, которые ей снились в предшествовавшие месяцы, и о том, что произошло, когда она, следуя за видениями, спустилась вместе с Эoleyром под землю.

Дым в маленькой пещере стал таким густым, что, когда Мегвин закончила рассказывать о Мезуту'а и его обитателях, ей пришлось выйти наружу, чтобы отдышаться. У Мегвин возникло странное ощущение, словно она покинула свое тело, но в большой пещере она быстро пришла в себя и к ней вернулась ясность мысли.

– Твоя история сама по себе почти достаточная плата, королевская дочь, – сказала прорицательница, когда Мегвин закончила. – До меня доходили слухи, но я не знала, верить ли им. Дварры живут под землей, под нами! – Она сделала непонятное движение пальцами. – Впрочем, я всегда считала, что в туннелях Грианспога скрываются загадки, а не просто мертвое прошлое.

Мегвин нахмурилась.

– А что ты скажешь о моем сне? О «высоком месте» и о том, что время пришло? Какое время?

Дайавен кивнула, подползла к стене на четвереньках, провела пальцами по нескольким зеркалам, наконец выбрала одно и принесла его к камину. Оно было маленьким, в деревянной оправе, почти черной от времени.

– Моя бабушка говорила, что это «Зеркало Червя», – сказала Дайавен, протягивая его Мегвин, чтобы та посмотрела.

Зеркало выглядело как самое обычное, резьба на дереве почти полностью стерлась, и оно стало практически гладким.

– «Зеркало Червя», почему? – спросила Мегвин.

Прорицательница пожала костлявыми плечами.

– Возможно, во времена Дрочкайтер и других Великих Червей с его помощью следили за их приближением. – Она усмехнулась, словно хотела показать, что сама она, несмотря на свое занятие, не склонна к суевериям. – Скорее всего, рамку украшал выгравированный дракон. И все же это превосходный инструмент.

Дайавен поднесла зеркало к пламени и стала медленно водить им по кругу. Когда она наконец его перевернула, на поверхности появился тонкий слой сажи. Дайавен поднесла зеркало к лицу Мегвин; отражение было смутным, словно его скрывал туман.

– Подумай о своем сне, а потом дунь, – сказала Дайавен.

Мегвин постаралась представить странную процессию, красивые, но чуждые фигуры. Крошечное облачко сажи поднялось над поверхностью зеркала.

Дайавен повернула зеркало к себе и принялась его изучать, покусывая нижнюю губу. Теперь, когда отблески огня освещали ее лицо снизу, оно казалось еще более худым.

– Как странно, – наконец сказала прорицательница. – Я вижу узоры, но все они мне незнакомы. Словно кто-то громко говорит в соседнем домене на совершенно чужом языке. – Она прищурилась. – Здесь что-то не так, королевская дочь. Ты уверена, что сон твой, а не чужой, рассказанный кем-то? – Когда Мегвин гневно подтвердила, что это ее сон, Дайавен нахмурилась. – Я могу сказать совсем немного, а зеркало ничего мне не поведало.

– И что это значит?

– Можно считать, что зеркало молчит. Оно *говорит*, но я его не понимаю. Я освобождаю тебя от обещания, которое ты мне дала, но кое-что скажу. – Ее голос намекал, что это будет ничуть не хуже того, что могло поведать зеркало. – Если боги действительно решили дать тебе совет, следуй ему. – Она быстро вытерла зеркало белой тканью и поставила на место, в нишу в стене пещеры.

– И в чем он состоит?

Дайавен показала вверх, на потолок пещеры.

– Отправляйся в высокое место.

Мегвин чувствовала, как ее сапоги скользят по снегу, засыпавшему скалы, и схватилась рукой в перчатке за каменный выступ над тропой. Она согнула колени, чтобы восстановить равновесие, и немного постояла, глядя вниз на белый склон, который уже преодолела. Малейшая ошибка, она может не удержаться на узкой тропе, и тогда ничто не остановит ее падения, а деревья вышибут мозги еще до того, как она окажется внизу.

Она стояла, тяжело дыша, и, к собственному удивлению, обнаружила, что не испытывает особого страха. Такое падение обязательно закончится смертью по той или иной причине – либо сразу, либо она превратится в калеку, лежащую на заснеженном склоне Грианспога; но Мегвин вручила свою жизнь богам, и какая разница, когда они ее заберут – сейчас или позднее? Кроме того, она испытывала душевный подъем, снова оказавшись под открытым небом, несмотря на то что было холодно и мрачно.

Мегвин сделала несколько коротких шагов в сторону дальнего конца тропы, подняла глаза вверх и обнаружила, что до цели осталась еще половина пути. Брадах-Тор торчал из остроконечной башенки, точно нос каменного корабля, – в его нижней части не было снега, белым одеялом покрывшего склон. Она решила, что если будет идти, ориентируясь на него, то доберется до вершины до того, как бледное утреннее солнце станет полуденным.

Мегвин поправила заплечный мешок и вновь посмотрела на тропу, с удовлетворением отметив, что снег успел скрыть большую часть ее следов. У подножия горы, откуда она начала свой путь, они полностью исчезли. Если кто-то из риммеров Скали окажется рядом, он не

узнает, что она там прошла. Боги выполняли свою часть работы. Она посчитала это хорошим предзнаменованием.

Крутая тропа вынуждала Мегвин большую часть времени наклоняться вперед, чтобы отыскать упоры для рук. Она гордилась своим телом, тем, как напрягались и расслаблялись мышцы, позволяя ей подниматься вверх почти так же быстро, как любой мужчина. Рост и сила Мегвин почти всегда были для нее проклятием, а не благословением. Она знала, что многие считали ее неженственной, и почти всю жизнь делала вид, что ей все равно. Однако она радовалась тому, как хорошо справлялись с работой ее руки и ноги.

К несчастью, именно тело являлось главной проблемой, мешавшей решению задачи, которую она перед собой поставила. Мегвин не сомневалась, что могла бы справиться с собой, если бы возникла необходимость, хотя ей было бы нелегко. Но еще труднее оказалось отвернуться от Эoleyра и сделать вид, будто она его презирает, что полностью противоречило ее истинным чувствам. Иногда, чтобы выполнить волю богов, требуется ожесточить свое сердце.

Подъем не становился легче. Мегвин шла по заснеженной звериной тропе, которая временами исчезала, и ей приходилось неуклюже перебираться через камни, цепляясь за кустики вереска и надеясь, что они выдержат ее вес. Иногда она хваталась за ветви деревьев, клонившихся под ветром, чтобы добраться до сравнительно безопасного места.

Мегвин сделала несколько остановок, чтобы восстановить дыхание, выжать промокшие перчатки и растереть замерзшие пальцы, терявшие чувствительность. Скрытое тучами солнце успело забраться довольно высоко на западное небо, когда Мегвин преодолела последний подъем и оказалась на вершине Брадах-Тора. Она смела снег и устало опустилась на отполированную ветром скалу.

Под ней раскинулись поросшие лесом предгорья Грианспога. За подножием горы, скрытым падавшим снегом, находился Эрнисдарк, потомственный дом семьи Мегвин. Там сейчас засел Скали – узурпатор ходил по дубовым залам Таига, а члены его банды с самодовольным видом разгуливали по занесенным снегом улицам Эрнисдарка. С этим нужно было что-то делать, и, судя по всему, с такой задачей могла справиться только дочь короля.

Мегвин отдыхала не слишком долго. Тепло, накопленное во время подъема, быстро вытягивал ветер, и скоро ей стало холодно. Она взяла заплечный мешок и вывалила все, что могло ей потребоваться, на черный камень. Потом завернулась в тяжелое одеяло, стараясь по-детски не думать о том, что с наступлением ночи станет еще холоднее. Кожаный мешочек с кремнями она отложила в сторону: ей еще предстояло собрать топливо для костра.

Мегвин не взяла с собой еды, и не только чтобы показать веру в богов, но и потому, что ей надоело удовлетворять потребности своего тела. Плоть, в которой она обитала, не могла существовать без еды, без любви – на самом деле она была сделана из некачественной глины, смущавшей ее постоянной потребностью в пище, тепле и доброй воле остальных людей. Теперь пришло время забыть о земных вещах, чтобы боги смогли увидеть ее настоящую сущность.

На самом дне заплечного мешка лежало еще два предмета. Первый был подарком ее отца, резной деревянный соловей, эмблема богини Мирчи. Однажды, когда маленькая Мегвин безутешно плакала из-за какой-то детской беды, король Ллут встал и оторвал от балки Таига красивую птицу, которая находилась среди резных изображений богов, и вложил ее в руку Мегвин. Теперь только этот соловей остался напоминанием о прежних, утраченных временах. Мегвин на несколько мгновений прижала его к холодным щекам и поставила на круглый камень, где соловей тихонько раскачивался под порывами сильного ветра.

Вторым сокровищем в ее мешке был камень, который ей дал Эoleyр, дар дварров. Мегвин нахмурилась и покатала странный предмет на ладонях. Она говорила себе, что взяла его с собой потому, что держала в руках, когда ее посетил посланный богами сон, но на самом деле Мегвин знала истинную причину. Граф передал ей камень, а потом уехал.

Уставшая и слегка отупевшая после долгого подъема, Мегвин смотрела на камень и свою именную руну, пока у нее не заболела голова. Совершенно бесполезная вещь – имя придавало ей фальшивое бессмертие, такой же обман, как великий каменный город под землей. Она поняла: все, что находилось под горой, теперь было под подозрением.

По велению богов она пришла в высокое место. На сей раз Мегвин решила, что позволит им делать, что они пожелают, и не станет пытаться их понять. Если они хотят, чтобы она предстала перед ними, она будет умолять их о спасении своего народа и уничтожении Скали и Верховного короля, ведь эта жуткая пара стала причиной унижения ее невинного народа; если боги не станут ей помогать, она умрет. Но каким бы ни оказался окончательный результат, она будет сидеть на вершине тора, пока они не сообщат ей свою волю.

– Бриниох Повелитель Неба! – закричала она, обращаясь к ветру. – Мирча, облаченная в дождь! Мурхаг Однорукий и дерзкий Ринн! Я слышала ваш зов! И жду решения!

Ее слова поглотило вращение серого и белого.

Мириамель ждала и боролась со сном, но Аспитис долго не мог уснуть, что-то бормотал и ворочался рядом с ней. Она обнаружила, что ей трудно собраться с мыслями, а когда кто-то постучал в дверь каюты, она уже почти заснула и сначала не поняла, откуда доносится звук.

Стук повторился, немного громче. Удивленная Мириамель перекатилась на бок.

– *Кто там?* – прошептала она.

Должно быть, это Ган Итаи, решила она, – но что подумает граф, если увидит, что ниски пришла в каюту Мириамель? И тут же ей в голову пришла другая мысль: ей стало стыдно, что ниски увидит Аспитиса в ее постели. У Мириамель не было иллюзий – она понимала, что Ган Итаи все знает, – но ей хотелось сохранить остатки самоуважения.

– Господин здесь? – Голос, к ее стыду и облегчению, был мужским – она узнала одного из матросов.

Аспитис сел на кровати. Его стройное тело показалось ей неприятно теплым.

– Что? – спросил он, зевая.

– Прошу прощения, милорд. Вас зовет кормчий. Он извиняется, но говорит, что вы ему необходимы. Он считает, что приближается буря. Очень странная.

Граф снова улегся на спину.

– Клянусь Благословенной Матерью! Который час?

– Омар только что поднялся над горизонтом, лорд Аспитис. Середина вахты, четыре часа до рассвета. Я сожалею, милорд.

Аспитис снова выругался, но сунул ноги в стоявшие у кровати сапоги. Хотя он понимал, что Мириамель не спит, он ничего ей не сказал. Она увидела бородатое лицо матроса в свете горевшей в коридоре лампы, когда дверь распахнулась, потом услышала удаляющиеся шаги Аспитиса и матроса.

Мириамель лежала в темноте, минуты тянулись медленно, она слушала удары собственного сердца, которые стали громче, чем шум успокоившегося океана. Не вызывало сомнений, что все матросы знали, где следовало искать Аспитиса, – они *не сомневались*, что найдут его в постели любовницы! Мириамель задыхалась от стыда. Она вспомнила о Кадрахе, который оставался в темном трюме, скованный железными цепями, но разве ее невидимые оковы легче?

Мириамель не могла представить, как она сможет снова гулять на палубе под взглядами ухмыляющихся матросов – как даже подумать не могла, что будет стоять перед ними обнаженной. Одно дело находиться под подозрением, и совсем другое – быть любовницей Аспи-

тиса в глазах всей команды: когда он срочно требовался на палубе во время ночной вахты, его искали в ее постели. Унижение навалилось на Мириамель, точно тяжелый холод окоченения. Как она снова выйдет из каюты? И даже если осмелится, что ждет ее впереди, кроме свадьбы с золотоволосым чудовищем? Уж лучше смерть.

Мириамель тихо вздохнула в темноте. Медленно, словно приближаясь к опасному животному, она некоторое время обдумывала последнюю, не произнесенную вслух мысль, обладавшую ошеломляющей силой. Прежде Мириамель обещала себе, что переживет все, сумеет плыть по течению, а потом будет лежать под солнцем на каком-нибудь берегу, куда ее принесет течение, – но не врала ли она самой себе? Сможет ли она выйти замуж за Аспитиса, который участвовал в убийстве ее дяди и является добровольным подручным Прайрата? *Как могла девушка – нет, теперь уже женщина, – с грустью подумала она, – как могла женщина, в жилах которой течет кровь Престера Джона, позволить такому случиться?*

Но если ее будущая жизнь выглядела такой невыносимой, что даже смерть представлялась привлекательной, ей больше нечего бояться и она может делать все что угодно.

Мириамель выбралась из постели и, быстро одевшись, выскользнула в узкий коридор.

Потом она, изо всех сил стараясь не шуметь, поднялась по лестнице и осторожно выглянула из-под приподнятой крышки люка, чтобы убедиться, что Аспитис продолжает разговаривать с кормчим. Они так оживлено спорили и размахивали лампами, которые держали в руках, что пылавшие фитили, казалось, оставляли огненные сполохи на небе. Мириамель сразу спустилась в коридор. Ею вдруг овладела холодная расчетливость и новая уверенность, и она решительно направилась к каюте Аспитиса. Оказавшись внутри, Мириамель сняла колпак со своей лампы и быстро огляделась по сторонам, но не увидела ничего полезного.

Меч графа лежал поперек кровати, точно языческий свадебный символ, изящный, прекрасно выкованный клинок с рукоятью в форме летящей морской птицы. Он был любимой вещью Аспитиса – ну, за исключением самой Мириамель, с горечью подумала она; впрочем, она искала не меч. Она принялась изучать каюту более внимательно, проверяла складки одежды, шкатулки, где граф хранил драгоценности и игральные кости. Хотя Мириамель понимала, что у нее оставалось все меньше времени, она тщательно ощупывала каждый предмет одежды, а потом аккуратно укладывала его на прежнее место. Аспитис ничего не должен был заметить.

Закончив, Мириамель разочарованно оглядела каюту, не в силах поверить, что потерпела неудачу. Внезапно она вспомнила про сундук, куда Аспитис укладывал мешочки с монетами. Куда он девался? Она опустилась на колени и отодвинула в сторону свисавшее с кровати одеяло. Сундук стоял за ним, накрытый вторым плащом Аспитиса. Уверенная, что граф Эдны и Дрины может в любой момент войти в каюту, Мириамель забралась под кровать и вытащила сундук наружу, морщась от громкого скрежета металлических ребер по деревянному полу.

Как она и предполагала, сундук был набит мешочками с монетами, главным образом серебряными, но в каждом лежало несколько золотых империалов. Не слишком солидное состояние, но Мириамель знала, что Аспитис и его семья владеют огромными деньгами – и здесь лишь малая их часть. Она осторожно вытащила один из мешочков. Стараясь, чтобы монеты не звенели, Мириамель с некоторым интересом отметила, что руки, которые, как она думала, будут отчаянно дрожать, остаются твердыми как камень. Под мешочками она увидела толстую книгу в кожаном переплете.

А в ней записи, сделанные на удивление аккуратным почерком Аспитиса, – места, которые посещало «Облако Эдны», – Винитта и Гренамман, а также названия других портов, где, так решила Мириамель, побывал корабль во время своих путешествий; рядом с каждой строкой стояли какие-то таинственные значки. Мириамель не сумела в них разобраться и почти сразу отложила в сторону. Под книгой лежало грубое белое одеяние с капюшоном – но она искала не его. Больше в сундуке не оказалось ничего интересного, и Мириамель сложила все

обратно, постаравшись сохранить прежний порядок, после чего засунула сундук обратно под кровать.

У нее уже почти закончилось время. Мириамель села на пол, чувствуя, как ее наполняет жуткая холодная ненависть. Она подумала, что, пожалуй, проще всего выскользнуть на палубу и броситься в океан. До рассвета осталось несколько часов; никто не узнает о ее побеге, никто не остановит. Но мысль о килпа, терпеливо дожидавшихся своих жертв, заставила Мириамель от этого отказаться.

Поднявшись на ноги, Мириамель наконец увидела то, что искала. Все это время он висел на крючке за дверь. Она сняла его, спрятала за поясом под плащом и вышла в коридор. Убедившись, что там никто нет, она прикрыла колпаком лампу и поспешила в свою каюту.

Мириамель уже накрывалась одеялом, когда поняла значение белого одеяния. В каюте Аспитиса она находилась в каком-то отстраненном состоянии, и новое откровение не только увеличило ее счет к графу, но и укрепило решимость сделать то, что она задумала. Мириамель лежала неподвижно и тихо дышала, дожидаясь возвращения Аспитиса. Она так сосредоточилась на своем плане, что старалась прогнать все посторонние мысли, заставляя себя не возвращаться к воспоминаниям о детстве и друзьях, а также не жалеть о местах, которые ей не суждено увидеть. Она отмечала малейшие звуки, что издавал корабль, каждый шлепок волны о корпус, но, по мере того как проходили часы, она так и не услышала тяжелой поступи Аспитиса в коридоре. Ее дверь не распахнулась. Аспитис не пришел.

Наконец, когда наступил рассвет, Мириамель, продолжая сжимать кинжал графа, погрузилась в тяжелый сон.

Она почувствовала, как чьи-то руки встряхнули ее, и услышала тихий голос, но ее сознание не хотело возвращаться в мир бодрствующих.

– Девочка, просыпайся!

Наконец Мириамель со стоном повернулась и открыла глаза. Ган Итаи смотрела на нее сверху вниз, на ее лице застыло озабоченное выражение, лоб избороздили морщины. Утренний свет проникал из коридора в приоткрытую дверь каюты. На Мириамель вдруг накатили мрачные воспоминания о вчерашнем дне.

– Уходи, – сказала она ниски.

Мириамель попыталась спрятать голову под одеялом, но сильные руки Ган Итаи схватили ее за плечи, и ниски заставила ее сесть.

– Знаешь, что я сейчас слышала на палубе? Матросы говорят, будто граф Аспитис намерен жениться в Спените – на тебе! Это правда?

Мириамель закрыла глаза руками, прячась от света.

– Ветер поднялся? – спросила Мириамель.

– Нет, по-прежнему штиль. – В голосе Ган Итаи слышалось удивление. – Почему такой странный вопрос?

– Потому что, если мы не сможем добраться до Спенита, он на мне не женится, – прошептала Мириамель.

Ниски покачала головой.

– Клянусь островами, не нанесенными на карту, это правда! О, девочка, ты не хочешь за него замуж, верно?

Мириамель открыла глаза.

– Лучше умереть, – сказала она.

Ган Итаи с отвращением тихо фыркнула. Она помогла Мириамель встать с кровати, потом принесла маленькое зеркальце, которое ей подарил Аспитис, когда еще строил из себя добряка.

– Ты хочешь причесать волосы? – спросила ниски. – Они выглядят так, словно все пряди спутал ветер, – тебе вряд ли такое нравится.

– Мне все равно, – ответила Мириамель, но выражение лица Ган Итаи ее тронуло: смотрящая-за-морем не знала, как ей еще помочь.

Мириамель протянула руку за зеркалом. Рукоять кинжала Аспитиса, прятаясь в складках одеяла, зацепилась за рукав, и оружие упало на пол. Некоторое время Мириамель и старая ниски смотрели на кинжал, и внезапно Мириамель осознала, что единственная дверь к спасению закрывается. Она бросилась на пол, чтобы схватить оружие. Но Ган Итаи ее опередила. Она поднесла кинжал к свету, и в ее глазах с золотыми пятнышками появилось удивление.

– Отдай, – сказала Мириамель.

Ган Итаи посмотрела на птицу, выгравированную на рукояти кинжала.

– Это нож графа, – сказала ниски.

– Он оставил его здесь, – солгала Мириамель. – Отдай.

Ниски повернулась к ней, и ее лицо стало серьезным.

– Он не оставлял его здесь, – сказала она. – Он носит *этот* кинжал только с парадным костюмом, а я его видела, когда он поднимался на палубу вчера ночью. И на поясе у него был другой.

– Он мне подарил... – Внезапно Мириамель заплакала, и все ее тело начало сотрясаться от жестоких рыданий.

Ган Итаи вскочила на ноги и плотно закрыла дверь каюты.

– Я ненавижу его! – простонала Мириамель, раскачиваясь из стороны в сторону. Ган Итаи обняла ее за плечи худой рукой. – Ненавижу!

– Зачем тебе нож? – Мириамель молчала, и ниски снова спросила: – Зачем он тебе, девочка?

– Я хочу его убить. – Мириамель нашла в себе силы произнести эти слова, слезы больше не лились из ее глаз. – Я ударю кинжалом развратного зверя, и мне все равно, что будет потом.

– Нет, нет, ты сошла с ума, – нахмурившись, сказала ниски.

– Он знает, кто я, Ган Итаи. – Мириамель задыхалась и едва могла говорить. – Ему известно, что я принцесса, и он сказал, что женится на мне... чтобы стать повелителем Наббана, когда мой отец покорит весь мир. – Эта мысль казалась невероятной, но кто мог помешать ее исполнению? – Кроме того, Аспитис участвовал в убийстве моего дяди Леобардиса. И он дает деньги Огненным танцорам.

– Что ты такое говоришь? – Взгляд Ган Итаи стал внимательным. – Ведь Огненные танцоры безумны.

– Может быть, но его сундук набит мешочками с серебром, и там есть записи платежей. А еще лежит грубый белый балахон Огненных танцоров. Аспитис никогда даже в руки не возьмет одежду из такой ткани. – Внезапно для нее все стало предельно просто и до смешного понятно: Аспитис скорее умрет, чем согласится надеть *такое...* если только на то не будет серьезной причины. Подумать только, на нее произвел впечатление его изысканный вид! – Я уверена, что он общается с ними. Кадрах сказал, что Аспитис выполняет приказы Прайрата.

Ган Итаи убрала руку с плеча Мириамель, села на кровать и оперлась спиной о стену. В наступившем молчании было слышно, как ходят наверху матросы.

– Огненные танцоры сожгли часть города ниски в Наббанае, – медленно проговорила старая женщина. – Они забивали двери домов, внутри которых находились старики и дети, жгли и убивали во многих поселениях нашего народа. А герцог Наббана и его приспешники ничего не делали. – Она провела рукой по волосам. – Огненные танцоры утверждают, что у них есть причины на жестокость, но на самом деле их не существует, им просто нравится смотреть, как страдают люди. И ты говоришь, что хозяин моего корабля дает им деньги.

– Это не имеет значения. Он умрет до того, как корабль доберется до земли, – заявила Мириамель.

Ган Итаи удивленно покачала головой.

– Прежние хозяева заковали Руяна Навигатора в цепи. А новые сжигают наших детей, губят и убивают своих собственных молодых людей. – Она положила прохладную ладонь на руку Мириамель и долго молчала, задумчиво глядя в пустоту. – Спрячь нож, – наконец сказала она. – И не используй его до тех пор, пока я снова с тобой не поговорю.

– Но... – начала Мириамель.

Ган Итаи сильно сжала ее руку.

– Нет, – хрипло сказала ниски. – Жди! Ты должна ждать! – Она встала и вышла из каюты.

Когда дверь за Ган Итаи закрылась и Мириамель осталась одна, слезы на ее щеках высохли.

5. Пустоши снов

Небо разрисовали вращавшиеся серые полосы, на далеком северном горизонте более темные сгустки туч нависали над землей, словно поднятые кулаки, – сердитым пурпуром и черным цветом.

Снова стало очень холодно. Саймон с благодарностью подумал о новой толстой рубашке из шерсти. Ее подарила ему худенькая девушка из Гадринсетта, одна из тех двух, с которыми он познакомился во время пира по случаю получения рыцарского звания. Когда девушка и ее мать пришли с подарком, Саймон вел себя вежливо и поблагодарил их, как, по его мнению, должен делать рыцарь, но надеялся, что в их планы не входило женить его на ней. Они встречались уже полдюжины раз, но она почти ничего не говорила, только постоянно хихикала. Конечно, Саймону нравилось, что им восхищались, но хотелось, чтобы это был еще кто-то, кроме глупой девушки и ее столь же глупой подружки. И все же прекрасно сшитая рубашка отлично его согревала.

– Пойдем, сэр рыцарь, – сказал Слудиг, – ты намерен воспользоваться этой палкой или на сегодня уже хватит? Я устал и замерз не меньше, чем ты.

Саймон поднял голову.

– Извини, – ответил он. – Просто я задумался. Сегодня холодно, верно?

– Похоже, наше короткое лето закончилось, – сказал Бинабик, устроившийся на упавшей колонне.

Они находились посреди Огненного сада, где негде было спрятаться от пронизывающего ветра.

– Лето?! – фыркнул Слудиг. – Только из-за того, что две недели не шел снег? Каждое утро я вытаскиваю лед из бороды.

– Однако погода немного улучшилась по сравнению с тем, какой была до этого, – безмятежно заявил Бинабик.

Он бросил еще один камушек в Кантаку, которая свернулась в клубок в нескольких шагах от него. Она искоса на него посмотрела, но решила, что не стоит вставать и кусать хозяина из-за камешка, и снова закрыла желтые глаза. Джеремя, сидевший рядом с троллем, с опаской наблюдал за волчицей.

Саймон снова поднял деревянный меч и двинулся вперед по плиткам пола. Хотя Слудиг все еще не хотел использовать настоящие клинки, он помог Саймону прикрепить куски камня к тренировочному оружию, чтобы оно стало тяжелее. Саймон взмахнул мечом, оценивая его баланс.

– Ну, давай начнем, – сказал он.

Риммер шагнул вперед, сражаясь с сильным ветром, который надул его тяжелую тунуку, и нанес неожиданно быстрый удар, воспользовавшись двуручным хватом. Саймон сдвинулся в сторону, отбил нападение Слудига и тут же контратаковал. Слудиг его блокировал, и стоны дерева эхом пронесли над плитками.

Они тренировались почти час, пока закрытое пеленой солнце неспешно двигалось по небу. Саймон постепенно учился чувствовать себя комфортно с мечом в руках: ему начало казаться, что он стал частью его руки, о чем не раз говорил Слудиг. Он уже понимал, что это вопрос баланса – не просто размахивать тяжелым предметом, а перемещать его так, чтобы ноги и спина придавали ему дополнительную силу и позволяли инерции помочь занять оборонительную позицию, а не бессистемно атаковать противника, тут же отпрыгивая назад.

Пока они сражались, Саймон размышлял о шенте, сложной игре ситхи, где всегда присутствовали ложные выпады и неожиданные атаки; быть может, подобную стратегию можно применить и в фехтовании? Он нанес несколько ударов, постепенно теряя равновесие, Слудиг это заметил, перешел в наступление после очередного промаха Саймона и попытался достать его ребра, но Саймон ушел в сторону и ловко перекатился. Меч риммера ударил в пустоту, а Саймон мгновенно принял боевую стойку и сумел достать колено риммера. Северянин выронил меч и с проклятиями запрыгал на одной ноге.

– *Аммубок!* Очень хорошо, Саймон, – закричал Бинабик. – Неожиданный ход! – Рядом с ним улыбался Джеремя.

– Было больно. – Слудиг потирал ногу. – Но ты все здорово продумал. Ладно, давай заканчивать, пока у нас окончательно не онемели пальцы.

Саймон был очень собой доволен.

– Пройдет ли такой прием в настоящей схватке, Слудиг? – спросил он.

– Может быть. Особенно если на тебе не будет доспехов. В них ты можешь рухнуть на землю, как черепаха, и не успеешь вовремя подняться. Нужно быть очень уверенным в себе, когда падаешь, или ты станешь совсем мертвым, а не умным. Но ты все сделал хорошо. – Слудиг выпрямился. – Я уже совсем ооченел. Пойдем в кузницу, немного согреемся.

Фреосел, новый молодой констебль Гадринсетта, поручил нескольким колонистам построить кузницу в одной из просторных пещер. Они взялись за дело энергично и эффективно и уже начали плавить железный лом, который удавалось отыскать на Сесуад’ре, надеясь выковать новое оружие и починить старое.

– Кузня, чтобы согреться, – согласился Бинабик.

Он щелкнул языком, Кантака вскочила на ноги и потянулась.

Пока они шли в кузницу, стеснительный Джеремя отстал на несколько шагов. Пронзительный ветер продувал насквозь Огненный сад, пот на шее Саймона стал ледяным, и он обнаружил, что веселое настроение его покидает.

– Бинабик, – неожиданно спросил он, – почему мы не могли отправиться в Эрнистир вместе с графом Эoleyром и Изорном?

Они выехали накануне рано утром в сопровождении небольшого отряда, состоявшего главным образом из всадников-тритингов.

– Я думаю, Джошуа честно ответил на твой вопрос, – сказал Бинабик. – Не следует раз за разом рисковать одними и теми же людьми – или позволять им постоянно покрывать себя слабой. – Он состроил гримасу. – В будущем нам всем представится немало других возможностей.

– Но мы принесли ему Шип. Почему бы нам не попытаться добыть Миннеяр – точнее, Сияющий Коготь?

– То, что ты стал рыцарем, мальчик, еще не значит, что все будет так, как тебе захочется, – прорычал Слудиг. – Радуйся своей удаче и довольствуйся тем, что ты имеешь. Будь довольным и тихим.

Удивленный Саймон повернулся к риммеру.

– Ты сердишься? – спросил Саймон.

Слудиг отвернулся.

– Только не я, – ответил он. – Я простой солдат.

– И не рыцарь. – Саймону показалось, что он все понял. – Но ты же знаешь, почему так получилось. Джошуа не король. Он может посвящать в рыцари только эркинландеров. А ты служишь герцогу Изgrimнуру. Я уверен, он сделает тебя рыцарем, когда вернется.

– Если вернется. – В голосе Слудига послышалась горечь. – Я устал говорить об этом.

Саймон хорошенько подумал, прежде чем ответить.

– Мы знаем, какую роль ты сыграл, Слудиг, Джошуа всем рассказал – но мы с Бинабиком там *были*, и мы *никогда* не забудем. – Он коснулся его руки. – Пожалуйста, не сердись на меня. Пусть я теперь рыцарь, но я все тот же Олух, которого ты учишь владеть мечом. И твой друг.

Слудиг некоторое время смотрел на него из-под густых соломенных бровей.

– Достаточно, – сказал он. – Ты и в самом деле Олух, а мне необходимо что-нибудь выпить.

– И погреться у огня. – Саймон постарался не улыбаться.

Бинабик, который молча слушал их разговор, торжественно кивнул.

Джелой дожидалась их перед Огненным садом. Она тепло оделась, спасаясь от холода, шарф закрывал лицо так, что были видны только желтые глаза. Когда они подошли, Джелой подняла покрасневшую от мороза руку.

– Бинабик, я хочу, чтобы вы с Саймоном встретились со мной перед закатом в Обсерватории. – Она указала в сторону развалин, которые находились в нескольких сотнях шагов к западу. – Мне нужна ваша помощь.

– Помощь магического тролля и рыцаря, убивающего драконов. – Улыбка Слудига получилась не слишком убедительной, и Джелой обратила на него суровый взор.

– Это не честь. К тому же, риммер, даже если бы мог, не думаю, что ты захотел бы выйти на Дорогу Снов. Во всяком случае, не сейчас.

– Дорога Снов? – удивился Саймон. – Почему?

Джелой махнула рукой в сторону уродливого клубка туч на северном небе.

– Надвигается очередная буря. Кроме ветра и снега, она приблизит к нам мысли и руку нашего врага. Ходить по дороге Снов станет еще опаснее, а вскоре будет невозможно. – Она спрятала руки под плащом. – Нам следует воспользоваться оставшимся временем. – Джелой повернулась и пошла в сторону океана палаток. – Жду вас на закате! – крикнула она напоследок.

– Да, – ответил Бинабик после небольшой паузы. – И все же пришло время выпить вина и согреть руки, как мы и собирались. Давайте поспешим в кузницу.

Он решительно зашагал вперед, и Кантака побежала за ним.

Джеремиа что-то сказал, но Саймон его не расслышал из-за усилившегося воя ветра.

– Что?

Оруженосец кивнул.

– Я сказал, что с Джелой не было Лелет. Когда Джелой отправляется на прогулку, она обычно идет с ней. Надеюсь, она здорова.

Саймон пожал плечами.

– Пойдем и наконец согреемся.

Они заторопились за удалявшимся Бинабиком и Слудигом. Далеко впереди виднелась серая тень волчицы.

Саймон и Бинабик остановились перед дверным проемом освещенной лампами Обсерватории. Сумерки превратили небо над разрушенным потолком в чашу синего стекла. Джелой еще не пришла, но они увидели Лелет, которая сидела на упавшей колонне, подобрав под себя худые ножки. Когда они появились, она даже не повернула в их сторону головы. Девочка всегда казалась погруженной в себя, но сейчас ее неподвижность вызвала у Саймона тревогу. Он подошел к ней и негромко позвал – глаза девочки были открыты и устремлены вверх, но ослабленные мышцы и замедленное дыхание наводили на мысль, что она спит.

– Ты думаешь, она больна? – спросил Саймон. – Может быть, Джелой попросила нас прийти именно по этой причине.

Несмотря на тревогу о Лелет, он почувствовал некоторое облегчение: мысль о путешествии по Дороге Снов его беспокоила. И, хотя он добрался до безопасной Сесуад'ры, его сны оставались яркими и беспокойными.

Троль взял теплую руку Лелет и снова положил ей на колени.

– Едва ли мы можем помочь девочке лучше, чем Джелой. Нам остается лишь терпеливо ждать. – Он оглядел просторный круглый зал. – Думаю, когда-то здесь было очень красиво. Мой народ уже давно научился украшать резьбой живые горы, но у нас нет и десятой доли мастерства ситхи.

Упоминание о народе Джирики как о давно исчезнувшей расе встревожило Саймона, но он не мог забыть о состоянии Лелет.

– Ты уверен, что нам не нужно ей что-нибудь принести? Например, воды? Или плащ? Здесь так холодно.

– С Лелет все будет в порядке, – сказала Джелой, появившаяся в дверном проеме. Саймон виновато вздрогнул, словно готовил заговор. – Она просто ступила на Дорогу Снов раньше нас. Там она чувствует себя счастливой, так мне кажется.

Джелой вошла в зал, и вслед за ней появился отец Стрэнгъярд.

– Привет, Саймон, Бинабик, – сказал он. Стрэнгъярд выглядел счастливым и возбужденным, как ребенок во время праздника Эйдонитид. – Я вместе с вами пойду по Дороге Снов. Конечно, я о ней читал, и она давно меня интересовала, но я даже представить не мог... – Он помахал рукой, чтобы показать, что прежде на такое даже не надеялся.

– Сегодня не день сбора ягод, Стрэнгъярд, – резко сказала Джелой. – Но раз уж ты теперь член Ордена, тебе не помешает научиться тем немногим аспектам Искусства, которые у нас еще остались.

– Конечно, дело не... Я хотел сказать, конечно, будет хорошо научиться чему-то новому. Но собирать ягоды, нет, я имел в виду... – Стрэнгъярд смутился окончательно и замолчал.

– Теперь я понимаю, почему Стрэнгъярд к нам присоединился, – сказал Бинабик. – И я также могу оказаться полезным. Но почему, Саймон, валада Джелой? И почему именно здесь?

Джелой мимолетно провела рукой по волосам Лелет, но девочка никак на нее не отреагировала, а затем села на колонну рядом с ней.

– Относительно первого вопроса: дело в том, что мне потребуется кое-что определенное, и тут Саймон, возможно, сумеет помочь. Но давайте я вам объясню, чтобы избежать ошибок. – Она подождала, когда остальные рассядутся вокруг нее. – Я уже вам говорила, что приближается новая сильная буря. Ходить по Дороге Снов будет нелегко или даже невозможно. Нас ждут и другие неприятности. – Она подняла руку, предвосхищая вопрос Саймона. – Больше я пока не могу сказать. Во всяком случае, до того, как поговорю с Джошуа. Мои птицы доставили мне новости, но даже им придется искать убежище, когда начнется буря. И тогда мы на вершине скалы будем слепы.

Продолжая говорить, Джелой ловко сложила на каменном полу пирамиду из палочек и подожгла ее веткой, которую поднесла к огню в лампе. Затем она достала из-под плаща маленький мешочек.

– Итак, – продолжала она, – пока у нас есть возможность, мы предпримем последнюю попытку собрать тех, кто может быть нам полезен или нуждается в убежище, которое мы можем предоставить. Я привела вас сюда потому, что это лучшее место. Сами ситхи избрали его, когда говорили друг с другом через большие расстояния, используя, как гласят древние предания, «Камни, Чешую, Пруды и Рычаги» – так они называли своих Свидетелей.

Джелой высыпала пригоршню трав, взвесив их на ладони.

– Вот почему я назвала этот зал Обсерваторией. Прежде священники старой Империи наблюдали за звездами из своих башен, и однажды сюда пришли ситхи, чтобы посмотреть на свои земли – Светлый Ард. Это могущественное место для того, чтобы видеть.

Саймон немало знал о Свидетелях – он сумел вызвать Адиту при помощи зеркала Джирики и находился рядом, когда Амерасу использовала Туманный фонарь, что привело к катастрофическим последствиям. Он вдруг вспомнил сон в ночь своего бдения – процессия с факелами, ситхи и их странная церемония. Может быть, природа этого места имеет отношение к его сильному видению из прошлого?

– Бинабик, – проговорила Джелой, – должно быть, ты слышал о Тиамаке, вранне, с которым подружился Моргенес. Иногда он отправлял послания твоему наставнику Укекуку. – Тролль кивнул. – Диниван из Наббана также знал Тиамака. Он рассказал мне, что придумал хороший план и вовлек в него вранна. Однако Диниван мертв, и я боюсь, что Тиамак остался один, без друзей. Мы с Лелет пытались до него добраться, но у нас не получилось. В последнее время Дорога Снов становится очень опасным местом.

Она протянула руку за колонну и взяла небольшой кувшин с водой с усыпанного мусором пола.

– Вот почему я рассчитываю на ваши силы, которые должны нам помочь отыскать Тиамака. Мы скажем ему, чтобы он пришел к нам, если вранн нуждается в защите. Кроме того, я обещала Джошуа, что еще раз попытаюсь связаться с Мириамель. Ты близко с ней знаком, Саймон. Быть может, это поможет нам ее найти.

Мириамель. Имя принцессы вызвало у Саймона поток сильных чувств – надежду, привязанность, горечь. Он рассердился и испытал разочарование, когда узнал, что ее нет в Сесуад’ре. В глубине души Саймон не сомневался, что, если он добрался до Скалы Прощания, она тоже там будет; и ее отсутствие воспринял как дезертирство. И еще он был напуган, когда обнаружил, что она исчезла и ее сопровождает вор Кадрах.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – сказал Саймон.

– Хорошо. – Джелой встала и вытерла руки о штаны. – Стрэнгъярд, я покажу тебе, как смешивать мокфойл и паслен. Или твоя религия тебе это запрещает?

Священник беспомощно пожал плечами.

– Я не знаю. Возможно... но наступили странные времена.

– Тут не поспоришь. – Ведьма усмехнулась. – Тогда начнем, я покажу. Считай это уроком истории, если пожелаешь.

Саймон и Бинабик сидели тихо, пока Джелой показывала нужные пропорции пораженному архивисту.

– Это последние мои запасы – до тех пор, пока мы не покинем скалу, – сказала Джелой, когда они закончили. – Еще одна причина добиться успеха. Вот. – Она втерла немного полученной смеси в ладони Саймона и Бинабика и поставила котелок на землю. Саймон чувствовал, как мазь холодит кожу.

– А как же вы и Лелет? – спросил Саймон.

– Я могу обойтись без этого. А Лелет никогда в ней не нуждалась. Теперь сядьте и возьмитесь за руки. Помните, Дорога Снов стала сейчас очень странным местом. Не бойтесь и сохраняйте присутствие духа.

Она поставила одну из ламп на пол, и они уселись, образовав круг рядом с упавшей колонной. Саймон сжал маленькую ладонь Бинабика одной рукой и тоненькие пальчики Лелет – другой. На лице девочки появилась слепая улыбка человека, которому снится что-то приятное.

По рукам и всему телу Саймона начало распространяться ледяное прикосновение, наполняя голову странным туманом. Хотя до наступления сумерек оставалось некоторое время, в зале быстро темнело, и вскоре Саймон видел лишь мельтешение оранжевых языков пламени, но их также поглотил непроглядный мрак... и Саймон в него провалился.

Мир за черной завесой оказался туманно-серым – море пустоты без начала и конца. Из бесформенной серой мглы медленно возникла маленькая, быстро двигавшаяся фигурка, стремительностью напоминая ласточку. Саймон не сразу узнал Лелет – но то была Лелет из сна, она вертелась и кружилась, а ее темными волосами играл неощутимый ветер. И хотя Саймон не слышал ни единого звука, он заметил, как ее рот открывался в беззвучном смехе и она манила его за собой; даже глаза казались живыми – такими он их никогда не видел. Он смотрел на незнакомую Лелет – дитя, способное необъяснимым образом освобождаться от ужасов жуткого мира и собственного покрытого шрамами тела. Сердце Саймона ликовало, когда он любовался свободным танцем Лелет.

Она мчалась перед ним, безмолвно звала, умоляла поспешить, следовать за ней все дальше и дальше! Саймон старался, но в сером мире снов чувствовал себя хромым и неуклюжим. Фигурка Лелет быстро становилась едва различимой, а потом и вовсе исчезла в серой мгле. Внезапно оказалось, что Саймон в полном одиночестве и без цели дрейфует в пространстве.

Возможно, прошло много времени, Саймон парил, не находя точки опоры, пока что-то не потащило его к себе мягкими невидимыми пальцами. Его тащило вперед, сначала медленно, потом быстрее; Саймон все еще не чувствовал свое тело, однако попал в непонятное, но сильное течение. Затем в пустоте перед ним появились очертания темной башни с метавшейся возле нее тенью, черный водоворот, расцвеченный красными искрами, подобный вихрю дыма и огня. Саймона стремительно к нему несло, и его внезапно охватил ужас. В водовороте дыма и огня его ждала смерть – или нечто и того хуже. Его охватила паника, какой он никогда прежде не испытывал, и ему пришлось напомнить себе, что это всего лишь сон, а не реальность. Какая-то часть его сознания знала, что в другом месте он держит руки друзей...

И когда Саймон о них думал, они незримо присутствовали рядом. Он обрел дополнительные силы, и ему удалось остановить скольжение в сторону кипевшего, сверкавшего мрака. Затем, постепенно, он сумел вырваться, и его «я» из сна каким-то образом поплыло против течения. По мере того как расстояние между ним и черной волновавшейся громадой увеличилось, водоворот внезапно схлопнулся, исчез, Саймон обрел свободу и тут же появился в другом месте. Здесь серый цвет был спокойным, а свет качественно изменился, словно за густыми тучами сияло солнце.

Впереди он увидел Лелет. Она ему улыбнулась, ей нравилось, что он появился рядом, хотя Саймон совершенно точно знал, что она не сможет поделиться с ним тем, что ей довелось пережить.

Размытые очертания сна начали меняться, и Саймону стало казаться, будто он парит над пробуждавшимся миром. Под ним, в глубокой тени, лежал город, длинная вереница зданий, построенных из самых несовместимых вещей – колес фургонов, детских игрушек, статуй неизвестных животных и даже рухнувших осадных башен времен какой-то давней войны. Он смотрел на случайные улицы между безумно разными домами, увидел огромное сооружение из книг и пожелтевших свитков, готовое рухнуть в любой момент. Лелет, которая двигалась возле него кругами, стремительная, как шмель, помчалась в сторону сиявшего окна в книге-башне.

На кровати кто-то лежал, но очертания его тела оставались размытыми, как нечто, опустившееся под воду. Лелет подняла над ним худенькие руки, и он зашевелился в беспокойном сне.

– *Тиамак*, – позвала Лелет голосом Джелой, в котором слышалось присутствие других спутников Саймона. – *Тиамак! Проснись!*

Человек на кровати стал двигаться активнее, а потом медленно сел. Казалось, по нему пробежала зыбь, и ощущение, что он находится под водой, усилилось. Саймону показалось, что темная тень заговорила, но поначалу не мог различить слова.

– ...?

– Я Джелой, Тиамак – из леса Альдхорт. Я хочу, чтобы ты присоединился ко мне и остальным на Сесуад’ре. Там ты будешь в безопасности.

По смутной фигуре вновь пробежала рябь.

– ...сплю?..

– Да – но это истинный сон. Иди к Скале Прощания. Нам трудно с тобой говорить. Вот как ты сможешь ее найти.

Лелет снова протянула руки над фигурой Тиамака, и на этот раз перед ним начало формироваться неясное изображение Скалы Прощания.

– ...Диниван... хотел...

– Я знаю. Все изменилось. Если тебе требуется убежище, приходи на Сесуад’ру.

Лелет опустила руки, и парящая картина исчезла. Очертания человека на кровати также стали тускнеть.

– ...! ... – Он попытался сказать нечто очень важное, но начал быстро растворяться в тумане вместе с башней и окружавшим ее городом.

– ...с Севера... мрачные... нашли старую ночь... – После короткой паузы последовало последнее героическое усилие: – ... Книга Ниссеса...

Тень сна исчезла, и все вновь стало равномерно серым.

По мере того как неосязаемый туман стал вновь окружать Саймона, его мысли обратились к Мириамель. Он не сомневался, что после того, как им удалось добраться до Тиамака, Джелой теперь обратит все свое внимание на исчезнувшую принцессу. И действительно, по мере того как образ Мириамель начал вырисовываться в его сознании, Саймон увидел ее такой, какой она была в доме Джелой, в мальчишеской одежде, с коротко подстриженными волосами, выкрашенными в черный цвет, – именно эта картина возникла в пустоте перед ним. Мгновение Мириамель мерцала – ему даже показалось, что ее волосы становятся золотыми, возвращаясь к своему естественному цвету, – но в следующий момент она превратилась в нечто другое. Дерево? Башню? Саймоном овладели мрачные предчувствия. Он видел башни во множестве снов, и никогда это не означало ничего хорошего. Но нет, он смотрел на какие-то высокие предметы. Деревья? Лес?

И пока он пытался придать изображению четкость, темный образ начал сливаться, и перед Саймоном возник корабль, размытый и неопределенный, как Тиамак в пергаментной башне из сна. С высоких мачт вяло свисали поникшие паруса и веревки, казалось сотканные из паутины, серой, пыльной и изорванной. Корабль раскачивался, как будто дул сильный ветер. Черные волны под ним украшали белые гребни, а небо было таким же черным. Какая-то сила удерживала Саймона далеко от судна, несмотря на его отчаянное желание к нему приблизиться, и он вступил в напряженную схватку, решив, что Мириамель находится на борту.

Саймон изо всех сил напряг волю и попытался приблизиться к призрачному кораблю, но перед ним возник огромный черный занавес, проливной дождь и туман были такими густыми, что казались почти осязаемыми. Саймон замер, беспомощный, заблудившийся в темноте. Внезапно рядом с ним оказалась Лелет, ее улыбка исчезла, маленькое личико исказилось в напряженной гримасе.

– Мириамель! – закричал Саймон, но его голос слетал с губ Лелет. – Мириамель! – снова крикнул он.

Лелет удалось подобраться к фантому немного ближе, словно она старалась донести его слова до Мириамель.

Иди к Скале Прощания!

Корабль полностью исчез, и шторм накрыл почерневшее море. Саймону казалось, что он видит в его сердце дрожавшие арки красного цвета, вроде тех, что пронзали огромный водоворот. Что происходит? Грозит ли Мириамель опасность? Быть может, кто-то или что-то ворвалось в ее сны? Он заставил себя предпринять последнюю попытку, стараясь отбросить в сто-

рону ревущую бурю сна, но тщетно. Корабль исчез, и теперь разбушевавшаяся стихия окружала его со всех сторон. Она рычала и гудела, наполнив его существо, словно звонили огромные медные колокола, и это потрясло Саймона так сильно, что у него возникло ощущение, будто он сейчас рассыплется на мелкие куски. Лелет исчезла. Полная искр мгла сжимала его, точно чернильный кулак, и внезапно он подумал, что умрет здесь, в месте, которое вовсе и не место.

Где-то далеко появилось пятно света, маленькое и серое, точно потускневшая серебряная монета. Саймон направился в его сторону, а мрак наносил ему все новые удары, красные искры шипели внутри него, словно крошечные огненные копья. Он пытался почувствовать руки друзей и не смог. Серое пятнышко не приближалось. Он начал уставать, как пловец, оказавшийся в открытом море.

Бинабик, помоги мне! – подумал он, но его друзья потерялись в бесконечном мраке. – *Помоги мне!* – Даже крошечное серое пятнышко стало меркнуть. – *Мириамель,* – подумал он. – *Я хочу снова тебя увидеть...*

Саймон потянулся к пятнышку света в последний раз, ощутил словно прикосновение кончиков пальцев, хотя у него не было рук, почувствовал, что сил у него стало немного больше, и заскользил к серому пятну... ближе, а все вокруг заполнял мрак... ближе...

Деорнот думал, что при других обстоятельствах он бы рассмеялся. То, с каким почти-тельным вниманием Джошуа слушал необычную пару своих советников – женщину с ястребиным лицом и мужской стрижкой, в мужской одежде и маленького тролля, едва доходившего ему до пояса, – приметы нового, изменившегося мира.

– А что, как вы думаете, может принести Тиатак, валада Джелой? – спросил принц и подвинул лампу поближе. – Если он такой же, как вы и Моргенес, мы с радостью его примем.

Женщина-ведьма покачала головой.

– Нет, он не владеет Искусством и не умеет планировать войны. На самом деле он застенчивый маленький болотный житель, который очень много знает о лекарственных растениях Вранна. Нет, я пыталась связаться с ним из-за того, что он был близок к Ордену и я за него боюсь. У Динивана имелись планы на его счет, но Диниван мертв. Тиатака нельзя бросать. До прихода бури мы должны спасти всех, кого сможем.

Джошуа кивнул без особого энтузиазма. Деорнот видел, что Воршева также недовольна, видимо, жене принца не нравилось, что на его плечи ложилось все больше ответственности, даже проблемы болотистого Вранна.

– Благодарю, Джелой, – сказал он. – И спасибо за еще одну попытку связаться с моей племянницей. Я все больше за нее беспокоюсь.

– Все очень странно, – ответила женщина-ведьма. – Я никак не могу понять, что происходит. Складывается впечатление, что Мириамель каким-то образом выстроила против нас барьер, но она не обладает подобным даром. Я в недоумении. – Она выпрямилась, словно отбросила бесполезную мысль. – Но я должна сказать кое-что еще.

Бинабик переминался с ноги на ногу. Не успела Джелой снова заговорить, как он коснулся ее руки.

– Прошу меня простить, но я должен проверить Саймона, я хочу убедиться, что он пришел в себя после посещения Дороги Снов, сейчас он отдыхает.

Джелой с трудом сдержала улыбку.

– Мы с тобой поговорим позже, – сказала она.

– Иди, Бинабик, – подтолкнул его Джошуа. – А я навещу его позднее. Он храбрый мальчик, хотя слишком нетерпеливый.

Трольз низко поклонился и поспешно вышел из палатки.

– Мне жаль, но другие мои новости нельзя назвать хорошими, принц Джошуа. С запада к нам приближается большая группа вооруженных людей.

– Что? – Джошуа от удивления сел. Воршева тут же прикрыла руками живот. – Я не понимаю. Кто прислал тебе сообщение?

Женщина-ведьма покачала головой.

– Я не имела в виду птиц, как у Ярнауги, которые доставляют небольшие кусочки пергамента. Речь об обычных птицах – с некоторыми я могу разговаривать... ну, или что-то вроде того. Во всяком случае, получить общее представление о том, что они видят. Небольшая армия движется из Хейхолта. Они прошли через города долины Асу и теперь следуют вдоль южной границы великого леса в сторону лугов.

Деорнот посмотрел на нее. Когда он заговорил, его голос даже ему самому показался слабым и недовольным.

– Вы умеете разговаривать с птицами?

Она бросила на него быстрый взгляд.

– Не исключено, что благодаря этому ты жив. Как ты думаешь, откуда я узнала, как найти вас на огромных просторах Альдхорта?

Джошуа положил руку на плечо Воршевы, словно хотел ее успокоить, хотя она не показывала ни малейшей тревоги.

– Почему вы не сказали нам об этом раньше, Джелой? – неожиданно резко спросил он. – Чего еще мы не знаем?

Казалось, Джелой постаралась ответить спокойно.

– Я поделилась с вами всеми жизненно важными сведениями, – сказала она. – В течение зимы длиной почти в год новостей было совсем немного. Большая часть птиц умерла, другие прячутся от холода и почти не летают. Кроме того, вы должны понять меня правильно: я не говорю с ними, как с вами. У птиц мысли совсем не такие, как у нас, их далеко не всегда можно облечь в слова, и я не всякий раз способна их понять. Они знают погоду и страх – эти знаки мне доступны. Ну, а еще я могу «увидеть» большую группу пеших или конных людей, которые привлекают внимание птиц. Но до тех пор, пока люди не начинают на них охотиться, они не обращают на нас особого внимания.

Деорнот вдруг сообразил, что не сводит с Джелой глаз, и быстро отвернулся. Он думал, что она не просто разговаривает с птицами, – ему вспомнилось крылатое существо, которое атаковало его в роще над Стеффлодом, – но он понимал, что сейчас глупо упоминать о тех событиях. Более того, решил, что это было бы грубо. Джелой показала себя надежным союзником и полезным другом. Разве она не имела права на тайны, на которых основана ее жизнь?

– Я думаю, валада Джелой права, сир, – тихо сказал он. – Она уже не раз доказала, что является нашим верным союзником. И сейчас принесла нам важную новость.

Джошуа немного помолчал, а потом кивнул.

– Хорошо, Джелой, а ваши крылатые друзья не знают, как велика наступающая армия и насколько скоро они здесь будут?

Она задумалась.

– Я бы сказала, что речь идет о сотнях людей, Джошуа, однако это всего лишь догадка. Птицы не умеют считать. Двигаются они не слишком быстро, но меня не удивит, если они окажутся здесь приблизительно через месяц.

– Кровь Эйдона, – выругался Джошуа. – Думаю, это Гутвульф и эркингарды. Я надеялся, что у нас будет время на подготовку до весны, но его осталось так мало. – Он поднял взгляд. – Вы уверены, что они направляются именно сюда?

– Нет, – просто ответила Джелой. – Но куда еще они могут идти?

Деорнот вдруг осознал, что вместо страха испытывает облегчение. Конечно, они не хотели такого развития событий, но их положение не было безнадежным. Несмотря на то что они располагали совсем небольшим количеством воинов, они занимали хорошо укрепленную позицию, полностью окруженную водой, и у них оставалась надежда, что они сумеют отбить атаку врага. И впервые появится шанс нанести ответный удар Элиасу после уничтожения Наглимунда. Деорнот почувствовал приближение жестоких сражений. Не так уж плохо будет упростить мир, ведь у них не останется выбора. Что любил часто повторять Эйнскалдир? *«Сражайся и живи, сражайся и умри, Господь ждет нас всех»*. Да, так и есть. Ничего особо сложного.

– Итак, – наконец сказал Джошуа, – мы оказались между новой жестокой бурей, которая к нам приближается, и армией моего брата. – Он покачал головой. – Мы должны защищаться, ничего другого нам не дано. Прошло совсем немного времени с тех пор, как мы нашли это убежище, и нам снова предстоит сражения и смерть. – Он встал, наклонился и поцеловал жену.

– Ты куда? – Воршева коснулась рукой его щеки, но не стала смотреть в глаза. – Почему ты уходишь?

Джошуа вздохнул.

– Я должен поговорить с Саймоном. А потом я хочу немного прогуляться и подумать. Он вышел в темноту, где властвовал ветер.

Во сне Саймон сидел на массивном троне из гладкого белого камня, его тронный зал представлял собой огромное открытое пространство, заросшее густой зеленой травой. Неестественно синее небо у него над головой походило на глубокую чашу. Вокруг выстроились в круг придворные, а их улыбки казались такими же фальшивыми, как небо.

– *Король несет возрождение!* – крикнул кто-то.

Из толпы придворных вышла темноглазая женщина с длинными прямыми волосами и направилась к трону. Саймон подумал, что ее лицо кажется ему знакомым. Женщина поставила перед ним куклу, сделанную из листьев и камыша, отступила назад и, хотя вокруг было негде спрятаться, исчезла.

– *Возрождение!* – крикнул кто-то другой.

– *Спасите нас!* – присоединился к нему новый голос.

Саймон хотел сказать им, что не располагает такой властью, но бесконечная процессия подобных спицам вращавшегося колеса неотличимых друг от друга лиц продолжала плыть мимо него. Гора подарков постепенно росла. Еще куклы, снопы желтой пшеницы, букеты цветов, яркие лепестки которых казались такими же искусственными, как выкрашенное в синий цвет небо. Вскоре его окружали корзины с фруктами и сыром, а также домашние животные, козы, телята, чье блеяние перекрывало голоса просителей.

– *Я не могу вам помочь!* – закричал Саймон. – *Тут ничего нельзя сделать!*

Бесконечный парад лиц продолжался. Крики и стоны становились громче, и от волновавшегося океана умолявших голосов у него заболели уши. Наконец он посмотрел вниз и увидел, что на подарки, словно поверх погребального кургана, кто-то положил ребенка. Лицо ребенка было серьезным, а глаза – широко раскрыты.

Когда Саймон к нему потянулся, его внимание привлекла кукла, которая была первым подарком. Прямо у него на глазах она начала гнить и чернеть, и вскоре от нее осталось блеклое пятно на ярко-зеленой траве. Другие подношения также стали меняться, разлагаясь с пугаю-

щей быстротой – фрукты лопались и съеживались, покрываясь пеной плесени. Цветы засыхали, превращаясь в хлопья пепла, пшеница обратилась в серую пыль. Саймон с ужасом смотрел, как стреноженные животные раздувались и тут же мгновенно становились скелетами с кишевшими на них отвратительными белыми личинками.

Саймон попытался слезть с трона, но диковинное сиденье начало изгибаться и скользить под ним, раскачиваясь так, словно задрожала сама земля. Он упал на колени в грязь. Где ребенок? Где? Он погибнет, как и все остальное, и его настигнет разложение, если Саймон ему не поможет! Он нырнул вперед и стал пробираться сквозь вонючий перегной, в который превратились подношения, но нигде не находил ребенка – лишь заметил блеск золота в куче... Саймон погружался в темную массу до тех пор, пока она не окружила его со всех сторон, забивая нос и заполняя глаза, точно кладбищенская земля. Неужели там, в тени, блеснуло золото? Он должен погрузиться еще глубже. Ведь у ребенка на руке был золотой браслет?.. Глубже. Ему становилось все труднее дышать...

Саймон проснулся в темноте. После нескольких мгновений паники он высвободился из плаща, перекатился к выходу и, выбравшись наружу, увидел несколько звезд, чей свет пробивался сквозь тучи. Сердце у него в груди стало биться медленнее, он понял, что находится в палатке, которую делил с Бинабиком. Джелой, Стрэнгъярд и тролль помогли ему сюда дойти из Обсерватории. Как только они уложили его на тюфяк, он сразу заснул, и ему приснился странный сон. Но был еще и другой, разве не так – путешествие по Дороге Снов, теневой дом и корабль с призраками? Теперь он уже почти не мог отличить один от другого и не знал, где между ними проходила граница. Собственная голова казалась ему тяжелой и какой-то мутной.

Саймон высунул голову наружу и, вдохнув холодный воздух,пил его, как вино. Постепенно его мысли прояснились, и он вспомнил, что все они отправились в Обсерваторию, чтобы пройти по Дороге Снов, но им не удалось отыскать Мириамель. Это было гораздо важнее какого-то кошмара про куклы, детей и золотой браслет. Они попытались добраться до Мириамель, но что-то им помешало, наверное, то, о чем предупреждала Джелой. Саймон отказался сдаться. Он продолжал идти дальше, но остальные ему не помогли, и он едва не заблудился в каком-то очень плохом месте.

Я почти до нее дотянулся. Почти! Я знаю, что у меня получилось бы, если бы я попытался еще раз!

Но они использовали последние лекарственные растения Джелой, в любом случае время, когда можно было ходить по Дороге Снов, практически закончилось. У него никогда не будет другого шанса... *если только...*

У Саймона появилась идея – пугающая, но очень умная, – и она возникла только сейчас, когда он путался в собственных мыслях.

– Я удивлен, что ты проснулся. – Лампа, которую держал Джошуа, заливала его худое лицо желтым светом. – Бинабик сказал, что, когда он уходил, ты спал.

– Я только что проснулся, ваше высочество. – Саймон попытался встать, но зацепился за ткань палатки и едва не упал.

– Тебе не следует вставать. Тролль сказал, что ты пережил на Дороге Снов трудное время. Я не до конца понимаю, что вы четверо делали, но мне очевидно, что ты должен оставаться в постели, – сказал Джошуа.

– Я в порядке. – Если принц считает его больным, он никуда его не отпустит. Саймон не хотел, чтобы его не взяли в следующие экспедиции. – Правда. Всего лишь плохой сон. Я в порядке.

– Хм-м-м. – Джошуа с сомнением на него посмотрел. – Ну, если ты так уверен. Тогда пойдем – прогуляйся немного со мной. Быть может, потом ты сможешь еще немного поспать.

– Прогуляться?.. – Саймон беззвучно выругал себя.

Как раз в тот момент, когда ему хотелось побыть одному, глупая гордость снова его обманула. И все же у него появился шанс поговорить с Джошуа.

– Да, совсем немного, до вершины холма, – сказал принц. – Накинь на себя что-нибудь. Бинабик никогда меня не простит, если ты подхватишь лихорадку, пока находишься на моем попечении.

Саймон вернулся в палатку и взял плащ. Некоторое время они молча шли рядом. Свет лампы Джошуа странным образом отражался от разбитых камней Сесуад'ры.

– Я очень хочу вам помочь, принц Джошуа, – наконец заговорил Саймон. – Хочу вернуть меч вашего отца.

Джошуа не ответил.

– Если вы отпустите со мной Бинабика, нас никто не заметит. Мы слишком незначительные, чтобы привлечь внимание короля. Мы принесли вам Шип и сможем добыть и Сияющий Коготь.

– К нам приближается армия, – сказал принц. – Похоже, мой брат узнал, что мы спаслись, и теперь хочет исправить свою ошибку.

Когда Джошуа рассказал Саймону новость, которую птицы принесли Джелой, тот почувствовал странное удовлетворение. Значит, у него появится шанс что-то сделать! Но через мгновение он вспомнил о женщинах, детях и стариках, которые нашли в Новом Гадринсете дом, и ему стало стыдно.

– Что мы можем сделать? – спросил Саймон.

– Будем ждать. – Джошуа остановился перед окутанной тенями громадой Дома Воды. Темный ручеек струился по камням у их ног. – Теперь все другие дороги для нас закрыты. Мы ждем и готовимся. Когда Гутвульф или тот, кто ведет войско, появится – возможно, сам Элиас, – мы станем сражаться, чтобы защитить наш новый дом. Если мы проиграем... ну, тогда все будет кончено. – Ветер взметнул полы их плащей, дергал за одежду. – А если Господь дарует нам победу, мы попытаемся идти вперед и постараемся ею воспользоваться.

Принц сел на упавший кусок каменной кладки и жестом предложил Саймону к нему присоединиться. Джошуа поставил лампу на землю, и теперь их тени на стенах Дома Воды стали гигантскими.

– Мы должны проживать нашу жизнь день за днем, – продолжал принц. – И не думать о далеком будущем – иначе мы можем потерять все, что у нас есть.

Саймон смотрел на танцевавшее пламя.

– А как же Король Бурь?

Джошуа плотнее запахнул плащ.

– Я не знаю – это огромная проблема. Мы должны держаться того, что понимаем. – Он указал рукой в сторону спавшего палаточного городка. – И охранять невинных. Теперь ты рыцарь, Саймон, таков твой долг – ты дал клятву.

– Я знаю, принц Джошуа.

Джошуа некоторое время молчал.

– А мне необходимо думать о собственном ребенке, – продолжал принц. По его лицу, освещенному лампой, промелькнула мрачная улыбка. – Надеюсь, родится девочка.

– В самом деле? – спросил Саймон.

– В молодости я надеялся, что мой первенец будет мальчиком. – Джошуа обратил лицо к звездам. – Я мечтал о сыне, который полюбит учение и справедливость, но у него не будет моих неудач. – Джошуа покачал головой. – Но теперь я надеюсь, что родится девочка. Если мы проиграем и мой сын уцелеет, за ним будет идти вечная охота. Элиас не позволит ему жить. Ну а если нам удастся одержать победу... – Он замолчал.

– Да? – спросил Саймон.

– Если мы победим и я займу трон отца, наступит день, когда мне придется отправить сына сделать то, что будет не по силам мне – нечто опасное и славное. Так всегда бывает с королями и их сыновьями. И я никогда больше не смогу спокойно спать, буду ждать вестей о его гибели. – Он вздохнул. – Вот что я ненавижу в правлении и королевской власти, Саймон. Принц вынужден играть живыми людьми. Я отправил тебя, Бинабика и ваш отряд навстречу опасности – тебя, совсем еще юного, почти ребенка. Нет, я знал, что ты уже вырос, – именно я сделал тебя рыцарем, – но это не делает мои сожаления слабее. Милосердный Эйдон позволил тебе остаться в живых, но от некоторых твоих спутников удача отвернулась.

Саймон ответил ему после коротких колебаний:

– Но быть женщиной – еще не значит избежать ужасов войны, принц Джошуа. Подумайте о Мириамель. И вашей жене, леди Воршеве.

Джошуа задумчиво кивнул.

– Боюсь, ты прав. А теперь будет еще больше сражений и войн – и погибнет очень много невинных и беспомощных людей. – Через мгновение он удивленно поднял голову. – Элизия, мать Господа, чудесное лекарство для того, кто страдает от кошмаров! – Он застенчиво улыбнулся. – Бинабик будет меня ругать – увести его подопечного и говорить с ним о смерти и несчастьях. – Он положил руку Саймону на плечо, а потом поднялся на ноги. – Я провожу тебя до палатки. Ветер становится все более яростным.

Когда принц наклонился, чтобы поднять лампу, Саймон заглянул в его бледное лицо и ощутил болезненную любовь к Джошуа, любовь, смешанную с жалостью, – неужели все рыцари испытывают такие же чувства по отношению к своему господину? Неужели отец самого Саймона, Илференд, был бы таким же суровым и добрым, как Джошуа, если бы остался в живых? И вели бы Саймон и Илференд такие же беседы?

Но, что еще важнее, – подумал Саймон, когда они шли по волновавшейся траве, – гордился бы Илференд своим сыном?

Они увидели блестящие глаза Кантаки еще до того, как появился Бинабик, маленькая темная фигурка, стоявшая у входа в палатку.

– Вот и хорошо, – сказал тролль. – Я беспокоился, Саймон, когда увидел, что ты ушел.

– Это моя вина, Бинабик. Мы с Саймоном беседовали. – Джошуа повернулся к Саймону. – Я оставляю тебя в надежных руках. Хороших тебе снов, юный рыцарь. – Принц улыбнулся и ушел.

– А теперь, – сурово сказал Бинабик, – ложись обратно в постель, где тебе следует находиться. – Он указал Саймону на вход, а потом последовал за ним.

Саймон сдержал стон, укладываясь в постель. Неужели в эту ночь все в Новом Гадрин-сетте хотят с ним поговорить?

Но когда Кантака, вошедшая вслед за ним в палатку, наступила ему на живот, Саймон уже не сумел сдержать стон.

– Кантака! *Хиник айя!* – Бинабик замахнулся на волчицу, она зарычала и вышла из палатки. – Пришло время сна.

– Ты мне не мамаша, – пробормотал Саймон. Как он сможет обдумать свою новую идею, если Бинабик все время рядом? – Ты тоже собираешься спать?

– Я не могу. – Бинабик взял запасной плащ и накинул его на Саймона. – Сегодня мы вместе со Слудигом стоим в ночной страже. Когда она закончится, я как можно тише вернусь в палатку. – Он присел рядом с Саймоном. – Хочешь немного поговорить? Джошуа рассказал тебе о группе вооруженных людей, которые сюда направляются?

– Да, рассказал. – Саймон сделал вид, что зевает. – Давай поговорим о них завтра. А теперь я буду спать, раз уж ты сам мне велел.

– У тебя выдался очень трудный день. Не зря Джелой нас предупреждала, что Дорога Снов полна опасностей.

Любопытство заставило Саймона отказаться от ближайших планов.

– А что это было, Бинабик, – там, на Дороге Снов? Похоже на бурю, да еще с искрами? Ты ее видел?

– Джелой не знает, я тоже, – ответил Бинабик. – Какое-то нарушение порядка, так она сказала. «Буря» – хорошее слово, мне кажется, это вариант плохой погоды на Дороге Снов. Но чем она была вызвана, можно только догадываться. И даже догадки лучше не строить темной ночью. – Он встал. – Спокойного тебе сна, друг Саймон.

– Доброй ночи, Бинабик. – Саймон слышал, как тролль вышел наружу и свистнул, подзывая Кантаку, потом долго лежал тихо, насчитал две сотни ударов сердца и только после этого выскользнул из-под плащей и отправился на поиски зеркала Джирики.

Он нашел его в седельных сумках, которые Бинабик сберег, когда Искательница потерялась. Здесь же лежала Белая стрела, а также довольно тяжелый сверток с завязками, в первый момент вызвавший у него недоумение. Саймон взвесил его в руке и принялся сражаться со шнурком, но тут все вспомнил: когда они прощались, Адиту сказала, что Амерасу передала его для Джошуа. Охваченный любопытством Саймон подумал, что ему, возможно, следует открыть загадочный сверток там, где его никто не увидит, но решил, что у него нет времени. Бинабик мог вернуться раньше; лучше пережить упреки из-за отсутствия в постели, чем если кто-то помешает ему реализовать его идею. Он неохотно вернул находку в седельную сумку. Позднее, обещал он себе. Он обязательно передаст сверток принцу, как и обещал.

Саймон остановился только для того, чтоб взять кремни, и выскользнул из палатки в холодную ночь.

Сквозь тучи пробивался слабый лунный свет, и Саймон сумел без проблем отыскать дорогу к вершине холма. Несколько темных фигур двигались по палаточному городу по каким-то своим делам, но никто его не остановил, вскоре он покинул Новый Гадринсетт и оказался в центре развалин Сесуад'ры.

В Обсерватории было пусто. Саймон пробрался к тому месту, где Джелой разводила костер. Пепел все еще оставался теплым, Саймон добавил в него несколько кусочков дерева, лежавших рядом, и посыпал их горстью опилок. Затем ударил кремнем по железу, чтобы снова разжечь костер. Однако огонек тут же погас, и ему пришлось постараться, прежде чем загорелся небольшой костер.

Рамка зеркала Джирики, украшенная резьбой, стала теплой в руке Саймона, но отражающая поверхность, когда он прижал ее к щеке, оставалась холодной как лед. Он подул на нее, как на искру не желавшего разгораться костра, и снова поднес к лицу.

Его шрам, уже не такой яркий, превратившийся в белую линию, шедшую от глаза, вдоль щеки и челюсти, мог принадлежать солдату, сражавшемуся за благородное дело. Снежно-белая прядь также придавала мужественности. Бородка, которую он погладил, не удержавшись, делала его похожим если не на рыцаря, то скорее на юношу, чем на мальчика. Интересно, что подумала бы Мириамель, если бы увидела его сейчас.

Возможно, скоро я ее найду.

Саймон слегка наклонил зеркало так, что свет костра коснулся только половины его лица – другая осталась в красноватой тени. Он тщательно обдумал слова Джелой про Обсерваторию: прежде ситхи, находясь на больших расстояниях, говорили отсюда друг с другом. Он попытался представить, как древность и тишина накрывают его капюшоном. Однажды ему уже удалось отыскать Мириамель при помощи зеркала, хотя он даже не пытался; вдруг у него и сейчас получится, в полной магии Обсерватории?

Пока он смотрел на половинку своего изображения, свет костра изменился, мерцание начало слабо колебаться, потом превратилось в равномерную пульсацию пурпурного цвета.

Лицо в зеркале растворилось в серой дымке, Саймон почувствовал, как он в нее падает, и в голове у него промелькнула короткая радостная мысль:

А ведь никто не хочет учить меня магии!

Рамка зеркала исчезла, и теперь Саймона со всех сторон окружал серый туман. После путешествия, которое он недавно совершил, Саймон не почувствовал страха: он находился на знакомой территории. Но в тот самый момент, когда он об этом подумал, ему в голову пришла новая мысль. Прежде он мог рассчитывать на друзей. Сейчас же рядом не было Лелет, которая могла бы разделить с ним трудности, или Джелой с Бинабиком, способных в любой момент прийти на помощь. Саймон вдруг ощутил легкий укол страха, но сумел с ним справиться. Однажды он использовал зеркало, чтобы связаться с Джирики, не так ли? И тогда никто ему не помогал. И все же небольшая часть его сознания понимала, что призыв о помощи может быть более простым делом, чем путешествие в одиночку по Дороге Снов.

Джелой сказала, что осталось совсем мало времени и скоро Дорога Снов станет непроходимой. Возможно, это его последний шанс связаться с Мириамель и спасти ее, вернуть обратно. Если бы Бинабик и остальные узнали о том, что он задумал, он определенно его лишился бы. Он должен идти вперед. К тому же Мириамель будет довольна и удивлена...

Серая пустота показалась ему более плотной, и теперь он плыл в студеной, мутной воде. Как здесь найти дорогу, если нет ни одного знака? Саймон нарисовал в сознании образ Мириамель, как делал на закате, когда путешествовал по Дороге Снов с друзьями, однако на сей раз ему не удавалось его удержать. Нет, у Мириамель не такие глаза. И волосы, пусть и выкрашенные для маскировки, никогда не были рыжеватого цвета. Он сражался с непокорными картинами, но черты потерявшейся принцессы никак не получались правильными. Он даже не помнил, какими они *должны быть*. У Саймона возникло ощущение, будто он пытается создать витражное стекло при помощи цветной воды: образы сливались, все его попытки получались неудачными.

Между тем серое пространство вокруг него начало меняться. Саймон не сразу это заметил, но если бы он находился в своем теле – о чем он внезапно пожалел, – волосы у него на затылке встали бы дыбом и по всему телу побежали бы мурашки. Что-то разделяло с ним пустоту, нечто очень большое. Он ощущал его мощь, но не так, как во время бури, в которую попал во сне, – это существо *не было* силой, лишенной сознания: от него исходили эманации разума и злобного терпения. Саймон почувствовал, как оно скрупулезно его изучает, так пловец в открытом море понимает, что под ним, в черных глубинах, проплывает огромная рыба с огромными плавниками.

Теперь одиночество Саймона стало внушавшей ужас обнаженностью. Он сопротивлялся, пытаясь войти в контакт с чем-нибудь, способным вытащить его из бесприютной пустоты, чувствовал, как становится меньше от страха и дрожит, точно пламя угасающей свечи, – он не знал, как покинуть это страшное место. Саймон попытался вырваться из жуткого сна, проснуться, но, как в детских кошмарах, ему не удавалось справиться с чарами. Он вошел в сон, не засыпая, – и как же теперь проснуться?

Размытый образ не-Мириамель по-прежнему оставался рядом. Саймон попытался приблизиться к нему, оторваться от огромного медлительного существа, которое его преследовало.

Помогите! – безмолвно закричал он и уловил мерцание узнавания где-то на границе своих мыслей. Саймон потянулся к нему, так жертва кораблекрушения цепляется за деревянный обломок обшивки. Новое присутствие стало немного заметнее, но и существо из пустоты увеличивало собственное могущество, не давая Саймону сбежать. Он почувствовал злобный смех – враг наслаждался безнадежностью его борьбы, но Саймон понимал, что он начал устывать и скоро закончит свою игру. Какая-то убийственная сила окружила его со всех сторон, и ее ледяной холод замораживал все его попытки еще раз дотянуться до далекого присутствия.

И все же Саймон до него добрался сквозь бескрайнее пространство сна и вцепился, стараясь не отпустить.

Мириамель? – подумал он, надеясь, что не ошибся, охваченный ужасом при мысли, что может утратить такой непрочный контакт. Кем бы ни была другая сущность, она наконец поняла, что он где-то рядом, но поймавший его враг уже не отступал. Черная тень двигалась сквозь него, уничтожая свет и мысли...

– *Сеоман?! –* Внезапно он ощутил рядом новое присутствие – и оно не было женским, темным или смертельным. – *Иди ко мне, Сеоман!* – звал он. – *Иди!*

Саймон почувствовал прикосновение тепла. Холодная хватка темного существа на миг стала крепче, а затем исчезла – и не из-за того, что оно потерпело поражение, просто ему надоело тратить силы на мелочи, так кошка теряет интерес к мышке, сумевшей забраться под камень. Серое пространство вернулось, все еще лишённое направления, потом начало клубиться, словно облака под порывами сильного ветра, и перед Саймоном появилось лицо с тонкими чертами и глазами, подобными жидкому золоту.

– *Джирики!*

– *Сеоман,* – ответил ситхи. У него было встревоженное лицо. – *Ты в опасности? Тебе нужна помощь?*

– *Думаю, сейчас мне уже ничего не грозит.* – И в самом деле, он больше не ощущал присутствия жуткого существа. – *Что это был за ужас?*

– *Я точно не знаю, что тебя схватило, но оно не из Наккиги, оказалось, что в мире есть нечто более злое, чем даже мы могли представить.* – Несмотря на разъединенность общения на Дороге Снов, Саймон чувствовал, что ситхи внимательно его изучает. – *Ты хочешь сказать, что обратился ко мне не по какой-то определенной причине?*

– *Нет, я не собирался входить с тобой в контакт,* – ответил Саймон, который теперь, когда ему больше не грозила опасность, почувствовал смущение. – *Я пытался отыскать Мириамель – королевскую дочь. Я тебе о ней рассказывал.*

– *В одиночку, на Дороге Снов?* – В голосе Джирики слышался гнев, смешанный с холодным смехом. – *Юный глупец! Если бы я не отдыхал рядом с тем местом, где ты находишься, –* рядом мысленно, я имел в виду, – *лишь Роцца знает, какая судьба тебя ждала бы.* – Через несколько мгновений от Джирики повеяло теплом. – *И все же я рад, что с тобой все в порядке.*

– *И я рад тебя видеть.* – Так и было. Раньше Саймон не понимал, как сильно ему не хватало спокойного голоса Джирики. – *Мы находимся на Скале Прощания – на Сесуад'ре. Элиас послал к нам армию. Ты можешь помочь?*

Изящное лицо ситхи помрачнело.

– *Я не смогу прийти к вам в ближайшее время, Сеоман. Береги себя. Мой отец Шима'о-нари умирает.*

– *Я... я сожалею...*

– *Он убил пса Нику'а, величайшее животное, когда-либо выросшее на псарнях Наккиги, но получил смертельную рану. Это еще один узел в бесконечном мотке пряжи – еще один долг крови к Утук'ку и...* – Он колебался. – *И еще: Дома собираются. Когда моего отца наконец заберет Роцца, зида'я ступят на тропу войны.* – После короткой вспышки гнева ситхи вновь обрел свое обычное спокойствие, но Саймону показалось, что он уловил легкое напряжение и возбуждение.

Саймон почувствовал надежду.

– *Вы объединитесь с Джошца? И будете сражаться рядом с нами?*

Джирики нахмурился.

– *Я не могу тебе ответить, Сеоман, и не стану давать ложных обещаний. Если все будет так, как хочу я, мы будем воевать и снова ситхи и смертные станут сражаться вместе. Но многие, у кого имеются собственные представления, со мной не согласятся. Мы бес-*

счетные сотни раз танцевали вместе в честь конца года с тех пор, как в последний раз все Дома собирались вместе для военного совета. Взгляни!

Лицо Джирики замерцало и исчезло, и на мгновение Саймон увидел затянутый туманом огромный круг деревьев с серебристыми листьями и высокими, точно башни, стволами. На поляне собралось огромное войско ситхи, сотни бессмертных, закованных в доспехи самых разных форм и цветов, мерцавших в колоннах солнечных лучей, пробивавшихся сквозь листву.

– Смотри. Представители всех Домов пришли в Джао э-Тинукай'и. Здесь Чека'исо Янтарные Локоны, а также Зиньяда из потерянного Кементари, прозванная Госпожа Преданий и Йизаши Серое Копье. Пришел даже Каройи, Высокий Всадник, который не появлялся в Доме Ежегодного танца со времен Ши'ики и Сендиту. Все вернулись, и мы будем сражаться как единый народ, чего не случалось со времени падения Асу'а. Смерть Амерасу и жертва моего отца не будут напрасными.

Войско в доспехах потускнело, и Саймон вновь увидел Джирики.

– Я не располагаю всей полнотой власти, чтобы повести наши силы, – продолжал ситхи, – и у нас, зида'я, есть множество других обязательств. Я не могу обещать, что мы придем, Сеоман, но я приложу все силы, чтобы выполнить свой долг перед тобой. Если ты будешь очень во мне нуждаться, позови меня. Ты знаешь, я сделаю все, что смогу.

– Я знаю, Джирики. – Казалось, ему следовало о многом рассказать ситхи, но разум Саймона пребывал в смятении. *– Я надеюсь, что мы скоро встретимся.*

Наконец Джирики улыбнулся.

– Я уже однажды сказал, мальчик, что мы скоро встретимся – так говорит моя житейская мудрость. Будь храбрым.

– Буду, – ответил Саймон,

Лицо ситхи снова стало серьезным.

– А теперь, пожалуйста, иди. Как ты теперь знаешь, Свидетель и Дорога Снов утратили прежнюю надежность – и стали опасными. Кроме того, я сомневаюсь, что произнесенные здесь слова были недоступны чужим ушам. То, что Дома собираются, не является тайной, но планы зида'я – секрет. Избегай этих мест, Сеоман.

– Но мне нужно отыскать Мириамель, – упрямо сказал Саймон.

– Боюсь, ты отыщишь только неприятности. Оставь свои попытки. Кроме того, нельзя исключать, что она прячется, а ты приведешь к ней врагов.

Саймон с чувством вины подумал об Амерасу, но сообразил, что Джирики не собирался напоминать ему об этом, а хотел лишь предостеречь.

– Ну, как скажешь, – не стал спорить он.

Получается, все было напрасно.

– Хорошо. – Ситхи прищурился, и Саймон почувствовал, что он сейчас уйдет.

Тут ему в голову пришла новая мысль.

– Но я не знаю, как вернуться назад!

– Я тебе помогу. А теперь прощай, мой Хикка стайа.

Черты лица Джирики потускнели и исчезли, и вокруг Саймона остался лишь мерцавший серый туман. По мере того как он начал рассеиваться, Саймон вновь ощутил слабое прикосновение, женское присутствие, к которому потянулся в момент страха. Оставалась ли она с ними во время их разговора? Шпионила ли, как опасался Джирики? Или это Мириамель, которая каким-то образом отделена от него, но чувствует, что он где-то рядом? Кто же это?

Когда Саймон вернулся в свое тело, дрожа от холода под разбитым куполом Обсерватории, он уже сомневался, что когда-нибудь получит ответ на свой вопрос.

6. Морская могила

Мириамель долго расхаживала взад и вперед по маленькой каюте, и ей стало казаться, что доски пола постепенно истончаются у нее под ногами.

Она пребывала в жутком нервном возбуждении и была готова перерезать горло графу, пока он спит. Но теперь, под руководством Ган Итаи, она спрятала украденный кинжал и ждала – вот только сама не знала, чего именно. Мириамель дрожала, но не от гнева и разочарования: ее мучил страх, который ей удалось преодолеть благодаря мысли, что все закончится быстро, но теперь он вернулся. Как скоро Аспитис заметит пропажу кинжала? Несомненно, он решит, что его украла Мириамель. И тогда он придет к ней, готовый ко всему, а она отправится на свадьбу в настоящих цепях, как Кадрах.

Расхаживая по каюте, она обращалась к благословенной Элизии и Усирису с просьбой о помощи, но как-то равнодушно, словно они были ее старыми родственниками, глухими и утратившими разум. У нее больше не осталось сомнений, что все случившееся с нею на этом корабле совершенно не интересовало богов, позволивших ей оказаться в таком ужасном положении.

Мириамель говорила себе, что совершила две ошибки. После детства, проведенного в окружении льстецов и слуг, она твердо верила, что есть только один способ добиться достойной жизни: слушать себя и решительно идти вперед, не обращая внимания на слова и действия других людей, – но именно такое поведение привело ее в столь ужасающее положение. Она сбежала из замка дяди, не сомневаясь, что только она одна способна изменить ход событий, но жестокое течение времени и истории не стали ее дожидаться, и то, что она рассчитывала предотвратить, случилось – Наглимунд пал, армия Джошуа разбита, – и она лишилась цели.

И теперь ей казалось, что самое разумное – прекратить сопротивление, положить конец бесконечным попыткам плыть против течения и начать дрейфовать по жизни, ни о чем не думая. Однако и этот план оказался таким же глупым, как и предыдущий, апатия привела ее в постель Аспитиса, а скоро она станет его королевой. Мириамель на некоторое время позволила безысходности взять над собой верх – она убьет Аспитиса, а потом с ней разберутся его люди, все быстро закончится, и у нее не останется сложных обязательств. Но Ган Итаи ее остановила, и теперь она бездействовала вместе с кораблем, попавшим в штиль.

Наступил час выбора, так говорили Мириамель ее учителя – как в случае с Пелиппой, изнеженной женой аристократа, которой пришлось решать, следует ли ей объявить о своей вере в осужденного Усириса. Картины из детского молитвенника были все еще свежи в памяти Мириамель. Юную принцессу больше всего завораживала серебряная краска на платье Пелиппы. О самой Пелиппе Мириамель особенно не думала, как и о попавших в легенды и истории обычных людях, изображения которых украшали стены.

Лишь совсем недавно ее заинтересовали их чувства. Могли ли воевавшие короли, изображенные на гобеленах Санцеллана, расхаживать взад и вперед в своих древних залах, когда им приходилось принимать мучительно трудные решения, не думая о людях, которые родятся через столетия, а стараясь рассмотреть незначительные факты текущего момента, чтобы увидеть в них закономерность, способную помочь им сделать правильный выбор?

Корабль тихонько покачивался на мелкой зыби, солнце неспешно поднималось в небо, а Мириамель продолжала расхаживать по каюте и думать. Наверняка должен существовать путь, который позволит сохранить отвагу, не совершая глупостей, быть упругой, не превраща-

ясь в расплавленный воск. И где-то между крайностями есть возможность уцелеть? И если так, сможет ли она выстроить для себя дальше достойную жизнь?

В каюте, освещенной лампой, вдали от солнца, Мириамель продолжала размышлять. Она мало спала прошлой ночью – и сомневалась, что уснет в следующую... если вообще до нее доживет.

В дверь негромко постучали. Мириамель считала, что готова к встрече с Аспитисом, но ее пальцы дрожали, когда она потянулась к дверной ручке.

Пришла Ган Итаи, но в первый момент Мириамель подумала, что это другая ниски, так сильно изменилась внешность смотрящей-за-морем. Золотисто-коричневая кожа стала почти серой, на лице появились новые морщины, глаза покраснели, и Мириамель показалось, что они смотрят на нее откуда-то издалека. Ниски завернулась в плащ, словно влажный застоявшийся воздух, предшествующий буре, мог вызвать простуду.

– Клянусь милосердием Эйдона! – воскликнула Мириамель, поспешно впуская в каюту Ган-Итаи и закрывая за ней дверь. – Вы больны? Что случилось? – Конечно, Аспитис узнал о пропаже кинжала – другой причины для ужасного вида ниски быть не могло. Мириамель даже с некоторым облегчением смотрела теперь в будущее. – Вам что-то нужно. Вода?

Ган Итаи лишь устало подняла руку.

– Мне ничего не нужно. Я... размышляла.

– Размышляли? О чем? – спросила Мириамель.

Ниски покачала головой.

– Не перебивай меня, девочка. Я должна кое-что тебе сказать. Я приняла решение. – Ниски уселась на кровать Мириамель, двигаясь так, словно она постарела на сорок лет. – Во-первых, ты знаешь, где находится шлюпка?

Мириамель кивнула.

– В центре корабля, по правому борту, висит на веревках брашпиля. – Все же была некоторая польза от детства, проведенного на берегу моря.

– Хорошо. Отправляйся туда сегодня днем, когда будешь уверена, что тебя никто не увидит. И спрячь там вот это. – Ниски распахнула плащ и бросила на кровать несколько свертков. Четыре меха, наполненных до верха водой, и еще два, завернутых в мешковину. – Хлеб, сыр и вода, – объяснила Ган Итаи. – И несколько костяных крючков, чтобы ты могла поймать рыбу и пополнить запас еды. Еще кое-какие мелочи, которые могут оказаться для тебя полезными.

– И что это значит? – Мириамель вопросительно посмотрела на пожилую женщину.

Ган Итаи все еще выглядела так, словно на ее плечах лежала огромная тяжесть, но глаза приобрели осмысленное выражение. Более того, они заблестели.

– Ты спасешься. Я не стану сидеть и смотреть, как тебя опутывает зло. И не смогу называть себя истинной дочерью Навигатора, если ничего не сделаю.

– Но это же невозможно! – Мириамель пыталась прогнать безумную надежду. – Даже если я сумею покинуть корабль, Аспитис выследит меня за несколько часов. И ветер поднимется задолго до того, как я успею добраться до земли. Неужели вы думаете, что я сумею исчезнуть в дюжине лиг открытого моря или грести быстрее, чем плывущее под парусом «Облако Эдны»?

– Грести быстрее? Нет. – На лице Ган Итаи появилось странное гордое выражение. – Конечно нет. Мой корабль быстроходен, как дельфин. Ну, а как... предоставь это мне, дитя. Таков мой долг. Однако тебе предстоит сделать кое-что еще.

Мириамель проглотила дальнейшие возражения. Глупое упрямство ни к чему хорошему не приводило ее в прошлом.

– Что?

– В трюме, в одной из бочек, стоящих у правого борта, лежат инструменты и другие металлические предметы, залитые маслом. На бочке есть надпись, и ты найдешь ее без труда. Спустись в трюм после заката, возьми долото и молоток и разбей цепи Кадраха. Но он должен будет это скрыть – на случай, если кто-то спустится в трюм.

– Разбить его цепи? Но весь корабль меня услышит. – Мириамель почувствовала, как ее охватывает усталость.

Она уже не сомневалась, что план ниски невозможно осуществить.

– Если меня не подводит нос, очень скоро начнется шторм, – заявила Ган Итаи. – А корабль издает множество звуков под сильным ветром. – Ниски подняла руку, чтобы предотвратить дальнейшие вопросы. – Просто разбей цепи, после чего уходи из трюма и возвращайся в свою каюту или любое другое место, но *не позволяй никому закрыть тебя на замок*. – Она выразительно взмахнула рукой. – Даже если тебе придется притвориться больной или безумной, ты не должна допустить, чтобы тебя закрыли на ключ. – Золотые глаза смотрели на Мириамель до тех пор, пока та не почувствовала, как исчезают все ее сомнения.

– Да, – сказала она. – Я так и сделаю.

– Затем, в полночь, когда луна окажется *вот здесь*, – ниски указала на точку на потолке, словно небо находилось прямо над ними, – спустись вниз за своим ученым другом и отведи его к шлюпке. А я позабочусь, чтобы ее спустили на воду. – Ган Итаи подняла взгляд, словно ей в голову пришла новая мысль. – Ради того, чего-нет-на-карте, сделай так, чтобы в лодке были весла! Отыщи их после того, как спрячешь воду и еду.

Мириамель кивнула. Что же, вопрос решен. Она сделает все, что в ее силах, чтобы жить, но если потерпит неудачу, то не будет сопротивляться неизбежному. Даже став ее мужем, Аспитис Превес не сможет заставить ее жить против воли.

– А что будете делать вы, Ган Итаи?

– То, что должна.

– Но это был не сон! – Тиамак начал сердиться. Как же убедить огромного грубияна римера? – Со мной говорила Джелой, мудрая женщина из леса Альдхорт, ей помогала девочка, она появлялась во всех моих последних снах. Я читал про такое. Это одна из возможностей Искусства адептов.

– Успокойся, друг. Я не говорю, что ты все выдумал. – Изgrimнур отвернулся от старика, терпеливо ждавшего следующего вопроса, который задаст ему герцог. И, хотя он не мог ответить, тот-кто-был-Камарисом, казалось, получал детское удовольствие от внимания и мог часами с улыбкой сидеть рядом с Изgrimнуром. – Я слышал про Джелой. Я тебе *верю*. И, когда мы сможем отсюда уйти, твоя Скала Прощания станет вполне подходящей целью. Ходят слухи, будто лагерь Джошуа находится где-то рядом с ней. Но я не могу допустить, чтобы любой сон, пусть и призывающий к срочным действиям, заставил меня уйти прямо сейчас.

– Почему? – Тиамак и сам не знал, по какой причине он чувствовал необходимость покинуть постоялый двор как можно скорее. Просто ему надоело быть бесполезным. – Что мы можем сделать *здесь*?

– Я жду Мириамель, племянницу принца Джошуа, – ответил риммер. – Диниван послал меня на этот богом забытый постоялый двор. Быть может, он и ее сюда направил. И раз уж я поклялся ее найти – а я потерял след, – то должен некоторое время здесь оставаться.

– Но если он послал ее сюда, почему она еще не пришла? – Тиамак знал, что напрашивается на неприятности, но ничего не мог с собой поделать.

– Возможно, ее задержали. Быстро добраться сюда пешком невозможно. – Маска спокойствия начала сползать с лица Изgrimнура. – Проклятье. Успокойся! Я рассказал тебе все, что знаю. Если хочешь уйти, иди! Я не стану тебе мешать.

Тиамак закрыл рот, повернулся и захромал туда, где лежали его вещи. Он принялся их разбирать, без особого желания готовясь к уходу.

Но следует ли это делать? Ему предстояло длинное путешествие, и лучше проделать его со спутниками, пусть и не обращающими внимания на его чувства. Или правильнее вернуться в свой дом на баньяне, в самом сердце болот, возле деревни Роцца. Но соплеменники потребуют от него ответа, они захотят узнать, чем закончилась его миссия в Наббане – и что он им ответит?

Тот, Что Всегда Ступает по Песку, помоги мне избавиться от сомнений и неуверенности!

Дрожавшие пальцы Тиамака коснулись пергамента, он вытащил страницу из утраченной книги Ниссеса и немного покачал ее на ладони. Этот маленький успех в любом случае никто у него не отнимет. Он, и только он, ее нашел. Но печаль печалей, рядом больше нет Моргенеса и Динивана, чтобы восхититься отрывком!

...Приведите из Скалистого сада Нуанни, —

прочитал он про себя. —

*Того, кто хоть и ослеплен, но может видеть.
Найди Клинок, что положит Розу
К подножию великого Дерева риммера.
Найди Призыв, чей громкий Зов
Назовет имя Зовущего.
На корабле в самом Мелком Море,
Когда Клинок, Призыв и Человек
Придут к правой Руке Принца,
Тогда Пленник снова обретет свободу...*

Тиамак вспомнил ветхое святилище Нуанни, которое нашел во время своих блужданий по городу несколько дней назад. Тяжело дышавший, полуслепой священник не сумел рассказать ему ничего важного, хотя весьма охотно заговорил с ним после того, как Тиамак бросил несколько мелких монеток в чашу для приношений. Судя по всему, Нуанни был морским богом древнего Наббана, но дни его славы прошли до того, как появился юный Усирис. Сейчас последователей древнего Нуанни почти не осталось, заверил его священник, и, если бы не несколько маленьких островков, где обитали его суеверные почитатели, никто из ныне живущих не помнил бы имя Нуанни, хотя когда-то бог охранял моряков и его истово почитали все, кто бороздил океаны. Старый священник полагал, что это последнее святилище бога на континенте.

Тиамак получал удовольствие от звучания теперь уже знакомого имени, которое ему встретилось в пергаменте, но сейчас о нем не думал, он размышлял о первой строке таинственного стихотворения – может ли «Скалистый сад Нуанни» означать разбросанные острова залива Фираннос?..

– Что у тебя там, малыш? Быть может, карта?

– Ничего. Вас это не касается. – Тиамак быстро свернул пергамент и убрал в сумку к другим вещам.

– Нет нужды пытаться откусить мне голову, – проворчал герцог. – Давай, приятель, поговори со мной. Ты и в самом деле уходишь?

– Я не знаю. – Тиамак не хотел поворачиваться и смотреть на него. Риммер был таким огромным и внушительным, что вранн рядом с ним чувствовал себя ужасно маленьким. – Может быть. Но мне будет сложно проделать такой длинный путь в одиночку.

– Кстати, а как ты пойдешь? – Интерес в голосе Изгримнура казался искренним.

Тиамак задумался.

– Один я не буду привлекать внимание. Поэтому выберу самый прямой путь, по суше через Наббан и владения тритингов. Это будет долго, но я не боюсь лишних усилий. – Тут он нахмурился, вспомнив о больной ноге. Она так и не зажила, и он понимал, что едва ли сможет пройти значительное расстояние. – Возможно, я куплю ослика, – добавил он.

– Для вранна ты хорошо говоришь на вестерлинге. – Изгримнур улыбнулся. – Ты используешь слова, которых я не знаю.

– Я же объяснял, – сухо ответил Тиамак. – Мне довелось учиться вместе с эйдонитскими братьями в Пердруине. Кроме того, я многое узнал от Моргенеса.

– Конечно, – кивнул Изгримнур. – Но если тебе придется путешествовать – не привлекая внимания, как ты сказал, – что тогда? Ты воспользуешься тайными тропами болотных жителей или что-то вроде того?

Тиамак посмотрел на Изгримнура и обнаружил, что тот внимательно его изучает. Тиамак тут же опустил глаза, пытаясь скрыть улыбку. Риммер пытался его обмануть, словно Тиамак был ребенком! Однако это показалось вранну забавным.

– Наверное, я полечу.

– Полетишь?! – Тиамак представил недоумение, которое появилось на лице герцога. – Ты спятил?

– О нет, – серьезно ответил Тиамак, – это фокус, известный всем путешественникам-враннам. Как вы думаете, почему нас можно увидеть только в Кванитупуле, где мы *позволяем* себя увидеть? Вам наверняка известно, что когда огромные, неуклюжие жители материка заявляются во Вранн, они не находят там ни одной живой души. А дело в том, что мы, когда требуется, можем летать. В точности как птицы. – Он искоса бросил взгляд на герцога. Лицо Изгримнура выглядело именно так, как он рассчитывал. – К тому же, если бы мы не умели... как бы мы добирались до гнезд на вершинах деревьев, где откладываем яйца?

– Клянусь красной кровью! Эйдон на Дереве! – громко выругался Изгримнур. – Будь ты проклят, болотный житель. Ты надо мной смеешься, да?

Тиамак сжался, ожидая, что сейчас в него полетит какой-то тяжелый предмет, но через мгновение увидел, что герцог смеется и качает головой.

– Наверное, я сам напросился, – проворчал он. – Похоже, у враннов есть чувство юмора.

– Не исключено, что им обладают и жители материка, – ответил Тиамак.

– Однако проблема остается, – не сдавался Изгримнур. – В последнее время жизнь постоянно заставляет нас делать трудный выбор. Клянусь именем Спасителя, я сделал свой и теперь должен с ним жить: если Мириамель не появится до двадцать первого дня октандера – в День Души, – тогда я скажу «достаточно» и отправлюсь на север. Таков мой выбор. А теперь твоя очередь – ты либо останешься, либо уйдешь. – Изгримнур снова повернулся к старику, который наблюдал за их разговором с кротким непониманием. – Надеюсь, ты останешься, маленький человечек, – добавил он.

Некоторое время Тиамак на него смотрел, потом встал и подошел к окну. Внизу темный канал блестел в лучах полуденного солнца, точно зеленый металл. Тиамак уселся на подоконник и спустил больную ногу вниз.

У Инихи Красный Цветок были темные волосы, —

тихонько запел он, глядя на проплывавшие мимо плоскодонки. —

*Темные волосы, темные глаза. Она была стройной, как лоза,
И пела для сизых голубей.
Ай-ай, она пела для них всю ночь напролет.*

*Шоанег Быстрый Гребец услышал ее,
Услышал и полюбил. Он был сильным, как баньян,
Но у него не было детей.
Ай-ай, у него не было тех, кто понесет его имя.*

*Шоанег призвал Красный Цветок,
Ухаживал за ней и завоевал. Их любовь была быстрой
И опасной.*

*И она пришла к нему домой.
Ай-ай, ай-ай, и ее перо повисло над его дверью.*

*Инихи родила мальчика,
Выкормила его и любила. Он был милым, как прохладный ветер,
И носил имя Быстрого Гребца.
Ай-ай, ай-ай, вода была безопасной для него, точно песок.*

*Ребенок рос удивительным,
Он греб и бегал. Легкий, как кролик,
Уходил далеко от дома.
Ай-ай, ай-ай, он не любил домашний очаг.*

*Однажды его лодка вернулась пустой,
Она плыла, тихо вращаясь на воде. Пустая, как скорлупа ореха.
Ребенок Красного Цветка исчез.
Ай-ай, ай-ай, ветер унес его, подобно пушку семян чертополоха.*

*Шоанег сказал, забудь о нем,
Жестко, бездушно.
Он был глупым птенцом,
Что летит прочь из дома.
Ай-ай, ай-ай, отец проклял его имя.*

*Инихи не могла в это поверить,
Она скучала и скорбела по сыну. Печальная, как осенние листья.
От ее слез промок камышовый пол.
Ай-ай, ай-ай, она плакала об утраченном сыне.*

*Красный Цветок отчаянно хотела его найти,
Она надеялась и молилась, подобно охотящейся сове,
Кто стал бы искать ее сына.
Ай-ай, ай-ай, она найдет утраченного сына.*

*Шоанег сказал, что запрещает ей,
Он кричал и приказывал. Он разгневался, как пчелиный улей,
Если она уйдет, у него больше не будет жены.
Ай-ай, ай-ай, он сорвет ее перо со своих дверей...*

Тиамак смолк. Баржа с оравшими что-то враннами пыталась пройти по узкому боковому каналу и терлась о сваи причала, торчавшие перед постоянным двором, точно гнилые зубы. По воде канала бежали волны. Тиамак повернулся, чтобы посмотреть на Изгримнура, но герцог вышел из комнаты. Остался только старик, продолжавший глядеть в пустоту, по его губам бродила странная улыбка.

Прошло много лет с тех пор, как мать Тиамака пела ему эту песню. История об ужасном выборе Инихи Красный Цветок была ее любимой. От мыслей о матери в горле Тиамака перехватило. Он предал доверие, которое она хотела бы, чтобы он сохранил, – и он в долгу перед своим народом. И что теперь делать? Ждать здесь вместе с обитателями материка? Отправиться к Джелой и другим членам Ордена, которые его звали? Или с позором вернуться в родную Рощу? Тиамак знал: что бы он ни выбрал, призрак матери будет наблюдать за ним и скорбеть из-за того, что он повернулся спиной к своему народу.

Он нахмурился, словно ощутил вкус горечи. Но в одном Изгримнур был прав. В нынешние мрачные дни жизнь заставляет каждого делать трудный выбор.

– Тащите ее! – послышался голос. – Быстро!

Мегвин проснулась и обнаружила перед собой белую пустоту. Переход получился таким странным, что на мгновение она подумала, будто еще спит. Она наклонилась вперед, пытаясь переместиться сквозь серую пелену, но что-то ей мешало. Она ахнула и ощутила яростный, сильный холод. Мегвин склонилась над пропастью и посмотрела на стену кружившегося снега. Грубые руки сжимали ее плечи.

– Держите крепче!

Она отпрянула, стремясь избежать опасности, стараясь избавиться от тех, кто ее держал. Когда она ощутила, что ее со всех сторон окружает надежный камень, она сделала глубокий вдох и прекратила сопротивляться. Падавшие снежинки быстро заполняли следы, оставшиеся от ее колен у края пропасти. Под снежным покровом почти исчезли остатки костра.

– Леди Мегвин – мы здесь, чтобы вам помочь!

Она ошеломленно огляделась по сторонам. Двое мужчин продолжали крепко ее держать, третий стоял в нескольких шагах за спиной. Все были одеты в тяжелые плащи, лица защищали от холода шарфы. У одного на плаще она заметила потрепанный символ клана Кройх.

– Зачем вы меня сюда притащили? – спросила она. – Я была с богами!

– Еще немного, и вы бы упали, леди, – сказал мужчина, стоявший у ее правого плеча. По его руке, сжимавшей ее плечо, Мегвин поняла, что он дрожит. – Мы искали вас три дня.

Три дня! Мегвин потрянула головой и посмотрела в небо. Судя по слабому сиянию солнца, после рассвета прошло совсем немного времени. Неужели она действительно провела с богами столько времени? Казалось, миновало всего одно мгновение. Если бы мужчины ее не нашли...

Нет, – сказала она себе. – Это эгоизм. Я должна вернуться – а если бы я упала в пропасть и умерла, от меня уже не было бы никакой пользы.

У нее есть долг: выжить. И это больше, чем долг.

Мегвин разжала пальцы, и камень дварров упал на землю. Она почувствовала, как ее сердце увеличивается в размерах. Она оказалась права! Она поднялась на Брадах-Тор, как велел голос во сне. И здесь ей вновь приснился сон, столь же захватывающий, как те, что привели сюда.

Мегвин чувствовала, что к ней тянется посланец богов в образе высокого рыжего юноши. Хотя черты его лица скрывал туман сна, она догадалась, что он очень красив. Возможно, это один из павших героев старого Эрнистира, Эйргад Твердое Сердце или принц Синнах, которых взяли на небо, чтобы они жили с Бриниохом и остальными богами!

Во время первого видения в пещере она лишь почувствовала, что он ее ищет, но, когда попыталась до него дотянуться, сон рассеялся, оставив ее одинокой и замерзшей на вершине скалы. Потом, когда она снова заснула, Мегвин поняла, что посланец опять пытается ее найти, ощутила, как отчаянно он к ней стремится, поэтому напряглась изо всех сил, продираясь сквозь ткань сна, чтобы до него добраться. Но когда она наконец его коснулась, он мгновенно перенес ее в земли, где жили боги.

И она не сомневалась, что увидела там одного из них! Но его окутывал туман – быть может, живые смертные не способны смотреть на богов в их истинной форме – лицо, которое появилось перед ней, не могло принадлежать ни мужчине, ни женщине. И доказательством тому служили горящие, невероятные, золотые глаза. Быть может, ей показался сам Бриниох, что перемещает тучи! Посланец, чей дух оставался с ней, казалось, что-то сказал богу о высоком месте – и он не мог иметь в виду ничего, кроме того места, где лежало спящее тело Мегвин, пока ее душа металась во сне, – затем посланец и бог упомянули королевскую дочь и умершего отца. Мегвин плохо их понимала, голоса доходили до нее искаженным эхом, словно через длинный туннель или из бездонной пропасти, – но о ком еще они могли говорить, как не о Мегвин и ее отце Ллуте, который умер, защищая свой народ?

Далеко не все произнесенные слова доходили до Мегвин, но их смысл не вызывал сомнений: боги готовились к сражению. Конечно, из этого следовало, что они наконец готовы вмешаться. На мгновение ей позволили взглянуть на небесные залы. Там собралась могучая армия, воины с горевшими глазами и развевавшимися волосами, закованные в разноцветные доспехи, похожие на крылья бабочек, копья и мечи мерцали, точно молнии на летнем небе. Мегвин посчастливилось увидеть богов в период их славы и расцвета. Да, это должно быть правдой! Теперь у нее не может быть никаких сомнений, разве не так? Боги собирались выйти на поле боя и отомстить врагам Эрнистира.

Она раскачивалась из стороны в сторону, а двое мужчин ее поддерживали. Мегвин чувствовала, что если бы она сейчас спрыгнула с вершины Брадах-Тора, то не упала бы, а полетела вниз, точно стрела, чтобы сообщить своему народу замечательную новость. Она рассмеялась над собой и своими глупыми идеями, а потом уже от радости, что боги полей сражений, воды и неба выбрали именно ее, чтобы она сообщила о приближавшемся искуплении.

– Миледи? – Голос мужчины наполнял тревога. – Вам плохо?

Мегвин не обратила на его слова внимания, воспламененная своими мыслями. Даже если она не может летать, ей следует поспешить вниз, к пещере, где жили эрнистирийцы в изгнании. Время пришло!

– Я никогда не чувствовала себя лучше, – заявила Мегвин. – Ведите меня к моему народу.

Когда мужчины помогли Мегвин выйти на тропу, у нее начало урчать в животе, и она поняла, что возвращается голод. Три дня она спала, ей снились сны, она смотрела на снежную белизну гор и практически ничего не ела. Ее наполняли слова небес, но внутри поселилась пустота. Как же ее заполнить? Мегвин оглушительно расхохоталась и остановилась, чтобы стряхнуть снег с одежды. Было очень холодно, но она согрелась. Она находилась далеко от дома, но компанию ей составляли самые разные мысли. Она жалела, что не может разделить свой триумф с Эoleyром, но даже воспоминание о нем не вызвало у нее печали, как неизменно

бывало прежде. Он делал то, что следовало, и если боги убедили ее, что она должна его отослать, значит, у них имелась причина. Разве имеет она право испытывать сомнения, когда она получила все, что было обещано, за исключением последнего, главного дара, который, как она знала, придет очень скоро?

– Я говорила с богами, – сказала она троем встревоженным мужчинам. – Они не оставили нас в это ужасное время – они придут на помощь.

Мужчина, который стоял рядом с ней, бросил быстрый взгляд на своих спутников, поставился улыbnуться и сказал:

– Да славятся их имена.

Мегвин так поспешно собирала свои немногочисленные вещи в мешок, что отломала деревянное крыло птицы Мирчи. Она послала одного из мужчин за камнем дварров, который уронила в снег у края пропасти. И прежде чем солнце успело хотя бы немного переместиться вдоль горизонта, уже спускалась по заснеженному склону Грианспога.

Мегвин сильно проголодалась, ее одолевала усталость, к тому же она наконец начала замерзать. Даже с помощью ее спасителей путешествие вниз оказалось более трудным, чем подъем. И все же Мегвин чувствовала, что ее наполняет тихое ликование, точно ребенок ждущее появления на свет, – радость, которая, как и ребенок, вырастет и станет величественной. Теперь она скажет своим людям, что помощь близка! Что может быть лучше после однообразных двенадцати месяцев изгнания!

А что еще следует сделать, – вдруг подумала она. – Как эрнистирийцы должны готовиться к возвращению богов?

Мегвин размышляла об этом, пока их маленький отряд осторожно спускался вниз, а утро вступало в свои права на склоне Грианспога. Наконец она решила, что нужно еще раз поговорить с Дайавен. Гадалка оказалась права с Брадах-Тором и сразу поняла важность других снов. Дайавен поможет решить, какой шаг будет следующим.

Старый Краобан встретил поисковый отряд гневными словами и плохо скрываемой тревогой, но его ярость на безрассудство скатилась с Мегвин, как дождевая вода с промасленной кожи. Она улыбнулась и поблагодарила его за то, что он послал людей, которые ее нашли и помогли благополучно спуститься вниз, но не позволила ей мешать. Мегвин не обратила на него ни малейшего внимания, когда он потребовал, а потом попросил ее отдохнуть и привести себя в порядок. Наконец, не в силах убедить Мегвин пойти с ними, не желая прибегать к силе в пещере, где было полно любопытных глаз, Краобан и его люди сдались.

Дайавен стояла перед пещерой, словно ждала, что Мегвин придет именно в это время. Гадалка взяла ее за руку и повела в свой заполненный дымом закуток.

– Я все вижу по твоему лицу. – Дайавен пристально посмотрела в глаза Мегвин. – Слава Мирче, тебя посетил новый сон.

– Я поднялась на вершину Брадах-Тора, как ты советовала. – Мегвин хотелось кричать от возбуждения. – И боги говорили со мной!

Она рассказала Дайавен обо всем, что с ней произошло, пытаясь не преувеличивать и не приукрашать, – реальность была прекрасна и сама по себе.

Когда Мегвин закончила, Дайавен молча посмотрела на нее, и ее глаза заблестели, словно в них появились слезы.

– О, какая радость! – сказала гадалка. – Тебя посетило Видение, как в старых легендах.

Мегвин радостно улыбнулась. Дайавен все поняла, как Мегвин и рассчитывала.

– Это замечательно, – согласилась она. – Мы все будем спасены. – Она немного помолчала, выпуская на поверхность мысль, которую старалась прогнать. – И что нам теперь следует делать?

– Выполнить волю богов, – без колебаний ответила Дайавен.

– Но в чем она состоит? – спросила Мегвин.

Дайавен разыскала в своей коллекции зеркало с полированной бронзовой ручкой в форме свернувшейся змеи.

– А теперь соблюдай тишину. Я не стану ходить с тобой по снам, но у меня есть собственные методы видеть. – Она поднесла зеркало к тлевшему огню, а потом сдула образовавшийся темный налет.

Дайавен долгое время смотрела в зеркало, казалось, будто взгляд ее карих глаз остановился на чем-то за пределами зеркала, губы беззвучно шевелились. Наконец она опустила зеркало.

– Боги помогают дерзким, – заговорила она, и ее голос стал отстраненным. – Багба дал скот народу Эрна, потому что они потеряли своих лошадей, сражаясь на стороне богов. Матан научила женщин ткать за то, что они спрятали ее от ярости мужа Мурхага. Боги помогают дерзким. – Она заморгала, убрала седую прядь с глаз, и ее голос стал обычным. – Мы должны выйти навстречу богам и показать им, что дети Эрна достойны их помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.